

10.335
1957

საქართველოს
საბავშვო ლიტერატურა

4

10335
44

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЯ

1957

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
ГРУЗИИ

СО Д Е Р Ж А Н И Е

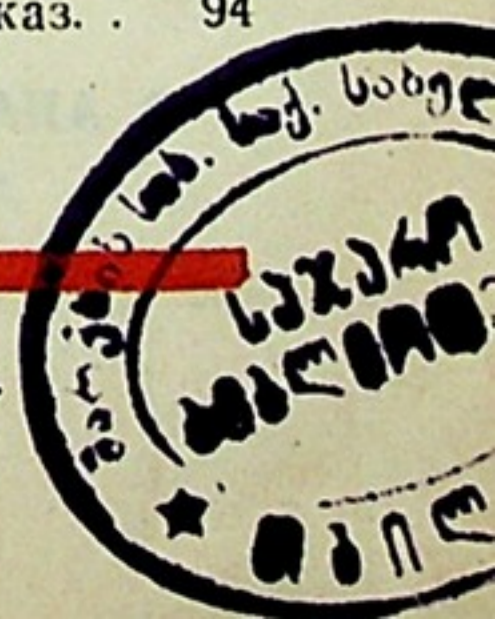
57.213

Информационное сообщение о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза	3
Н. ХРУЩЕВ. За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа	4
<u>1917 — ЛЮДИ И СОБЫТИЯ — 1957</u>	
ИЯ МЕСХИ. Наш восточный брат — Сумгаит. Очерк	24
СОФЬЯ ТОДРИЯ. Воспоминания рядового подпольщика. Встречи с В. И. Лениным.	32
<hr/>	
ШОТА РУСТАВЕЛИ. Витязь в тигровой шкуре. Глава из поэмы	36
ШАЛВА ДАДИАНИ. Семья Гвиргвилиани. Роман. (Продолжение).	42
ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ. На XX съезде. Стихи.	73
СИМОН ЧИКОВАНИ. Майский дождь. Стихи	76
БОРИС ПАСТЕРНАК. Новые стихи	77
МУРМАН ЛЕБАНИДЗЕ. Зеленая песня. Стихи	81
ШАЛВА АМИСУЛАШВИЛИ. Баллада о тушинской шапке. Стихи	83
ВАСИЛИЙ СМИРНОВ. Ручей. Стихи	85
ЛЕВАН ГОТУА. Рассказ о пушке	86
СЕМЕН БАБАЕВСКИЙ. Олег и Ленька. Рассказ.	94

4

ОКТАБРЬ 1957

(См. на обороте)

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

ГЕОРГИЙ МАРГВЕЛАШВИЛИ. Подлинное богатство поэзии. (Статья вторая) 107 ✓

МИХАИЛ ГАРАКАНИДЗЕ. Грузинское деревянное зодчество 118

НАДЕЖДА ШАЛУТАШВИЛИ. Выдающийся деятель русской сцены 129

СРЕДИ КНИГ

НОВЫЕ РАБОТЫ ГРУЗИНСКИХ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ: В. ЛАПЕРАШВИЛИ — На заре нашей эпохи. Ф. ГОКИЕЛИ — Книга о жизни и творчестве великого польского поэта. И. МЕГРЕЛИДЗЕ — Памятники древне-грузинской литературы. Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ — Поэзия научного исследования. Г. НАТРОШВИЛИ — Статьи о литературных традициях 133—138

НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

И. ЕНИКОЛОПОВ. Неизвестное письмо Габриэла Сундукянца 139

Л. ДЖУЛАБАШВИЛИ. Первый перевод романа Ивана Вазова «Под иггом» на грузинский язык 140

А. РОСТИАШВИЛИ. Подарок Стефана Цвейга 142

Коротко об авторах 143

Редактор **К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ**

Редакционная коллегия:

О. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ (заместитель редактора),
А. КУТЕЛИЯ, В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ

Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-87-88.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

22—29 июня с. г. состоялся Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Пленум обсудил вопрос об антипартийной группе Маленкова Г. М., Кагановича Л. М., Молотова В. М.

Пленум принял соответствующее постановление, которое сегодня публикуется.

Пленум вывел из состава членов Президиума ЦК и из членов ЦК КПСС тт. Маленкова, Кагановича, Молотова; снял с поста Секретаря ЦК КПСС и вывел из состава кандидатов в члены Президиума ЦК и из состава членов ЦК т. Шепилова.

Пленум избрал ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС в следующем составе:

Члены Президиума: тт. Аристов А. Б., Беляев Н. И., Брежнев Л. И., Булганин Н. А., Ворошилов К. Е., Жуков Г. К., Игнатов Н. Г., Кириченко А. И., Козлов Ф. Р., Куусинен О. В., Микоян А. И., Суслов М. А., Фурцева Е. А., Хрущев Н. С., Шверник Н. М.;

Кандидаты в члены Президиума: тт. Мухитдинов Н. А., Поспелов П. Н., Коротченко Д. С., Калиберзин Я. Э., Кириленко А. П., Косыгин А. Н., Мазуров К. Т., Мжаванадзе В. П., Первухин М. Г.

Пленум пополнил состав Секретариата, избрав Секретарем ЦК КПСС т. Куусинена О. В.

ЗА ТЕСНУЮ СВЯЗЬ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА С ЖИЗНЬЮ НАРОДА

Н. ХРУЩЕВ

Коммунистическая партия, руководствуясь указаниями В. И. Ленина о том, что литература и искусство являются составной частью общенародной борьбы за коммунизм, всегда придавала и придает первостепенное значение деятельности писателей, художников, скульпторов, композиторов, всех деятелей советской культуры, расцвету нашей многонациональной советской социалистической культуры.

Советская литература и искусство сильны своей связью с жизнью народа, его борьбой за дело коммунизма. На XX съезде КПСС отмечалось, что деятели нашей литературы и искусства являются верными помощниками Коммунистической партии в осуществлении великих задач строительства нового общества и коммунистического воспитания трудящихся.

Вопросы развития литературы и искусства нельзя рассматривать в отрыве от тех насущных задач, которые решают сейчас Коммунистическая партия и советский народ по дальнейшему подъему экономики и культуры нашей страны, в борьбе за строительство коммунистического общества.

I.

XX съезд КПСС, как известно, поставил большие задачи в области развития промышленности, сельского хозяйства, культурного строительства, подъема жизненного уровня народа. После съезда прошло немного времени, но успехи, достигнутые за этот период в осуществлении намеченного съездом курса, действительно огромны. Промышленность нашей страны успешно выполняет задания шестой пятилетки. Многие буржуазные политики откровенно говорят о том, что их страшат темпы роста советской промышленности, пугает сила воздействия советского примера на трудящихся всего мира. А мы с вами хорошо знаем, как убедительно воздействует наш пример на умы трудящихся всех стран.

Сокращенное изложение выступлений на совещании писателей в ЦК КПСС 13 мая 1957 года, на приеме писателей, художников, скульпторов и композиторов 19 мая 1957 года, на партийном активе в июле 1957 года.

На недавно состоявшейся сессии Верховного Совета СССР, обсуждавшей вопрос о перестройке управления промышленностью и строительством, отмечалось, что за годы Советской власти объем промышленной продукции в нашей стране возрос более чем в 30 раз, а в области машиностроения и металлообработки — в 180 раз, производство электроэнергии увеличилось почти в 100 раз.

Эти данные красноречиво свидетельствуют о том, что наша страна, идя по указанному Лениным пути, превратилась в могучую социалистическую державу. Осуществляемая в настоящее время перестройка управления промышленностью и строительством имеет огромное значение для дальнейшего развития экономики Советского Союза.

Перенесение центра тяжести управления промышленностью на места дает возможность руководить хозяйством более конкретно и оперативно, еще больше развязать инициативу масс, повысить роль и ответственность местных органов. Теперь вопросы работы предприятий истроек будут решаться не в министерствах и главках, а непосредственно на месте, в экономическом районе.

Думаю, что, возможно, не все согласны со мной в этом вопросе. Одни прямо об этом скажут, а другие могут промолчать. Это их дело. Должен напомнить, что когда Коммунистическая партия и наше правительство решали вопрос об освоении целины, тоже не все понимали значение этого дела. Так получилось и с перестройкой управления промышленностью. Кое-кто выступил против этого дела. Тут сказались приверженность к старому. Старое было удобно, к нему привыкли, а отжившее, старое надо ломать. Жить по старинке мы не можем, мы должны идти вперед.

Если благодаря освоению целинных и залежных земель советский народ добился больших успехов, то мероприятия, проводимые Коммунистической партией в области улучшения работы нашей промышленности, дадут еще большие результаты. Реорганизация хозяйственного управления, которую мы проводим, принесет советскому народу не только материальные блага. Она вызовет также новый расцвет культуры, потому что более равномерно будут распределяться культурные силы, центры экономических районов будут еще быстрее расти и как центры культуры.

Отдельные писатели после опубликования тезисов доклада о перестройке управления промышленностью и строительством проявили непонимание новых процессов, происходящих в нашей жизни, оказались недостаточно подготовленными для того, чтобы правильно оценить положение в народном хозяйстве страны на современном этапе, когда настойчиво ставится вопрос о совершенствовании форм управления промышленностью. В этом, между прочим, проявилась оторванность подобных писателей от жизни. Но мы уверены, что жизнь скоро покажет этим товарищам, как они заблуждаются.

Партия за последние годы уделяет много внимания подъему нашего сельского хозяйства. Вы знаете, в каком трудном положении находилось оно несколько лет тому назад. Вы, наверное, помните, какой визг и шум подняли наши враги в капиталистических странах, когда мы на сентябрьском Пленуме ЦК в 1953 году открыто и прямо сказали о недостатках в руководстве сельским хозяйством. Враги кричали, что это крах колхозов, крах всего нашего дела.

За эти годы партия, весь советский народ провели большую работу по подъему сельского хозяйства, и теперь каждый советский человек ощущает ее плоды. Почему же наше сельское хозяйство длительное время серьезно отставало? Это происходило потому, что никто в центре не хотел по-настоящему разобраться с положением дела на местах. Сталин,

как известно, никуда не выезжал, с работниками сельского хозяйства не советовался, к голосу местных работников не прислушивался, а люди, которым он поручал в центре наблюдение за сельским хозяйством, скрывали от него крупные недостатки, занимались очковтирательством. Грубо нарушался принцип материальной заинтересованности колхозников, всех работников сельского хозяйства в увеличении производства сельскохозяйственных продуктов.

Приведу хотя бы такие примеры. Вскоре после окончания войны я ездил в деревню, где родился, там зашел к двоюродной сестре. У нее был сад. Я сказал ей:

— У тебя замечательные яблони.

Она ответила:

— Осенью их срублю.

— Почему? — спросил я.

— Приходится платить большие налоги, — заявила она. — Невыгодно иметь сад.

Я рассказал об этом разговоре И. В. Сталину, сообщил ему, что колхозники сады рубят. А он мне потом сказал, что я народник, что народнический подход имею, теряю пролетарское классовое чутье.

Другой пример. Было ведь так, что мы из городов посылали тысячи людей убирать картофель в колхозах, в то время как сами колхозники не участвовали в уборке? Да, было. Почему колхозники не хотели работать на уборке картофеля? Потому, что при заготовке картофеля мы платили крайне низкие цены. Одна доставка картофеля на заготовительный пункт обходилась колхозу дороже того, что он получал за него.

Мы вынуждены были изменить такое положение, найти соответствующий уровень цен, создать материальную заинтересованность колхозников в производстве сельскохозяйственных продуктов. Без материальной заинтересованности колхозников в этом деле далеко не уедешь. Об этом нельзя забывать, когда речь идет о производстве столь жизненно необходимых для народа продуктов, как хлеб, мясо, масло, картофель. Но у нас, к сожалению, порой еще встречаются такие «крепкие головы», которые не в состоянии понять эту истину. Люди, оторвавшиеся от жизни, от интересов народа, не способны понять, что, упорно цепляясь за старое, можно загубить дело, нанести непоправимый ущерб интересам народа. Такие люди есть и среди работников идеологического фронта. Они живут в плену устарелых представлений, книжных схем, догм и формул.

Надо признать, что схоластические книжные представления довольно живучи, и они еще нередко дают себя знать в нашей работе. Носители подобных взглядов страшатся всего нового, поднимают крик и шум, шарахаются в испуге, теряют способность трезво анализировать обстановку, понимать потребность в осуществлении назревших мер, диктуемых ходом общественного развития. Когда ЦК предложил ввести новый порядок планирования в сельском хозяйстве, консервативные люди выступили против этой меры. Они пытались запугивать ЦК, говоря, что если мы откажемся планировать посевы по культурам из центра, то колхозники перестанут сеять пшеницу и нам неоткуда будет получать хлеб. Жизнь посмеялась над этими консерваторами. Миллионы колхозников горячо поддержали новый порядок планирования, активно включились в это дело, и мы имеем в результате большой выигрыш.

XX съезд партии показал, что наша страна располагает теперь всеми необходимыми условиями для того, чтобы решить в исторически кратчайший срок основную экономическую задачу СССР — догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству про-

дукции на душу населения. Решение этой задачи, о которой Ленин говорил накануне Октябрьской революции как об одной из важнейших задач социалистического государства, позволит еще более укрепить экономическое могущество СССР, значительно поднять жизненный уровень народа.

Рабочие и крестьяне нашей страны шли за большевистской партией, за Лениным в октябре 1917 года на борьбу за свержение помещичье-капиталистического строя для того, чтобы завоевать свободу и построить новую, лучшую жизнь. А в чем выражается эта лучшая жизнь? В том, чтобы человек был свободным гражданином, хозяином своей судьбы, чтобы он работал не на эксплуататоров, а на себя, имел в достатке все необходимое ему для культурной и обеспеченной жизни. Коммунистическая партия считает своей первейшей обязанностью постоянную заботу о неуклонном подъеме благосостояния трудящихся. Наша задача сейчас состоит в том, чтобы иметь в стране уже в ближайшие годы в достатке такие жизненно необходимые продукты, как хлеб, мясо, масло, молоко и другие предметы народного потребления. Вы знаете, какие усилия предпринимает теперь партия для всемерного расширения жилищного строительства как в городах, так и в сельских районах, чтобы обеспечить трудящихся нашей страны благоустроенным жильем.

В результате осуществленных за последние годы мероприятий наше сельское хозяйство находится сейчас на таком уровне развития, что оно может с успехом решить задачу догнать в ближайшие годы Соединенные Штаты Америки по производству мяса, молока и масла на душу населения. Как в настоящее время обстоит дело с производством мяса, масла, молока у нас и в Соединенных Штатах Америки? В 1956 году в Советском Союзе производилось 32,3 килограмма мяса на душу населения, в Соединенных Штатах — 102,3 килограмма. Сливочного масла у нас производилось 2,8 килограмма на душу населения, а в США — 3,8 килограмма, молока мы производили 245 килограммов на душу, а США — 343 килограмма. Как видите, мы пока еще серьезно отстаем от США в производстве масла, молока и особенно мяса на душу населения. Приведенные мною цифры показывают, какую огромную задачу мы поставили перед собой. Можем ли мы ее решить? Скептики пугают нас, говоря, что будто бы мы взваливаем на себя непосильную ношу. Они не верят в возможности социалистического хозяйства, не знают страны, не понимают души нашего народа, не верят в его неисчерпаемые силы.

Мы не были бы коммунистами, учениками и последователями Ленина, если бы боялись трудностей, которые возникают в борьбе за повышение народного благосостояния. Мы отдаем себе отчет в том, что стоящая перед нами задача велика и сложна, но Коммунистическая партия, советский народ решат эту задачу. Наша твердая уверенность основана на точных расчетах реальных возможностей, какими располагает социалистическое сельское хозяйство, на учете опыта передовых колхозов.

Поставленная партией задача получила всенародное одобрение и поддержку. В стране нарастает могучий подъем инициативы трудящихся. Колхозники берут на себя обязательства увеличить производство мяса, масла и молока в три, пять, десять и больше раз — это их ответ маловебрам и скептикам.

В настоящее время колхозное животноводство находится на подъеме. В этих условиях в Центральном Комитете партии обсуждается вопрос о том, чтобы уже с 1958 года отказаться от обязательных поставок колхозниками сельскохозяйственных продуктов с их личных хозяйств. Теперь мы имеем полную возможность это сделать. Осуществление такого мероприятия имеет большое жизненное значение для миллионов трудящихся.

Мне хотелось бы также рассказать и о других мероприятиях, осуще-

ствляемых партией в целях дальнейшего улучшения жизненных условий народов Советского Союза. Быстрый рост нашей промышленности, систематическое повышение производительности труда, широкое использование новейших достижений науки и техники для механизации производства позволяют нам осуществить в ближайшее время переход на семичасовой рабочий день, а на подземных работах в угольной и горнорудной промышленности — на шестичасовой рабочий день. В капиталистических странах механизация и автоматизация производства влекут за собой ухудшение условий жизни трудящихся, массовую безработицу для рабочего класса. В нашей социалистической стране дело обстоит совсем по-другому. Чем более совершенной становится техника производства, тем быстрее растет производительность общественного труда, повышается жизненный уровень трудящихся. Не за горами то время, когда мы вслед за введением семичасового рабочего дня осуществим переход на шестичасовой рабочий день. Тем самым будут созданы еще более благоприятные условия для всестороннего развития духовной культуры, для всестороннего развития личности граждан социалистического общества. Рост материальной культуры есть основа роста духовной культуры. При низком уровне материальной культуры не может расцвести духовная культура всего общества. Эти два фактора взаимосвязаны.

Советский Союз является многонациональным социалистическим государством, объединяющим на добровольных началах пятнадцать равноправных братских союзных республик. На путях социалистического развития ранее угнетавшиеся народы, получив государственную самостоятельность, приобрели неограниченные возможности для роста экономики и культуры и за короткий срок сделали огромный скачок вперед. Надо прямо сказать, что мы по-настоящему еще ярко не показали те великие исторические преобразования, которые произошли в жизни народов наших республик за годы Советской власти. И в этом отношении наши работники литературы и искусства в большом долгу перед народом. Хочется посоветовать литераторам и художникам, чтобы они попристальнее взгляделись и поглубже вникли в жизнь всех национальностей нашей страны. Тогда тысячи живых примеров покажут им, как изменились судьбы людей, с какими замечательными успехами приходит наш народ к 40-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

За последние годы я несколько раз был в Казахстане, Узбекистане и Таджикистане, а также был в Киргизии, в республиках Прибалтики — Литве, Латвии и Эстонии. Бывал также и в Грузии, но это было давно. В каждой из наших союзных республик достигнуты огромные успехи в области хозяйственного и культурного строительства, выросли многочисленные квалифицированные кадры.

Какой поразительный расцвет экономики и культуры имеем мы в наших советских республиках! Какие замечательные люди выросли и сформировались в условиях советского общества под руководством Коммунистической партии в ходе исторической борьбы за дело коммунизма! Встречаясь и беседуя с этими людьми, испытываешь чувство горечи и сожаления о том, что так редко удается писателям и художникам достойно воплотить в произведениях литературы и искусства образы наших людей, показать, что это новые люди, рожденные и воспитанные эпохой социализма. Эти новые люди являются борцами за свободу и счастье человечества, воплощают в себе высокие душевные качества и черты коммунистической морали. Укрепление связи с повседневной жизнью народа, его трудовой деятельностью поможет писателям и художникам преодолеть устаревшие представления о наших людях, познать их душу, их характер, думы и чаяния и создать в повестях, романах, поэмах и пьесах, в произ-

ведениях киноискусства, живописи и музыки правдивые и яркие образы наших современников.

04135320
0000000000

XX съезд партии в своих решениях указал, что в целях дальнейшего подъема и расцвета экономики и культуры необходимо всемерно расширять права и повышать роль союзных республик, последовательно проводить в жизнь ленинскую национальную политику. После съезда партией и правительством проведена уже значительная работа в этом направлении, и ее результаты положительно сказываются на жизни всех республик.

В этой связи хочется особо сказать о важнейших мероприятиях, которые осуществлены Центральным Комитетом КПСС и Советским правительством в целях расширения прав Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Российская Федерация по праву пользуется заслуженным уважением всех братских народов Советского Союза. Вместе с русскими люди всех социалистических наций СССР с любовью говорят: Россия-матушка. Известно, что еще в дореволюционное время выдающиеся представители демократической русской интеллигенции были тесно связаны с передовыми представителями интеллигенции всех народов России, активно выступали против национального гнета, оказывали благотворное влияние на развитие культур различных наций и народностей.

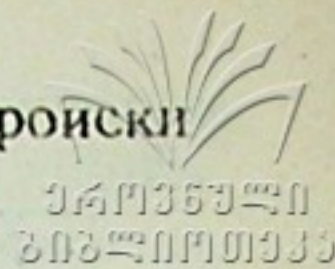
Героический русский рабочий класс под руководством большевистской партии возглавил борьбу трудящихся всех национальностей против ненавистного царизма, против буржуазно-помещичьего строя и обеспечил победу социалистической революции. В ходе великих социалистических преобразований в нашей стране русский народ сделал очень и очень многое для того, чтобы помочь ранее угнетавшимся народам страны преодолеть вековую экономическую и культурную отсталость и поднять их до своего уровня. Великие и благородные дела русского народа как в годы мирного строительства, так и в период военных испытаний снискали ему горячую признательность и уважение всех народов нашей страны. Это ни в какой мере не умаляет выдающегося значения всех народов в братской семье социалистических наций СССР. Все народы нашего Советского Союза вносят свой великий вклад в дело коммунистического строительства. Непреоборимая сила советского строя — в нерушимой братской дружбе всех народов нашей многонациональной Советской страны.

Следует признать, товарищи, что до самого недавнего времени Российская Федерация не имела надлежащей полноты прав, соответствующих ее значению и месту в государстве. После XX съезда КПСС это ненормальное положение было исправлено. Создано Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Это оперативный орган Центрального Комитета, который занимается всеми делами Российской Федерации, осуществляет от имени ЦК КПСС руководство всеми областями партийной, хозяйственной и культурной жизни РСФСР. Совет Министров РСФСР наделен всеми необходимыми правами для руководства промышленностью, сельским хозяйством и культурным строительством. Осуществленная недавно перестройка управления промышленностью и строительством, создание в РСФСР 70 совнархозов по экономическим административным районам позволят более конкретно руководить развитием экономики республики.

Мероприятия по расширению прав союзных республик имеют большое значение и открывают еще более широкие возможности для их всестороннего развития.

Товарищи! Наша сила — в единстве наших партийных рядов, в нерушимом единстве всех советских народов, в сплоченности их вокруг Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. При

этом монолитном и нерушимом единстве наших рядов никакие происки сил мировой реакции нам не страшны.

II.

Некоторые приверженцы «чистой теории» пытаются изобразить деятельность нашей партии, осуществляемые ею мероприятия как своего рода узкий практицизм. Отдельные сторонники таких взглядов встречаются и среди писателей. Подобного рода заблуждения нельзя оставлять без ответа. Давайте рассмотрим, как следует понимать с марксистской точки зрения связь теории с практикой. Никому из марксистов-ленинцев не придет в голову принижать значение революционной теории. Без революционной теории, говорил Ленин, нет и революционной практики.

Теория марксизма-ленинизма есть выражение коренных интересов рабочего класса, коренных интересов трудящихся. Она не догма, а руководство к практическому революционному действию. На каждом новом этапе исторического развития жизнь выдвигает свои задачи, вытекающие из потребностей общества. Творческий подход к теории, умение развивать и двигать вперед марксистско-ленинскую науку состоит в том, чтобы на основе научного обобщения живого опыта правильно понять новые назревшие задачи общественного развития и наметить пути их практического осуществления.

Решения XX съезда КПСС — образец творческого развития марксистско-ленинской теории. Намеченный съездом политический курс нашей партии выражает коренные интересы советского народа на современном этапе борьбы за коммунизм. Эти коренные интересы народа состоят в том, чтобы обеспечить дальнейшее мощное развитие социалистической промышленности и в первую очередь тяжелой индустрии, крутой подъем сельского хозяйства и на этой основе всемерно повышать материальное благосостояние трудящихся.

Осуществляемые за последние годы Коммунистической партией мероприятия как в области партийного и государственного строительства, так и в области подъема экономики и повышения жизненного уровня народа являются свидетельством того, что вся деятельность нашей партии основывается на неразрывном единстве теории и практики. В последние годы жизни Сталина эта связь теории и практики была нарушена. Вот чего не понимают оторвавшиеся от жизни люди, мнящие себя жрецами и истолкователями марксистско-ленинской науки, а на деле порвавшие с ленинизмом и скатившиеся на путь фракционной, раскольнической деятельности, направленной против коренных интересов партии, коренных интересов народа. Июньский Пленум Центрального Комитета разоблачил и идейно разгромил антипартийную группу Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова, выступавших против ленинского курса, намеченного XX съездом партии. Вся наша партия, весь советский народ единодушно одобрили это решение июньского Пленума ЦК КПСС, направленное на дальнейшее укрепление ленинского единства партии.

Я знаю таких людей, которые ходят в теоретиках, а по сути дела вся их теоретическая «мудрость» сводится к жонглированию по поводу и без повода цитатами из высказываний классиков марксизма-ленинизма. Выдавая себя за теоретиков, подобные горе-ученые не могут понять такую важную марксистскую истину, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться прежде, чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой и искусством. Эти талмудисты и начетчики забывают, что народ для того и взял власть в свои руки, чтобы возможно более

быстро развить производительные силы, умножить общественное богатство, поднять свое благосостояние, создать лучшие условия жизни.

Если бы Маркс, Энгельс и Ленин смогли сейчас подняться, то они бы высмеяли тех буквоедов-цитатчиков, которые вместо того, чтобы изучать жизнь современного общества, творчески развивать теорию, пытаются выискать у классиков цитату о том, как поступить с машинно-тракторной станцией в таком-то районе. Смешно искать у Маркса или Энгельса указаний о том, как, например, поступить нам с поставками сельскохозяйственных продуктов колхозниками с их хозяйств.

Следует признать, что среди наших экономистов и философов имеются люди, оторванные от жизни, от практики коммунистического строительства. Можно встретить даже таких экономистов, которые, говоря о заработной плате в современных условиях, пользуются примерами, приводившимися почти сто лет тому назад Марксом в его знаменитом «Капитале». Конечно, таких людей немного, но, к сожалению, они все еще нет-нет да и встретятся. Подобные экономисты не могут дать конкретных примеров из жизни потому, что они по-настоящему не знают жизнь. Это не теоретики, а попугаи, которые затвердили определенные фразы и повторяют их. Грош цена такой «теоретической» работе.

Мы, коммунисты, люди активного революционного действия, мы видим свою задачу в том, чтобы преобразовать мир, построить коммунистическое общество. Сила нашей теории в том, что она тесно связана с жизнью, обобщает творческий опыт миллионов, стоит на защите коренных интересов трудящихся, составляющих большинство населения мира. Сила марксистско-ленинской теории в том, что по существу своему она революционна, не терпит застоя, рутины и косности, она освещает путь в коммунистическое будущее, ведет народы вперед, помогая им преодолевать трудности и преграды на пути к этой цели.

Марксисты-ленинцы выступают, как творцы новой жизни, люди большой революционной мысли, смелой фантазии, окрыляющей мечты. Вместе с тем они люди земные, твердо стоящие обеими ногами на почве реальной действительности, трезвые политики, учитывающие в своей деятельности все реальные условия и возможности, не боящиеся трудностей, не скрывающие противоречий, способные открыто и честно сказать своему народу всю правду, как бы она порою ни была горька. Ученики и последователи Ленина, коммунисты, ставят перед собой самые смелые задачи во имя блага и счастья народа и не жалеют сил для их осуществления.

Вспомним, товарищи, какое огромное значение придавал Ленин практической деятельности нашей партии в области хозяйственного развития. Он говорил, что если бы мы смогли дать 100 тысяч тракторов, то крестьяне сказали бы, что они за коммунию, то есть за коммунизм. А когда был разработан план электрификации России, Ленин назвал его второй программой нашей партии.

Великие планы коммунистического строительства, разработанные XX съездом партии, являются боевой программой наших действий на современном этапе развития страны. Эти планы предусматривают гигантский рост производительных сил на основе непрерывного технического прогресса с тем, чтобы значительно увеличить производство продуктов и товаров народного потребления и сделать новый крупный шаг по пути к коммунизму.

Осуществление планов, намеченных XX съездом, имеет огромное международное значение. Это будет новым ударом сокрушительной силы по идеологам капиталистического мира, которые в своих враждебных выпадах против социализма широко используют такой временный, прехо-

дящий фактор, как данные о производстве товаров на душу населения в наиболее развитых капиталистических странах.

Все честные, непредубежденные люди видят, как с каждым годом бурного развития нашего народного хозяйства резко уменьшается разница в уровне производства продуктов на душу населения у нас и в наиболее развитых капиталистических странах. В настоящее время мы уже вышли на второе место в мире по объему промышленного производства. Даже лютые враги не могут отрицать экономического могущества Советского Союза и быстрых темпов его экономического развития.

Выдающиеся успехи Советского Союза, Китайской Народной Республики, всех социалистических стран производят ошеломляющее действие на противников социализма и приводят их в смятение. Именно этими успехами социалистических стран обуславливается все возрастающая притягательная сила идей социализма во всех странах, которым противники социализма приписывают чуть ли не сверхъестественный характер. Именно поэтому на нас взваливают иногда вину за события в таких местах, где наша нога никогда не ступала. Понять, осмыслить и правильно осветить сущность великих социалистических преобразований — такова важнейшая задача наших идеологических работников.

Говоря о задачах идеологических работников, нельзя обойти молчанием вопрос о культе личности и ликвидации его последствий. Осуждение нашей партией чуждого духу марксизма-ленинизма культа личности И. В. Сталина вызвало широкий отклик как внутри страны, так и за ее рубежами. Советский народ, коммунистические и рабочие партии, все наши зарубежные друзья горячо одобрили и единодушно поддержали решения XX съезда и известное постановление ЦК КПСС о ликвидации последствий культа личности. Враги социализма пытались использовать критику культа личности в своих грязных целях, организовав визгливую клеветническую кампанию против нашей страны и социалистического лагеря в целом. Им очень хотелось бы внести замешательство в ряды борцов за мир, демократию и социализм, ослабить влияние идей марксизма-ленинизма, поколебать единство стран социалистического лагеря, оклеветать и скомпрометировать коммунистические партии в глазах народов. Теперь всем видно, что эти подлые расчеты врагов социализма потерпели позорный провал.

Коммунистические и рабочие партии вовремя распознали и разоблачили замыслы империалистов, нанесли сокрушительный удар по вдохновителям и организаторам идеологической диверсии, а также по всем оппортунистическим элементам, пытавшимся ревизовать основы марксизма-ленинизма.

В обостренной идеологической борьбе наша советская интеллигенция показала себя политически зрелой, стойкой, преданной идеям марксизма-ленинизма, вместе со всем советским народом продемонстрировала единство и сплоченность в великой борьбе за дело коммунизма. Но следует признать, что в среде интеллигенции нашлись отдельные люди, которые начали терять почву под ногами, проявили известные шатания и колебания в оценке ряда сложных идеологических вопросов, связанных с преодолением последствий культа личности.

Чем объяснить подобные шатания и колебания отдельных представителей из среды деятелей литературы и искусства? По-моему, это произошло потому, что некоторые товарищи односторонне, неправильно поняли существо партийной критики культа личности Сталина. Они пытались истолковать эту критику как огульное отрицание положительной роли И. В. Сталина в жизни нашей партии и страны и встали на ложный путь предвзятого выискивания только теневых сторон и ошибок в истории

борьбы нашего народа за победу социализма, игнорируя всемирно-исторические успехи Советской страны в строительстве социализма.

В беседе с редактором американской газеты «Нью-Йорк таймс», отвечая на его вопрос — «Какое место займет Сталин в истории?» — я сказал, что Сталин займет должное место в истории Советского Союза. У него были большие недостатки, но Сталин был преданным марксистом-ленинцем, преданным и стойким революционером. Сталин допустил много ошибок в последний период своей деятельности, но он и сделал много полезного для нашей страны, для нашей партии, для всего международного рабочего движения. Наша партия, советский народ будут помнить Сталина и воздавать ему должное.

Для того, чтобы правильно понять существо партийной критики культа личности, надо глубоко осознать, что в деятельности товарища Сталина мы видим две стороны: положительную, которую мы поддерживаем и высоко ценим, и отрицательную, которую критикуем, осуждаем и отвергаем.

И. В. Сталин в течение длительного времени занимал руководящее положение в составе Центрального Комитета нашей партии. Вся его деятельность связана с осуществлением великих социалистических преобразований в нашей стране. За эти годы в результате претворения в жизнь ленинских планов социалистического строительства в корне изменился облик нашей страны. Вспомним, что представляла собой Россия до победы Великой Октябрьской революции. Это была в экономическом и культурном отношении отсталая страна, низведенная царизмом до положения полуколониального государства. Посмотрите, что представляет собой Советская страна сегодня! Советский Союз является великой, могущественной социалистической державой, оказывающей решающее влияние на ход мировой истории, пользующейся глубоким уважением трудящихся всего мира.

Великие успехи в развитии нашей страны достигнуты под руководством Коммунистической партии и ее Центрального Комитета, ведущую роль в котором играл И. В. Сталин. Строительство социализма в СССР осуществлялось в обстановке ожесточенной борьбы с классовыми врагами и их агентурой в партии — с троцкистами, зиновьевцами, бухаринцами и буржуазными националистами. Это была политическая борьба. Партия правильно сделала, разоблачив их как противников ленинизма, противников социалистического строительства в нашей стране. Политически они осуждены, и осуждены справедливо.

В этой борьбе Сталин сделал полезное дело. Этого нельзя вычеркнуть из истории борьбы рабочего класса, крестьянства и интеллигенции нашей страны за социализм, из истории Советского государства. За это мы ценим и уважаем Сталина. Мы были искренними в своем уважении к И. В. Сталину, когда плакали, стоя у его гроба. Мы искренни и сейчас в оценке его положительной роли в истории нашей партии и Советского государства. Каждый из нас верил Сталину, вера эта была основана на убеждении, что дело, которое мы делали вместе со Сталиным, совершалось в интересах революции, в интересах рабочего класса, всех трудящихся.

Наша партия, все мы решительно осуждаем Сталина за те грубые ошибки и извращения, которые нанесли серьезный ущерб делу партии, делу народа. Мы потеряли много честных и преданных людей, работников нашей партии и Советского государства, оклеветанных и невинно пострадавших. Многих из них мы уже реабилитировали. Партия осудила те неправильные методы руководства, которые сложились в период культа личности, последовательно и настойчиво проводит работу по восстановле-

нию ленинских норм партийной жизни и принципов руководства, по всемерному расширению советской социалистической демократии.

Как могло случиться, что Сталин, занимая правильную позицию в борьбе с противниками ленинизма, совершил такие грубые и тяжелые ошибки? Это сложный вопрос, товарищи. Это трагедия Сталина, во многом обусловленная крупными недостатками его личности, его характера, на которые указывал В. И. Ленин в декабре 1922 года в своем письме съезду партии. Эти недостатки Сталина особенно развились в последний период его жизни, когда он стал допускать грубые нарушения ленинских норм партийной жизни, пренебрегал принципами коллективного руководства, единолично решал многие важнейшие партийные и государственные вопросы, когда ослабли его связи с кадрами и массами трудящихся. Положение осложнялось и тем, что личные недостатки Сталина были использованы во вред нашему делу заклятым врагом партии и народа провокатором Берия.

Большая вина в этом деле лежит и на т. Маленкове, который подпал под полное влияние Берия, был его тенью, был орудием в руках Берия. Занимая высокое положение в партии и государстве, т. Маленков не только не сдерживал И. В. Сталина, но очень ловко пользовался слабостями и привычками Сталина в последние годы его жизни. Во многих случаях он толкал его на такие действия, которые заслуживают строгого осуждения.

Теперь уже всем ясно, какое огромное положительное значение имеет проведенная партией работа по ликвидации последствий культа личности.

Критика культа личности и ликвидация его последствий в области идеологической работы, вполне естественно, вызвали глубокие переживания и серьезные раздумья среди творческих работников и прежде всего среди писателей.

Кто больше всего и острее переживал это? Я считаю, товарищи, что больше всего переживали писатели, художники, скульпторы, композиторы и другие работники искусства. Из писателей же особенно глубоко переживали те товарищи, которые были ближе всего к партии, к Центральному Комитету и, следовательно, к Сталину. Это была близость к народу, ко всему, что делал народ под руководством нашей партии. В произведениях этих писателей правдиво, с искренним чувством рассказывалось о борьбе и победах партии и народа. В этих произведениях часто встречался и образ товарища Сталина. Авторы таких произведений делали доброе дело, они хотели хорошего нашей партии, вместе со всем народом, под руководством партии боролись за высокие коммунистические идеалы. Конечно, в ряде случаев под влиянием общей обстановки в период культа личности в произведениях литературы и искусства проявлялось необъективное, одностороннее изображение личности И. В. Сталина, чрезмерно преувеличивались его заслуги в то время, как роль партии, роль народа не получала достойного отображения.

Когда партия развернула критику культа личности, критику допущенных Сталиным ошибок, некоторым писателям стало представляться, что будто бы чуть ли не вся их творческая деятельность в прошлом была неправильной. У отдельных литераторов появились даже такие настроения, что не следует ли переделать все написанные ими книги. Нужно признать, что среди интеллигенции нашлись и такие люди, ранее не участвовавшие активно в борьбе за наше дело, которые стали поносить и порочить работников литературы и искусства, прославлявших успехи, достигнутые нашим народом под руководством партии. Они придумали и пустили в обиход такое бранное словечко, как «лакировщик», наклеивая этот ярлык на каждого, кто правдиво писал о нашей действительности,

о созидательном труде народа и его великих победах, кто создавал положительные образы советских людей в произведениях литературы и искусства.

Некоторые товарищи ставят вопрос, как относиться к Сталинским премиям, которыми награждены наши люди. Я считаю, что надо с чувством уважения относиться к премиям и с гордостью носить почетный знак лауреата Сталинской премии. Если бы я имел Сталинскую премию, то я носил бы почетный знак лауреата. В деле присуждения Сталинских премий были допущены ошибки, когда в ряде случаев премии получали люди недостойные. Но это частности. За редким исключением Сталинские премии работники науки, литературы и искусства получили заслуженно.

Надо со всей прямотой и ясностью сказать, что Коммунистическая партия всегда поддерживала, поддерживает и будет поддерживать тех писателей и деятелей искусства, которые честно и преданно служат своему народу, вместе с народом радуются успехам Родины в строительстве коммунизма и находят яркие краски для выражения этих успехов в произведениях литературы и искусства.

III.

Центральный Комитет КПСС считает, что товарищеские встречи и беседы с деятелями литературы и искусства по важнейшим вопросам идеологической работы весьма полезны и заслуживают всяческой поддержки. Мне очень понравилось, что на встречах и в беседах, состоявшихся в последнее время в ЦК КПСС, писатели и деятели искусства откровенно и непринужденно говорили по всем вопросам, волнующим их. Они выступали в своей дружеской среде и были правильно поняты. Такие формы общения крайне нужны для товарищеского обмена мнениями, в результате которого вырабатываются взаимопонимание и общие точки зрения по насущным вопросам нашей жизни и работы.

Почему партия так много уделяет внимания вопросам литературы и искусства? Потому, что литературе и искусству принадлежит исключительно важная роль в идеологической работе нашей партии, в деле коммунистического воспитания трудящихся. Писатели, художники, скульпторы, композиторы, работники кино и театрального искусства, вся наша интеллигенция своим творчеством активно участвуют в созидательной деятельности советского общества, верно служат своему народу. Коммунистическая партия считает деятелей литературы и искусства своими верными друзьями, помощниками, надежной опорой в идеологической борьбе. Партия заботится о расцвете, высокой идейности и художественном мастерстве литературы и искусства. Нашему народу нужны произведения литературы, живописи, музыки, отражающие пафос труда, понятные народу. Метод социалистического реализма обеспечивает неограниченные возможности для создания таких произведений. Партия ведет непримиримую борьбу против проникновения в литературу и искусство влияний чуждой идеологии, против враждебных нападок на социалистическую культуру.

Сложность и своеобразие идейной борьбы в области литературы и искусства в настоящее время состоят, между прочим, в том, что нам приходится защищать литературу и искусство не только от нападок извне, но и от попыток отдельных творческих работников толкнуть литературу и искусство на неправильный путь, увести в сторону от главной линии развития.

А главная линия развития состоит в том, чтобы литература и искус-

ство были всегда неразрывно связаны с жизнью народа, правдиво отображали богатство и многообразие нашей социалистической действительности, ярко и убедительно показывали великую преобразовательную деятельность советского народа, благородство его стремлений и целей, высокие моральные качества. Высшее общественное назначение литературы и искусства — поднимать народ на борьбу за новые успехи в строительстве коммунизма.

Надо признать, товарищи, что среди наших писателей и деятелей искусства еще встречаются отдельные люди, которые порою теряют почву под ногами, сбиваются с правильного пути. Такие люди ошибочно, в извращенном свете трактуют задачи литературы и искусства. Они пытаются представить дело так, что будто бы литература и искусство призваны выискивать только недостатки, говорить преимущественно об отрицательном в жизни, о фактах неустроенности и замалчивать все положительное. А ведь именно это положительное, новое и прогрессивное в жизни и составляет главное в бурно развивающейся действительности социалистического общества.

Носители ошибочных и вредных взглядов и настроений ополчились против тех писателей и художников, в произведениях которых даются правдивые и яркие картины поступательного развития советского общества, положительные образы наших современников. К числу тех, кого называют презрительной кличкой «лакировщик», отнесен проработчиками, например, такой писатель, как тов. Грибачев и некоторые другие.

Мы поддерживаем писателей, занимающих правильную позицию в литературе, пишущих о положительном в жизни. Это не означает, что каждое написанное ими произведение свободно от тех или иных недостатков и не может подвергаться критике. Возможно, что в творческой работе этих товарищей и были отдельные ошибочные увлечения, но это никому не дает основания и права охаивать их, отрицать то полезное дело, которое они делали.

Кое-кто, наверное, попытается истолковать такую оценку фактов и явлений литературной жизни, как призыв к одностороннему отображению жизни, замалчиванию недостатков и трудностей в нашей действительности. Но мы заранее решительно отмечаем подобную попытку с негодными средствами.

Нас, коммунистов, никто не может обвинить в боязни критики, в стремлении замазывать и скрывать недостатки в работе. На историческом опыте доказано, что боязнь критики и самокритики присуща уходящим классам и их политическим партиям. Коммунистическая партия, как политический руководитель самого передового класса, как вождь народа, строящего коммунизм, осуществляет свою великую преобразовательную деятельность под знаменем марксизма-ленинизма — самой революционной и критической по существу своему теории. Она не боялась и не боится никаких трудностей на пути к великой цели, всегда смотрит смело и прямо правде в глаза. Она служит интересам народа, открыто и беспощадно вскрывает и критикует недостатки и ошибки, вместе с массами намечает пути устранения недостатков и исправления ошибок во имя успехов нашего дела.

Коммунистическая партия, ее Центральный Комитет во всей своей деятельности показывают пример, как надо вскрывать и устранять недостатки. Вспомните, например, решения партии по вопросам сельского хозяйства, перестройки управления промышленностью и строительством, о предоставлении местным органам больших прав и развязывании их инициативы в работе, о сокращении штатов государственного и партийного аппарата и совершенствовании стиля и методов руководства. Разве

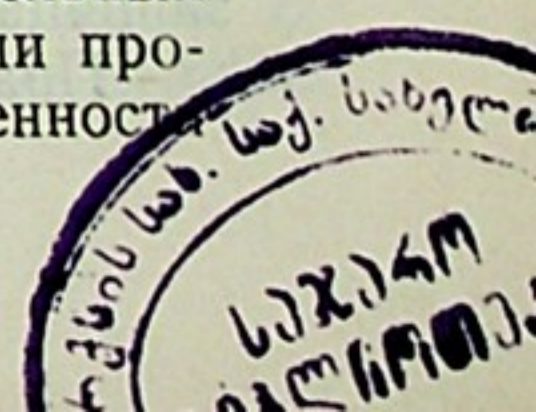
не является свидетельством высокой ленинской принципиальности, мужества и решимости нашей партии критика культа личности, последовательная и настойчивая борьба за преодоление его последствий. Решения XX съезда партии, Пленумов Центрального Комитета проникнуты духом большевистской критики и самокритики, непримиримости к недостаткам и ошибкам. Великий Ленин учил, что принципиальная политика является единственно правильной политикой. Партия требует от каждого коммуниста, каждого работника партийных и государственных органов высокой ответственности за порученное дело и строго взыскивает со всех, кто в своей практической работе отступает от политической линии партии, забывает об интересах партии и народа. Ни занимаемый работником пост, ни прошлые заслуги не ограждают и не могут оградить его от критики и ответственности перед партией и народом.

Весь вопрос в том, с каких позиций и во имя чего ведется критика. Мы вскрываем и критикуем недостатки и ошибки для того, чтобы устранить их как помеху на нашем пути, чтобы еще более укрепить наш советский строй, позиции Коммунистической партии, обеспечить новые успехи и более быстрое движение вперед. А что происходит с некоторыми литераторами, когда они берутся критиковать недостатки? Не зная жизни, не обладая необходимым политическим опытом, умением видеть главное и определяющее в жизни, они цепляются за недостатки и ошибки тех или иных работников, сваливают без разбора и осмысливания все в одну кучу, запугивают себя и пытаются пугать других.

57.218 В такое незавидное положение попал, в частности, писатель В. Дудинцев. В его книжке «Не хлебом единым», которую сейчас пытаются использовать против нас реакционные силы за рубежом, предвзято надерганы отрицательные факты и тенденциозно освещены с недружественных нам позиций. В книжке Дудинцева есть и правильные, сильно написанные страницы, но общее направление книги неверно в своей основе. У читателя создается впечатление, что автор этой книги не проникнут заботой об устранении увиденных им недостатков в нашей жизни, он умышленно сгущает краски, злорадствует по поводу недостатков. Такой подход к изображению действительности в произведениях литературы и искусства есть не что иное, как стремление показать ее в извращенном виде, в кривом зеркале.

Приходится только пожалеть, что этой нездоровой и вредной тенденции не заметили и не дали ей вовремя правильной оценки и отпора некоторые литературно-художественные журналы и издательства. Редакция журнала «Новый мир» предоставила страницы журнала для опубликования сочинений, подобных книге Дудинцева. Редакции ряда литературно-художественных журналов и руководители некоторых издательств оказались не на высоте положения, в ряде случаев сползли с принципиальных позиций. Эти товарищи начали забывать о том, что печать — главное наше идейное оружие. Она призвана разить врагов рабочего класса, врагов трудящихся. Как армия не может воевать без оружия, так и партия не может успешно вести свою идеологическую работу без такого острого и боевого оружия, как печать. Мы не можем отдавать органы печати в ненадежные руки, они должны находиться в руках самых верных, самых надежных, политически стойких и преданных нашему делу работников.

Забвение этого привело к тому, что некоторые печатные органы Союза писателей вместо того, чтобы последовательно отстаивать принципиальную линию в литературе, оказались под сильным влиянием отдельных людей, стоящих на неправильных позициях, и, по сути дела, стали проводниками нездоровых настроений и тенденций. Сказанное в особенности

относится к альманаху «Литературная Москва». В этом альманахе были опубликованы порочные в идейном отношении произведения и статьи, вызвавшие резкое осуждение со стороны нашей общественности и прежде всего самих писателей. Об этом справедливо говорили многие литераторы на Пленуме правления Союза писателей. Между тем члены редколлегии альманаха продемонстрировали свое неуважение к критике их ошибок, к мнению своих товарищей по перу, писателей, и уклонились от прямого и честного выступления по поводу занятой ими позиции. Особо следует сказать о тов. Алигер, которая и до сих пор придерживается того взгляда, что линия альманаха «Литературная Москва» была якобы правильной, она берет под защиту опубликованные в альманахе произведения, в которых протаскиваются чуждые нам идеи.

Среди деятелей литературы и искусства много говорится о партийности, народности, о свободе творчества и о партийном руководстве. Эти вопросы заслуживают серьезного внимания. О них следует сказать тем более потому, что по этим вопросам наговорено и написано много неправильного и путаного, что вносит сумятицу и неразбериху в умы людей, мешает правильно понимать политику партии в вопросах литературы и искусства, ленинские принципы партийного руководства этими важнейшими областями идеологической работы.

Несколько замечаний о партийности и народности литературы и искусства. Прежде всего нельзя противопоставлять понятия партийности и народности. Сила советского социалистического общества в единении Коммунистической партии и народа. Политика Коммунистической партии, выражающая коренные интересы народа, составляет жизненную основу советского общественного и государственного строя. Поэтому было бы большим заблуждением думать, что в наших советских условиях можно служить народу, не принимая активного участия в претворении в жизнь политики Коммунистической партии. Невозможно желать идти вместе с народом, не разделяя взглядов партии, ее политической линии. Кто хочет быть с народом, тот всегда будет с партией. Кто прочно стоит на позициях партии, тот всегда будет с народом.

Партийность в художественном творчестве определяется не формальной принадлежностью художника к партии, а его убеждениями, его идейной позицией. У нас есть немало хороших писателей, которые не являются членами партии, но их произведения по своему идейному содержанию, политической направленности являются глубоко партийными и по праву получили признание народа, как выражающие его интересы.

Если борьба за идеалы коммунизма, за счастье своего народа является целью жизни художника, если он живет интересами народа, его думами и чаяниями, то какую бы тему он ни брал, какие бы явления жизни ни отображал, его произведения будут отвечать интересам народа, партии и государства.

Такой художник избирает путь служения народу свободно, без принуждения, по собственному убеждению и призванию, по велению души и сердца. В условиях социалистического общества, где народ является действительно свободным, подлинным хозяином своей судьбы и творцом новой жизни, для художника, который верно служит своему народу, не существует вопроса о том, свободен или не свободен он в своем творчестве. Для такого художника вопрос о подходе к явлениям действительности ясен, ему не нужно приспособляться, принуждать себя, правдивое освещение жизни с позиций коммунистической партийности является потребностью его души, он прочно стоит на этих позициях, отстаивает и защищает их в своем творчестве.

Правдивое освещение жизни общества, народа в произведениях ли-

тературы и искусства предполагает показ как положительных, светлых и ярких сторон социалистической действительности, составляющих ее основу, так и критику недостатков, вскрытие и осуждение отрицательных явлений, тормозящих наше поступательное движение вперед.

В жизни, в действительности наряду с положительным всегда существует и отрицательное, порою рядом с цветами растет бурьян. В отображении действительности все зависит от автора. Если он стоит на партийных позициях, служит народу и искренне хочет помогать народу строить новое общество, расчищать путь в борьбе за построение коммунизма, такой писатель, художник, скульптор, композитор найдет достаточно хороших примеров в жизни рабочих, колхозников, интеллигенции, в жизни отдельных людей, коллективов предприятий, колхозов, совхозов и сумеет, противопоставив отрицательному, поддержать положительное, правдиво показать его в ярких красках. Если же автора не радуют успехи своего народа, он будет выискивать только плохое, отрицательное, ковыряться в мусорных ямах и выдавать это за характерное в жизни.

Мы решительно и непримиримо выступали и будем выступать против одностороннего, недобросовестного, неправдивого освещения нашей действительности в литературе и искусстве. Мы против тех, кто выискивает в жизни только отрицательные факты и злорадствует по этому поводу, пытается охаять, очернить наши советские порядки. Мы также и против тех, кто создает сусальные, подслащенные картины, оскорбляющие чувства нашего народа, который не приемлет и не терпит никакой фальши. Советские люди отвергают и такие, по существу, клеветнические сочинения, как книга Дудинцева «Не хлебом единым», и такие слащавые, приторные фильмы, как «Незабываемый 1919-й» или «Кубанские казаки».

К сожалению, среди работников литературы и искусства встречаются такие люди, поборники «свободы творчества», которые хотят, чтобы мы проходили мимо, не замечали, не давали своей принципиальной оценки и не критиковали подобные произведения, которые в извращенном виде рисуют жизнь советского общества. Этим людям, оказывается, тяготит руководство литературой и искусством со стороны партии и государства. Они выступают против этого руководства иногда прямо, а чаще всего прикрывают эти свои настроения и желания разговорами об излишней опеке, о сковывании инициативы и т. п.

Мы открыто заявляем, что такие взгляды противоречат ленинским принципам отношения партии и государства к вопросам литературы и искусства. Ленин, как известно, учитывая всю специфику литературы и искусства, неоднократно указывал, что партия не может стоять в стороне от руководства этой важной частью духовной жизни общества, и в своей практической деятельности, как вождь партии и глава Советского правительства, последовательно проводил этот принцип в жизнь. Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя, указывал В. И. Ленин. Он подчеркивал при этом, что свободная литература социалистического общества будет открыто связана с рабочим классом, что ее будут вдохновлять интересы трудящихся, идеи социализма.

Ленин был непримирим к тем, кто в вопросах литературы и искусства отступал от принципиальной линии, сползал на либеральные позиции в отношении к идейным ошибкам.

Вся история развития советского общества самым убедительным образом доказывает, что руководство партии и государства, их внимание к художественному творчеству и забота о писателях, художниках, скульпторах и композиторах обеспечили выдающиеся успехи литературы и искусства, расцвет социалистической культуры всех народов СССР. В решениях партии по идеологическим вопросам определены важнейшие

задачи и основные принципы политики партии в области литературы и искусства, сохраняющие свою силу в настоящее время. Одним из важнейших принципов является неразрывная связь советской литературы и искусства с политикой Коммунистической партии, составляющей жизненную основу советского строя. О большом положительном значении этих решений говорили художники и композиторы в своих выступлениях на недавно состоявшихся съездах.

Нельзя, конечно, отрицать, что в последние годы жизни И. В. Сталина, в условиях культа личности, допускались ошибки. Приведу такой пример. Мне с большим трудом удалось оградить от разносной критики такого заслуженного писателя, каким является Максим Рыльский, за его стихотворение «Мать», полное глубоких патриотических чувств. Главным поводом для необоснованных обвинений против Рыльского и нападков на него послужил тот факт, что в этом стихотворении, воспевающем Советскую Украину, не было упомянуто имя Сталина. И т. Каганович, который подхалимничал и все делал для раздувания культа личности Сталина, стал изображать Максима Рыльского как украинского буржуазного националиста. Он играл на слабых струнках Сталина, не думая о тех тяжелых последствиях для украинской, да и не только украинской литературы, к которым могли бы привести эти необоснованные обвинения по адресу уважаемого украинского писателя-патриота Максима Рыльского. Надо сказать, что это могло бы привести к тяжелым последствиям и не только для литературы.

Само собой разумеется, что мы против такого подхода к оценке литературных произведений.

Партия решительно осудила и последовательно исправляет ошибки, допущенные в период культа личности во всех областях жизни, в том числе и в вопросах идеологической работы. Но она вместе с тем также решительно выступает против тех, кто пытается использовать эти ошибки прошлого для выступлений против руководства литературой и искусством со стороны партии и государства. С таких позиций против руководства литературой и искусством могут выступать только люди, не согласные с политикой партии в этой области. В числе таких людей, к нашему огорчению, оказались и отдельные писатели, члены партии. Некоторые из этих товарищей не желают согласовать свои поступки с требованиями партийной дисциплины, определяемой Уставом партии, придерживаются своего субъективистского толкования партийной дисциплины и обязанностей члена партии, прикрывая свое непартийное поведение болтовней о якобы «творческом отношении» к партийному руководству. Такие фальшивые позиции отрывающихся от коллектива одиночек, сбивающихся «с ног» в общем строю, вызвали справедливое осуждение со стороны писателей, как коммунистов, так и беспартийных, на Пленуме правления Союза писателей, на собрании московских писателей, во всех писательских организациях союзных и автономных республик, краев и областей. Я с удовлетворением поддерживаю выступившего здесь беспартийного писателя тов. Соболева, занимающего последовательную, принципиальную и непримиримую позицию в борьбе с нездоровыми настроениями и тенденциями. Не хочу скрывать, что мне, как секретарю Центрального Комитета КПСС, в вопросах партийности в литературе гораздо ближе позиция беспартийного писателя тов. Соболева, чем члена партии тов. Алигер, которая занимает фальшивую позицию и неправильно относится к критике ее ошибок.

Некоторые либерально настроенные люди могут обвинить меня в том, что я призываю к борьбе. Да, мы никогда не скрывали, что призы-

вали и призываем к принципиальной идейной борьбе. В современном мире идет ожесточенная борьба двух идеологий — социалистической и буржуазной, и в этой борьбе не может быть нейтральных.

Развитие литературы и искусства происходит в условиях идейной борьбы против влияний чуждой нам буржуазной культуры, против отживших представлений и взглядов, во имя утверждения нашей коммунистической идеологии.

Мы не были бы марксистами-ленинцами, если бы стояли в стороне, равнодушно и пассивно относились к попыткам протащить в нашу литературу и искусство чуждые духу советских людей буржуазные взгляды. Надо трезво смотреть на вещи, отдавать себе отчет в том, что враги существуют и они пытаются использовать идеологический фронт для ослабления сил социализма. В этой обстановке наше идейное оружие должно быть в исправности и действовать безотказно. Урок венгерских событий, когда контрреволюция использовала в своих грязных целях некоторых писателей, напоминает о том, к чему может привести политическая беспечность, беспринципность и бесхарактерность в отношении к проискам сил, враждебных социализму. Каждому должно быть ясно, что в современных условиях, когда идет острая борьба между силами социализма и силами империалистической реакции, надо держать порох сухим.

В ходе наших бесед остро были поставлены вопросы борьбы с идеологическими ошибками и нездоровыми настроениями. Иная постановка этих вопросов и немыслима. Половинчатость или недоговоренность могли бы нанести серьезный ущерб делу.

Мы хотим консолидации, сплочения всех сил литературы и искусства на принципиальной основе, а не за счет уступок и отступлений от принципов марксизма-ленинизма. В интересах этой консолидации разворачивается принципиальная критика и самокритика. Эта критика помогает людям, которые допускают ошибки, осознавать и исправлять свои ошибки, крепче стоять на ногах, повышает творческую активность. Развертывая критику и самокритику, необходимо внимательно разбираться, является ли ошибка того или иного деятеля случайной или она отражает систему его взглядов, определенную линию его поведения, учитывать, как относится этот деятель к критике. Ошибаться каждый человек может, надо видеть не только то, что человек сделал вчера, но и то, на что он способен завтра, — и это главное, — мы должны помочь такому человеку понять и быстрее устранить недостатки и исправить ошибки.

Известно, например, что подвергались критике со стороны общественности и некоторые недостатки в работе замечательного нашего поэта тов. Твардовского, заслуги которого в развитии советской литературы получили широкое признание. Дружеские беседы с тов. Твардовским дают основание надеяться, что этот художник слова сделает необходимые выводы и порадует читателей новыми хорошими произведениями. Общественность в свое время резко критиковала недостатки и такого крупного писателя, как тов. Панферов. Мы считаем, что это было правильно. Тов. Панферов теперь сам признает, что критика пошла ему на пользу.

Принципиальная критика имеет своей целью помогать деятелям литературы и искусства в их творческом труде с тем, чтобы они с еще большим успехом трудились на благо нашего народа, активно участвовали в его борьбе за коммунизм, обогащали своими произведениями советскую социалистическую культуру.

Наш советский строй, Коммунистическая партия не раз возвращали к жизни, к активной деятельности даже людей, которых считали пропащими и безнадежными. В литературе и искусстве есть немало примеров, когда после критики творческие работники создавали большие художест-

венные произведения. Если говорить о тов. Дудинцеве, то я считаю, что и он при нашей помощи и его желании может стать на правильный путь и будет вместе со всем коллективом писателей плодотворно трудиться на благо народа, на благо социалистической Родины.

Исключительно важную роль в деле развития литературы и искусства, в идейном воспитании и творческой жизни каждого художника призваны играть творческие союзы, которые должны стать на деле крепко сплоченными на принципиальной основе, активными боевыми коллективами. Надо, чтобы в творческих союзах была настоящая дружба, чтобы там повседневно проявлялась товарищеская забота о творческом росте каждого писателя, художника, скульптора, деятеля кино, музыки, театра. Коллектив должен вовремя поддержать любое хорошее произведение, проявление полезной инициативы в творческой работе. Весьма важно также вовремя заметить недостатки или ошибки отдельных творческих работников, предотвратить возможность сползания их с принципиальных позиций, оказать помощь и поддержку тем, кто в ней нуждается.

Деятели литературы и искусства — это активные борцы за коммунизм. На их лучших произведениях воспитываются миллионы людей. Это обязывает наши творческие союзы, их партийные организации вести повседневно большую идейно-воспитательную работу, вооружать наши творческие кадры знанием марксистско-ленинской теории, правильным пониманием политики Коммунистической партии. Надо, чтобы все наши творческие кадры хорошо сознавали свою большую роль в общенародной борьбе за коммунизм и свою высокую ответственность перед народом.

Наши творческие организации проводят значительную работу по осуществлению задач, поставленных XX съездом партии перед литературой и искусством. Прошедшие за последнее время пленумы в союзах писателей, съезды художников и композиторов способствовали повышению активности, сплочению творческих сил. Отрадно отметить активизацию деятельности союзов писателей в наших союзных республиках — Украинской, Белорусской, в республиках Средней Азии, Закавказья и Прибалтики.

Но в работе творческих организаций имеются и крупные недостатки. Следует отметить, что за последнее время обнаружилась слабость в работе Московского отделения Союза писателей, объединяющего крупный отряд литераторов. На собраниях московских писателей имели место ошибочные выступления, противоречащие политике партии в области литературы и искусства. К сожалению, эти выступления не всегда встречали должный отпор, не всегда на уровне оказывалась и партийная организация московских писателей. Ведь известно, что союзы писателей Украины, Белоруссии и некоторых других союзных республик обращали внимание на положение дел в Московском отделении Союза писателей, справедливо критиковали ряд идейно порочных литературных произведений и статей, опубликованных в альманахе «Литературная Москва».

Нельзя мириться с такими крупными недостатками в работе Московского отделения Союза писателей, который призван показывать пример для творческих союзов других городов. Мы надеемся, что сами писатели с помощью партийных организаций разберутся в причинах этих недостатков и примут меры к тому, чтобы выправить положение дел.

Здесь поднимался вопрос об организации Союза писателей Российской Федерации. Думаю, что это предложение надо поддержать и создать Союз писателей Российской Федерации. Нельзя признать нормальным, что писатели Российской Федерации сейчас не имеют своего Союза, в то время, как в других союзных республиках существуют союзы писателей. Московское отделение Союза писателей, конечно, не может представ-

лять всех писателей РСФСР. Следует иметь в виду при этом, что Российская Федерация является добровольным союзом многих национальностей. В нее наряду с краями, областями входят 14 автономных республик, 7 автономных областей и 10 национальных округов.

Создание Союза писателей РСФСР явится одной из важных мер в ряду осуществляемых Центральным Комитетом партии и Советским правительством мероприятий по дальнейшему расширению прав союзных республик и повышению роли Российской Федерации. Наряду с идейно-творческими вопросами, которые должны быть в центре внимания Союза писателей РСФСР, предстоит серьезно продумать мероприятия, которые способствовали бы росту писательских сил на местах. Надо позаботиться о том, чтобы были созданы необходимые условия для постоянной творческой работы писателей в автономных республиках, краях и областях, в частности необходимо упорядочить дело с гонорарами в местных издательствах, с распределением фондов бумаги на издание художественной литературы.

* * *

Наши встречи и беседы плодотворны. В этих встречах мы откровенно обменялись мнениями по весьма важным вопросам жизни и работы деятелей литературы и искусства.

Советский народ под руководством Коммунистической партии успешно претворяет в жизнь решения XX съезда КПСС, намеченные им планы коммунистического строительства. В нынешнем году мы отмечаем 40-летие Великой Октябрьской социалистической революции. К этой знаменательной исторической дате наш народ приходит с выдающимися победами во всех областях хозяйственного и культурного строительства, в подъеме благосостояния народа. А какие огромные успехи достигнуты в общественно-политической жизни народа! Исторические решения XX съезда партии, получившие горячее одобрение нашего народа, вызвали невиданный подъем политической и трудовой активности, творческой инициативы широчайших масс, создали условия для дальнейшего расцвета народных талантов. В ходе грандиозной созидательной творческой деятельности растет коммунистическая сознательность трудящихся, все полнее раскрываются превосходные душевные качества и лучшие черты характера и морального облика советского человека — человека новой эпохи, строителя коммунизма.

Могучий Октябрьский революционный вал неудержимо движется вперед, сметая все преграды и препоны на пути к коммунистическому обществу.

На историческом опыте доказано, что наше движение вперед к коммунизму происходит не по проторенной, гладкой и ровной дороге. От тех, кто идет в первых рядах строителей коммунизма, требуется умение ясно видеть великую цель и перспективу движения к этой цели, глубоко понимать закономерности общественного развития, иметь могучую энергию и негибаемую волю и, не страшась трудностей и не жалея сил, прокладывать путь и вести за собой миллионы строителей нового общества.

Сорокалетний опыт социалистического строительства в нашей стране показывает, что советский народ, тесно сплоченный вокруг своего испытанного вождя — Коммунистической партии, вооруженный всепобеждающей революционной теорией марксизма-ленинизма, с честью выполнит стоящие перед ним великие исторические задачи. Можно не сомневаться в том, что советские писатели, поэты, художники, скульпторы, композиторы будут и впредь достойными сынами своей социалистической Родины, отдадут все свои силы, свой талант, чтобы воспеть героические подвиги нашего великого народа — строителя коммунистического общества.

(Журнал «Коммунист» № 12 за 1957 год).

Ия Месхи

НАШ ВОСТОЧНЫЙ БРАТ — СУМГАИТ

Знакомство с новым городом, так же, как и с новым человеком, можно начать задолго до встречи с ним. Дело, конечно, не в рассказе знающего человека об этом городе или в прочитанной книге или статье. Если город юн, то в нем мало кто успел побывать, а уж создать о нем литературу тем более было недосуг.

И все же я начала знакомиться с Сумгаитом, ничего не зная о нем, с того самого момента, как поезд вышел из Тбилиси.

В окне вагона белым лебедем проплыл элеватор, мелькнул кусок разрушенной крепостной стены. Потом показалась широкая, прямая улица, и, рядом — тоже улица, но маленькая, узкая, взбегающая торопливо на склон; поодаль — заводская труба, за ней, на горе — новый квартал многоэтажных домов, как остров в море горбатых крыш.

Знакомый до каждой мельчайшей морщинки, старый, дорогой сердцу Тбилиси! Его окраины так же красивы, как и центральные проспекты, только иной, своеобразной красотой. По окраине, как и по лицу человека, когда на него никто не смотрит, можно прочесть, что город уже не молод и порядком натружен за долгую жизнь. У всех наших старых городов есть одно общее — окраина. В новых

городах их нет. Новый город поднимается как-то разом, плотно сбитый, в один рост. Старый же образовывался долго, сложно, в разные времена по-разному, то падал, то поднимался и неизменно старался сохранить, улучшить фасадную свою сторону — центр, предоставив остальное стихии.

Между тем, именно на окраине жили люди, чьими руками создавались все материальные ценности города. Они воздвигали дворцы, перекидывали мосты через реку, делали хлеб, обувь, ткани. По этим крутым, неровным улочкам собирались они на сходки, чтоб послушать горькую правду о своей жизни, и порой эти серые улочки наполнялись ярким и красивым движением, становились грозными и непримиримыми в дни массовых стачек и демонстраций, ловкими и бдительными, когда по ним шныряли сыщики и жандармы.

... Поезд проходит тбилисской окраиной, поезд идет в Баку. Лента железнодорожного полотна издавна связывает два старых закавказских города. По этому, полотну передвигаются люди, грузы. Но существует между городами более глубокая связь, рожденная в общих боях, в том тесном и трудном походе, когда локоть товарища ощущается непрерывно.

Как часто пролетарский Тифлис поднимался на борьбу не только ради самого себя. В июле 1903 года впервые забастовали бакинцы, выдвинув перед промышленниками политические требования. Узнав об этом, заволновалась вся рабочая окраина Тифлиса и вышла на улицы в знак интернациональной солидарности с Баку. Это была самая крупная в то время забастовка тифлисских рабочих. За Тифлисом встали Киев, Одесса, весь юг России.

Память старожиллов города хранит и такие картины, происходившие в 1905 году на улицах, в оградах соборов, в мечетях: грузины, армяне, русские, азербайджанцы обнимали, целовали друг друга, давали клятву не знать вражды. И это было откликом на кровавые события в Баку, где царскому правительству удалось спровоцировать армяно-татарскую резню.

Чего только не знает, о чем только не рассказывает улица старого города!.. Здесь, оберегаемая теперь как памятник большевистского подполья, стоит тайная авлабарская типография. Много связано с ней страниц истории коммунистической партии Грузии и всего Закавказья. Но еще раньше нее в Баку действовала ее старшая сестра, нелегальная типография «Нина». В ней перепечатавали, распространяя по Закавказью, номера ленинской «Искры». Оттуда тифлисские рабочие получали свою первую большевистскую газету «Брдзола».

Близость двух старых закавказских городов скреплена общей кровью сотен и тысяч безымянных борцов за революцию. Капли этой крови вобрали в себя суровые пески Закаспия. Здесь рядом со Степаном Шаумяном, Ваней Фиолетовым, Мешади Азизбековым и другими красными комиссарами пал Алеша Джапаридзе.

«Вожди бакинского пролетариата как при жизни не различали трудящихся по национальности, так и после смерти, они, как бы демонстрируя великую идею межнационального мира и солидарности, находят покой все в одной могиле, — писал о 26 комиссарах Серго Орджоникидзе. — Живые Степаны, Алеша, Вани Фиолетовы, Мешади-беки — это бакинский пролетариат, который гордо

продолжает выполнять заветы своих вождей».

Никому теперь не нужно доказывать, как дороги были нам эти заветы в годы войны с фашизмом и в годы мирного труда. Дружба двух городов крепла: рос рабочий Баку, уходя вышками в море, рос Тбилиси, опоясываясь по окраинам кольцом крупных заводов. Советуясь друг с другом, возрождали города национальную культуру, пестовали науку, вызывали появление на свет новых городов. Подле Тбилиси вырос Рустави, подле Баку — Сумгаит.

Биография нового города начинается не с первой линии на рисунке архитектора, не с первого камня, уложенного строителем. Начало этой биографии лежит глубоко, и чем глубже его искать, тем больше знакомых черточек на воображаемом портрете, тем живее и сердечнее встреча с ним лицом к лицу.

Если закрыть глаза после Рустави и открыть их перед въездом в Сумгаит, то с первого взгляда может показаться, что все еще находишься в Рустави: задымленное небо, те же высокие трубы и контуры громадных прокатных цехов. Города-братья похожи друг на друга. Сходство даже в том, как они расположены по отношению к своим городам-родителям: оба в полчасе езды от них.

Сумгаит стал городом в результате большой экономической близости с Баку, который всегда испытывал острую нужду в трубах, особенно с тех пор, как нефть стали добывать из морских глубин. Трубы протянулись по морскому дну до берега на очень большие расстояния. Много труб понадобилось для скважин глубокого бурения. Недавно в Карадаге, близ Баку, пробурили скважину глубиной почти пять с половиной километров. Это самая глубокая в нашей стране скважина. Если представить себе общую глубину всех нефтяных скважин, пробуренных в Азербайджане за 35 лет, то эта цифра составит три с лишним диаметра земного шара. А сколько труб требуется для наземных трубопроводов, для разведчиков нефти!

Без труб Баку не может прожить ни дня! А для того, чтобы иметь их под рукой и много, надо было создавать свою металлургию. Имелись ли для этого возможности? Да, конечно. В Грузии — уголь, марганец, в горах

Азербайджана — богатые железорудные месторождения. На Куре, в узкой горловине хребта Боз-Даг можно было поставить плотину и получить электроэнергию. Все это задумали еще до войны, но вплотную приступили к делу в 1944 году, когда было решено строить Рустави и Сумгаит, Дашкесанский рудник и Мингечаурскую ГЭС.

У Сумгаита и Рустави одинаковая дата рождения. Не важно, что Рустави выдал первую сталь в 1950 году, а Сумгаит — в 1953, или что сумгаитцы на два месяца позже руставцев получили первую трубу. Это города-близнецы, заводы-ровесники, связанные друг с другом одними интересами.

До последнего времени, пока в Сумгаите не был пущен блюминг, стальные слитки отправляли в Рустави, там прокатывали их и возвращали в Сумгаит готовыми для производства труб. В этом году, с пуском сумгаитского блюминга, необходимость в этих перевозках отпала. Сейчас строится второй стан «250», который будет введен в эксплуатацию к концу следующего года. Через год Сумгаит станет выпускать труб почти в два раза больше, чем сейчас.

Разве все эти трубы понадобятся Баку? Конечно, нет. Уже сейчас они расходятся по всей нашей стране и попадают в другие страны. Уже сегодня никого не удивляет, что юный, только что ставший на ноги Сумгаит делает трубы для далекого древнего индийского города Мадрас. И очень может быть, что дружеская помощь закавказских трубопрокатчиков понадобится другим нашим восточным соседям, чьи земли также богаты нефтью...

Рядом с промыслами возникает теперь еще одна отрасль производства, пока еще совсем новая и для подавляющего большинства стран незнакомая. Это — нефтехимия. У нас в стране она впервые появилась здесь, в Сумгаите. Кстати, это еще одна нить, связывающая старый город с молодым. Зрительно она выражается тоже в трубах, проложенных по земле от Баку к Сумгаиту. Только по этим трубам идет не нефть, а газы. Точнее — отбросы нефтеперегонных заводов, черными тучами закрывавшие небо Баку. Смеси этих газов теперь улавливают и путем сложных химических превращений на сум-

гаитских заводах получают очень ценные продукты.

Народному хозяйству крайне необходим синтетический каучук. Современный ассортимент изделий из каучука включает свыше 30.000 наименований. До сих пор в нашей стране заводы синтетического каучука работали на этиловом (винном) спирте, а спирт этот гнали из пищевого сырья.

Пять лет тому назад, впервые у нас в стране, на сумгаитском заводе синтетического каучука этиловый спирт был получен из отходов нефти. О том, какое это большое событие, можно судить хотя бы по тому, что в прошлом году завод сэкономил для страны урожай зерна, собранный с 200 тысяч гектаров. 200 тысяч гектаров — это миллионы пудов зерна! Им суждено было превратиться в спирт, а теперь и хлеб остался хлебом и спирт получен, можно сказать, из ничего. Себестоимость его в несколько раз дешевле спирта, полученного из зерна. Не уступает он ему и по качеству. Что же касается самого завода, то строительство его первой очереди окупилось в течение первого же года.

И вот что характерно: не успел завод ввести в действие каучуковую группу цехов, как появилась на свет новая технология получения каучука не из спирта, а, минуя его, прямо из газа, содержащегося в смеси нефтяных отходов. И уже строится группа этих новых цехов.

В позапрошлом году в Сумгаите вступил в строй и крупный алюминиевый завод. Почему он появился именно здесь, а не в другом месте? Ведь к нефти он не имеет никакого отношения.

Прежде чем ответить на это, надо потянуть целую цепочку, первое звено которой соединяется с трубопрокатным заводом. В связи с этим заводом возник в горах Азербайджана новый рудничный городок Дашкесан. И тогда же подумали, что с появлением Дашкесана пора приступить вплотную к разработке соседних с железнорудными загликских месторождений алунита — основного источника получения глинозема, сырья для алюминиевой промышленности. Алунитов вообще очень мало в земной коре, а Заглик по запасам своим уступает лишь месторождению таких же алунитов в Китае.

Алюминий — металл будущего. Уже сейчас без него не обходится ни-

авиация, ни машиностроение, ни электро- и радиотехника, ни даже самая обычная кухня. Грешно не иметь вблизи от такого месторождения алюминиевый завод.

И, пока разрабатывается рудник в Заглике, пока в Кировабаде строят глиноземный завод, а в Акстафе — ГЭС, которая будет давать для этого завода энергию, Сумгаит уже начал выпускать серебристые слитки с маркой «САЗ», на первых порах получая сырье с Урала.

Черная металлургия, нефтехимия и, наконец, цветная металлургия — вот те три кита, на которых поднимается новый город.

* * *

Если посмотреть на карту Азербайджана, то прежде всего обращает на себя внимание характерный, вдающийся в море полуостров — апшеронский клюв. Земля Азербайджана, как птица в пестром оперении хлопковых полей, голубых рек и темных гор, бережно несет в клюве два города — старый и молодой. Оба как бы находятся на передовых позициях. Старый давно славен своими нефтяными богатствами, по качеству до сих пор не имеющими себе равных. И молодой не в долгу перед республикой и страной. Сейчас он уже дает трубы, алюминий, каучук и полон планов организовать у себя много других интересных производств из отходов нефтепродуктов.

Большое и хорошее будущее ждет Сумгаит. Он растет очень быстро и, кажется, скоро станет тесно двум таким великанам на одном полуострове. Но Сумгаиту нельзя отдаляться от Баку. Его к нему привязывает нефть. Не меньше привязывает его к этому берегу море. Сумгаит — город горячий, город высоких температур, раскаленного металла, kloкочущего в трубах пара. Все это нужно охлаждать водой, миллионами кубометров воды!...

И все равно люди постоянно ощущают в своих горячих цехах жар разогретого металла. В прокатном цехе, например, достаточно забраться в кабину к крановщику, который работает над колодцами, и побыть там несколько минут, чтобы понять, как горяча работа. Крановщик управляет рычагами, и одна его рука все время тянется ко лбу и движением от виска к виску смахивает со лба пот. После

этого кабина оператора блюминга покажется раем, а ведь и под ней то дело проносятся слитки раскаленной докрасна стали.

Вот так, непрерывно, один за другим двигались горячие слитки и в тот день, когда смена «В» решила перекрыть свой же рекорд. Накануне смена прокатала 135 блюмсов, но надо было добиваться лучших показателей. Самому молодому в стране блюмингу хотелось с первых же месяцев набирать темпы.

Все шло к этому. Операторам некогда даже было выйти глотнуть «газированной». По длинному языку блюминга шел металл. Как всегда, яма с водой быстро наполнялась обрезками проката, а магнитно-грейферный кран освобождал ее от уже охлажденных кусков. В цехе чувствовался хороший рабочий ритм. И вдруг кран у ямы остановился, что-то в нем испортилось. Как быть? Останавливать весь прокат?

Почуя недоброе, из своей слесарной дежурки вышел комсомолец Алиман Ганиев. Он не имел к прокату непосредственного отношения. Его дело — являться на пост по вызову. Но в цехе что-то произошло — парень насторожился. Мгновение — и Алиман у ямы. Она уже доверху полна, а ножницы все продолжают резать металл.

Ни минуты промедления! Алиман хватается первый подвернувшийся под руки крючок и, обжигаясь, задыхаясь от жара, швыряет горячие обрезки металла на пол. Через несколько минут рядом с ним работают все, кто в это время не занят на прокате. Людями овладел единый порыв, единое стремление — ни в коем случае не остановить прокат!

И прокат не останавливается. Спешно починяют кран, и вот он уже снова работает. Алиман с товарищами возвращаются на свои места. К полуночи смена подсчитывает — выдан 181 блюмс!

Нет, Сумгаит не только город высоких температур, горячих цехов, раскаленного металла. Здесь и люди горячие, работают с задором, с огоньком.

Может быть на сумгаитском блюминге старый, спаянный долголетней совместной работой коллектив? Напротив. Всего несколько месяцев существует этот цех, и так же, как семь лет назад в Рустави, вместе со вче-

рашними колхозниками пришли сюда русские и украинские кадровые рабочие. И, подобно руставцам, сумгайтцам пришлось поначалу учиться на Урале, в Донбассе. В этом году большинство их проходили школу проката в Рустави и кое-кого из учителей с пуском блюминга пригласили в Сумгаит.

Я иду вдоль прокатного стана и вижу, как у пил работает небольшого роста смуглый молодой человек. Ну, конечно же, это наш земляк Гурам Данилашвили! Он немало лет работал в Рустави. И, наверное, привычно подчинялась руке пила, привычными были люди вокруг. Однако Сумгаиту потребовались его знания, и Гурам сумел отодвинуть от себя все другие чувства, кроме одного: я нужен друзьям!

Совсем не думал стать прокатчиком Агасалим Сулейманович Зейналов. Как истый бакинец, он не представлял себе свою трудовую жизнь без нефти. Он уже сидел на студенческой скамье и собирался стать инженером-нефтяником. Но в родном Азербайджане строили трубопрокатный завод, и Зейналову предложили перейти в Московский институт стали. Теперь он заместитель начальника прокатного цеха, любит свое дело и по-существу продолжает служить нефти.

Не знал и начальник этого цеха Константин Иванович Жиляев, что с берегов Днепра его понесет к берегам Куры и, дальше, к Каспийскому морю. Этот немногословный, всегда выдержанный и глубоко эрудированный инженер долгое время работал в Рустави вальцовщиком, потом мастером и начальником смены. Видимо, эта школа помогла ему спаять коллектив сумгайтского блюминга.

...Несколько дней я уже в Сумгаите, знакомлюсь с новыми людьми, узнаю много интересного, расспрашиваю и часто слышу:

— Об этом вам лучше расскажет Камран Асадович.

— Спросите Камрана Асадовича, он, наверное, помнит.

С Камраном Асадовичем Гусейновым, секретарем Сумгайтского горкома партии, я увиделась на учительском совещании в новом Дворце культуры рабочих алюминиевого завода. Узнав, что я из Грузии, Гусейнов приветствовал меня словом «гамарджоба», сам улыбнувшись тому,

как четко и звонко он его произнес. Широкое доброе лицо, манера держать себя просто, говорить мягко и неторопливо, смотреть в глаза прямо вызывают большое расположение. Оно чувствуется и в приветствиях педагогов, которые подходят к нему поздороваться после долгого летнего перерыва.

— А как-будто совсем недавно, — говорит он, кивая в ответ каждому, — все наше августовское учительское совещание вмещалось в одну мою маленькую секретарскую комнатку. Потом мы стали собираться в парткабинете. Теперь же, пожалуйста, смотрите, — скоро и этот дворец станет тесен.

Позже я узнаю: Камран Асадович Гусейнов — один из самых первых старожилов Сумгаита. Он был здесь еще до войны, когда только приступали к стройке. Бывшего бакинского слесаря прислали на стройку парторгом ЦК.

— Было очень трудно, — вспоминает то время Гусейнов. — Вокруг одни пески и сумасшедший ветер. Прямо на ногах нельзя было устоять. Помню, жили мы сначала втроем: начальник стройки, инженер и я. Потом к инженеру приехала молодая красивая жена. Ей здесь, конечно, не понравилось. Как только подует норд-ост, она остановится посреди дороги, закроет лицо руками — то ли бережет его, то ли плачет — не знаю. Инженер загрустил. Говорит, что жена не хочет оставаться. Я уговаривал и ее и его.

— И что же, помогло?

— Нет... Сначала уехала она, а вскоре исчез за ней и инженер. Досадно мне было, что не удержал хорошего работника. Но молодой я тогда был, не умел работать с людьми.

А теперь (об этом мне рассказали на заводе синтетического каучука) Камран Асадович уговорил остаться в Сумгаите целый научный институт — более ста инженеров и ученых! Этот научно-исследовательский проектный институт автоматике химической и нефтяной промышленности проделал на заводе большую работу, сблизился с ним, и потребность в этой дружбе не исчезнет, пока существует завод. А разве меньше работы по автоматике процессов производства на других сумгайтских заводах? И что, скажите, лучше: ютиться

в тесноте в Баку или иметь прекрасное помещение и все условия для плодотворной работы в новом городе?

Так и уговорили...

Собственно, сейчас особенно уговаривать не приходится никого. Город стал хорошим, красивым, в нем много возможностей для труда и отдыха.

Можно после работы в горячих цехах искупаться в море, можно заняться спортом, можно, наконец, просто погулять по красивым улицам и подышать свежим морским воздухом.

Сделать бы это, да все нет попутчика! Вскоре он представляется мне в лице главного архитектора города Элеоноры Ивановны Долухановой.

Я нашла ее в маленькой тесной комнатке, приспособленной под контору в жилом доме. Комната заставлена столами, заполнена сотрудниками и многочисленными посетителями.

Такова уж должность главного городского архитектора — он нужен всем, без него не может быть в городе сдвинуто ни одного камня, вырыто ни одной ямы. А так как в строящемся городе только и знают, что роют, воздвигают и прокладывают, то главный архитектор должен хорошо знать, кто и как хозяйничает на строительных площадках.

Никто не «видит» Сумгаит лучше, чем Элеонора Ивановна. Вместе с первыми строителями пришла она на голый песчаный берег Каспия, месила в высоких резиновых ботах первозданную грязь полуострова и все примерялась — куда бы поставить эту партию стандартных домишек, чтоб не нарушить впоследствии архитектуру города.

А она, архитектура, рождалась в творческих поисках большого отряда азербайджанских архитекторов, в жарких спорах, в стремлении придать городу свое, характерное лицо. Но сколь часто созданное в мечтах или на бумаге разлетается в прах из-за того, что жизнь вносит свои коррективы, а порой просто идешь на уступки строителям, на упрощение, на ускорение. И оттого, насколько бдителен и непреклонен архитектор, во многом зависит живое, а не нарисованное лицо города.

Только к вечеру, заперев контору, Элеонора Ивановна смогла вый-

ти со мной на прогулку. Она шла без сумки, с ключами в руках и что-то очень домашнее было в том, как она выходила на середину мостовой, желая лучше продемонстрировать перспективу улицы, как трогала решетку оград, ощупывала нетесанный камень стен. Местный белый камень, из которого строятся в Сумгаите здания, выглядит действительно очень приятно.

Как и следовало ожидать, мы увидели в этом городе много красивых, запоминающихся зданий, побывали на улицах тихих, тенистых, с коттеджами, утонувшими в виноградниках, погуляли по широким магистралям. Однако самое большое впечатление произвели на меня кварталы.

Сумгаит — это город кварталов. Так он задумывался и так строится. В каждом квартале свой магазин, свои детские ясли и детский сад, свои спортивные площадки, бассейны и даже специально выделенные места, называемые «СБ» — «сушка белья». «Кварталы эти совершенно нового типа. В них только четвертая часть занята сооружениями, остальное — отдано межквартальным проездам, зелени, воздуху. Вы идете по городу, пересекая кварталы, кружа меж домами и ни разу не попадаете в ту, зачастую неприглядную область человеческого общежития, которая называется двором. Город без дворов, без «задов» — разве это не чудесно?

Главная ось города — улица Ленина. У самого начала она не широка. Дома в два этажа с глубокими лоджиями. Лоджии первого этажа скрыты рядом деревьев, отделяющих фасад от тротуара. Другой ряд деревьев отделяет тротуар от проезжей части. Здесь улица носит интимный характер. Затем она становится откровеннее, дома выше, в три и в четыре этажа. И чем дальше, улица становится все просторнее, пока не выходит на площадь, к памятнику Ильичу.

Это самое широкое, красивое и самое высокое место города. По одну сторону площади строители наносят последние, завершающие штрихи на административное здание и соседние с ним жилые дома. По другую сторону — почти законченный Дворец культуры рабочих завода синтетического каучука — здание,

которому может позавидовать любой столичный театр.

Оставив площадь позади, улица все более раздвигается. Здесь от одного до другого тротуара такая ширина, что не разглядишь знакомого. Вот уже построены и обжиты предпоследние кварталы, начато здание городской гостиницы, научно-исследовательского института, еще ряда жилых домов. За ними обрывистый берег, по которому будут проложены широкие ступени к морю; слева внизу строится большой стадион.

— Наконец-то в этом году мы пробились к морю, — говорит Элеонора Ивановна. — Как давно нам всем этого хотелось! Мы же приморские жители, а к морю не было еще ни одного выхода. Правда, можно было все это ускорить — сделать эту улицу «ниточкой», сперва вытянуть вдоль тротуаров передние дома, а все, за ними — потом. Но на что был бы похож тогда город! Нет, от кварталов мы не откажемся никогда.

И впрямь, только сейчас можно по достоинству оценить эту неторопливую, добротную поступь. В ней — весь основательный характер индустриального Сумгаита.

Стоишь сейчас на этом развороченном людьми берегу и думаешь — как будет здесь красиво через какой-нибудь год-другой! Где-то далеко маячат на угасающем горизонте заводские трубы. Рядом — краны, наработавшись за день, будто клюют носом, собираясь спать. И море лижет широкими накатами пологие берега, точно ласкает подошедший к нему город...

★ ★ ★

Г-н Х. Д. Малавия после фестиваля в Москве выразил желание погостить в Азербайджане, и, вместе со своим бакинским другом, вице-президентом Азербайджанской Академии наук А. Сумбат-заде, приехал в Сумгаит. Здесь он осмотрел трубопрокатный завод, мысленно представляя себе свой Бхилаи, где сейчас строится первое в Индии металлургическое предприятие. Побывал он также в доме знатного сталевара Мурада Зейналова, много ходил по улицам города, фотографируясь в обнимку с черноголовыми мальчишками, так напоминающими детвору

его страны, и, глядя на красивые дома сумгаитцев, восклицал:

— Когда-нибудь испытают такое счастье и рабочие Индии!

Будучи ученым и редактором индийского журнала «Экономик ревью», г-н Малавия глубоко разобрался в вопросах экономики. Это помогало ему видеть большие сдвиги, происшедшие в жизни народа, сорок лет тому назад стоявшего примерно на той же экономической ступени, что и народ его страны.

Не успел Х. Д. Малавия распрощаться с Сумгаитом, как машина повернула на проселочную дорогу. Сумгаитцы подумали: не открыть ли перед гостем еще одну черту своего социалистического города? И повезли его в деревню Сарай.

И вот гость из Индии, усевшись на ковер и поджав под себя ноги, беседует с Зарифой Магеррам-кызы Мамедовой. Сидеть так, конечно, нет особой нужды. У себя в редакции г-н Малавия наверняка сидит в редакторском кресле. И в этом доме, где светло и уютно, где в буфете сверкают дорогие сервизы, а на тумбочке стоит телевизор, тоже пользуются стульями. Но хозяйка дома Зарифа привыкла сидеть только так, и никому не придет в голову отучать ее от этого. Ведь ей уже 108 лет! Ее глаза видели свет первой половины прошлого столетия! И сейчас смотрят на мир с большим любопытством.

Г-н Малавия сидит рядом с Зарифой и делает пометки в своем блокноте. Гость и хозяйка почти без помощи переводчика понимают друг друга: в индийском и азербайджанском языках много схожих слов.

О чем может спрашивать гость, прибывший издалека, и что отвечает ему женщина, ноги которой не касались иной земли, нежели земля Апшерона?

Как все старые люди, она вспоминает старое — те времена, когда в Сарай — бывшей вотчине скотопромышленника Саллаха Дадаша — создавалась артель, когда село стояло еще на старом месте, в нескольких километрах отсюда, и люди жили в глинобитных лачугах.

Организатором создания колхоза был младший сын Зарифы Нариман.

Когда собралась сельхозартель, ни у кого не оказалось ни одной кури-

цы, такая была беднота. Но Нариман не унывал. Бакинский Совет подарил артели трактор «Фордзон», на бакинском мясокомбинате отобрали для сараинцев несколько сот овец. Потом Нариман съездил в Астрахань и купил двадцать пять лошадей. Из Сызрани доставил три десятка коров. Теперь можно было создавать хозяйство не хуже, чем у Дадаша.

А потом и новое в селе стали затевать. Зарифа помнит, как сын ее ездил в Ялту на отдых. Прошел месяц — и Нариман вернулся с целым вагоном саженцев миндаля. Дерево хорошо привилось на берегах Каспия и стало приносить колхозу доход.

Прошли годы, и вот в колхозе имени Ворошилова стало уже около семи сотен коров и одиннадцати тысяч овец, сады, виноградники. Люди зажили богато. В домах — полная чаша. Но на что были похожи эти дома! Разве можно было в полную меру радоваться в них своим богатствам? Однако даже Нариман, который мог, кажется, и луну достать с неба, не в состоянии был достать для села строительный материал.

Тогда на помощь Сарай пришел молодой Сумгаит. Крупные строительные организации, выкраивая из своего хозяйства кто транспорт,

кто камень, кто — рабочие руки, выбрали для села новое место, возвели здание школы, бани, магазина, построили десятки домов для колхозников, провели водопровод...

Пусть поздно, но старая Зарифа увидела на своем втором веку то, о чем просила в самых горячих своих молитвах. Друзья построили Апшеронский канал, и воды горного Самура оросили 755 гектаров сараинской земли.

Вода из дождевальных установок брызнула на испепеленные солнцем бахчи, заструилась по сухим пескам старых виноградников, забулькала в автопоилках на новых фермах, чистой, серебряной струей полилась из крана в кухне Зарифы. Столько событий за короткое время, что надо, обязательно надо, постараться пожить как можно дольше!

Пусть глаза старой крестьянки, как и раньше, в молитвах обращаются к востоку. Теперь-то ей хорошо известно, откуда идет помощь. А с востоком можно просто пошептаться на привычном языке и поделиться с ним радостью.

Не ее ли, эту радость, подслушивал в рассказах Зарифы дорогой гость, когда, устав записывать, поднимал глаза и просто смотрел в лицо женщины?

* * *

Обратный путь из Сумгаита в Тбилиси проходит через Баку, через славный Мингечаур, расставивший свои длинные руки-провода одну — на Апшерон, другую в Рустави, через бывшую тишайшую Гянджу, ныне промышленный Кировабад, в который спускаются с гор рудные богатства «Азербайджанского Урала»...

Многое говорит теперь эта дорога после знакомства с Сумгаитом. Если б видели ее такую те, кто в тревожном и огневом для этих мест 1920 году ехали на первый съезд народов Востока!

В Баку съезжались азербайджанцы, грузины, армяне, представители горских наро-

дов Кавказа. Баку принимал делегатов Турции, Персии, Афганистана, Туркменистана, Индии, Китая, Киргизии, Хивы, Бухары... Пример Великой Октябрьской революции, которую бок о бок с русскими совершали народы всех национальных окраин Российской Империи, будил дремлющий Восток.

Ныне здесь ведется огромное строительство. Эти преобразования в экономике края тоже требуют большого напряжения, ломки сознания. Они — порождение Великого Октября. И как знать, не равны ли они ему по силе своего примера, по глубине воздействия на умы и чувства наших восточных соседей.

Софья Тодрия,

член КПСС с 1901 года

Воспоминания рядового подпольщика

ВСТРЕЧИ С В. И. ЛЕНИНЫМ

В эти дни о многом думаешь из пережитого. Память воскрешает эпизоды из жизни рядовых подпольщиков, которые под руководством В. И. Ленина вели свою скромную работу, чтобы из «Искры» возгорелось пламя.

Мне, рядовому подпольщику, посчастливилось видеть и слышать Ленина.

Впервые я увидела и услышала Владимира Ильича в 1906 году, в Петербурге, в помещении курсов Лесгафта. Он выступал с рефератом по одному из острейших вопросов нашей революции — по аграрному вопросу. На этом собрании присутствовали люди различных политических взглядов: кроме большевиков, немало собралось и меньшевиков. Были и эсеры. Но как ни различна была по своему составу аудитория, Ленин привлекал внимание слушателей к основным вопросам аграрной программы социал-демократов—большевиков. Ленин изложил единственно правильную, четкую марксистскую программу по аграрному вопросу, предложенную большевиками. Говорил Владимир Ильич обоснованно, убедительно. Каким обличением существующего строя прозвучали его доводы о необходимости аграрной революции в России. Ленин доказывал, что аграрный вопрос составляет основу революции, ее национальную особенность.

Я слушала тогда Ленина впервые. Меня особенно поразило его умение удивительно просто и ясно говорить о самых сложных вопросах. Держался он так непринужденно, что сразу же создавалась обстановка тесного контакта с аудиторией.

Владимир Ильич очень остро критиковал меньшевистскую аграрную программу — так называемую муниципализацию земли. Он показал ее основной порок и полную непригодность, охарактеризовал ее как «нечто среднее между настоящей аграрной революцией и кадетской аграрной реформой». Владимир Ильич приводил убедительные сравнения и данные об обострении классовой борьбы в деревне. Он находил очень меткие слова и народные поговорки, вызывая горячее одобрение слушателей. Большинство присутствовавших на реферате шумно выражало свое одобрение

и согласие с теми положениями, которые выдвинул Владимир Ильич Ленин.

Одним из оппонентов по докладу Ленина выступал эсер Бунаков. Его попытки опровергнуть доводы Ленина успеха не имели. Характерная деталь: когда Бунаков стал нападать на отдельные положения, высказанные Лениным, большинство шумно выражало свое возмущение и протест. Владимир Ильич просил не мешать оратору и дать ему возможность высказать до конца все, что он считает нужным. Сам Ленин слушал его спокойно и очень внимательно. Мы поняли, что это правильно, так как выдержка и умение выслушать нападки идейных противников дает возможность с большим успехом разбить их. Так и вышло. Ленин до конца выслушал оратора, а затем спокойно и остроумно разбил доводы эсера.

Второй раз я встретила с Владимиром Ильичем Лениным в начале лета 1907 года. Это было трудное для партии время. Все больше и больше поднимала голову контрреволюция. Царское самодержавие обрушило все силы черной столыпинской реакции на партию и рабочий класс.

В этих труднейших условиях Владимир Ильич учил нас, большевиков, не падать духом, а еще упорнее идти к намеченной цели, сообразуясь с конкретной обстановкой. Возможности легальной работы для большевиков были в то время крайне ограничены. И Ленин говорил, что надо, не отказываясь от использования легальных возможностей, уйти в глубокое подполье и продолжать революционную борьбу. Ленин вселял в нас веру в неизбежность нового революционного подъема, к которому партия должна готовиться, объяснял, как крепить связь с массами, воодушевлять их.

В это именно время группа большевиков была по указанию Петербургского Комитета партии направлена из Петербурга в Выборг для работы в нелегальной типографии. В этой типографии печаталась газета «Пролетарий».

Газета выходила под редакцией Ленина. В группу входили опытные большевики-подпольщики: Ваню Стурюа, Ваню Болквандзе, Караман (Ушанги) Джаши, Макарий Гогуадзе, Сильвестр Тодрия и другие товарищи, работавшие в бакинских нелегальных типографиях. В составе этой группы была и я.

Мы приехали в Выборг поздно ночью в связи с тем, что поезд опоздал. Соблюдая необходимые правила конспирации, пришли на явку — в квартиру Евгении Самойловны Шлихтер, которая работала корректором в подпольной типографии. Оказалось, что она нас ждала и, не дождавсь, отправилась куда-то по партийному заданию, поручив сыну принять нас. Сын Евгении Самойловны сказал, что мы должны подождать прихода матери. Но мы хотели скорее добраться до типографии, тем более, что привезли из Питера шрифт, в котором типография «Пролетария» очень нуждалась. Мы стали довольно громко выражать свое беспокойство.

В комнате кроме сына Шлихтер находился незнакомый нам мужчина средних лет. Он читал газету и только иногда отрывал глаза от нее и окидывал нас внимательным взглядом. Неожиданно незнакомый товарищ, видя наше беспокойство, заговорил с нами и вызвался проводить нас до типографии. Мы насторожились, но сын Евгении Самойловны кивнул нам головой в знак того, что товарищ, мол, — человек надежный, и ему можно доверять. Мы согласились. Незнакомец предупредил нас о предосторожностях, которые нужно соблюдать в пути следования к типографии. Мы были предупреждены также о том, что он пойдет от нас в отдалении и будет подавать соответствующие сигналы. Время было позднее. Мы шли, внимательно следя за знаками своего провожатого. Вскоре мы благополучно добрались до места и на следующий день включились в работу типографии.

Систематически, два раза в неделю, к нам в типографию приезжал товарищ, которого звали Михаил Сергеевич (фамилию его я забыла), от Владимира Ильича и привозил его статьи для «Пролетария». Набирать и печатать эти материалы было большой радостью для нас. Они ориентировали нас, первых читателей газеты, по сложнейшим вопросам политики партии.

Ленин очень заботился о работниках типографии, интересовался нашей жизнью и условиями работы.

Каждый раз, когда Михаил Сергеевич привозил от Ленина материал для газеты, он говорил: «Ильич вас приветствует, товарищи. Сердечный привет от Ильича». Как мы бывали счастливы, когда получали привет от Владимира Ильича! Нас очень трогала эта забота Ленина. Все мы мечтали о том, чтобы повидать его лично, поговорить с ним. Когда я об этом заговорила с Евгенией Самойловной Шлихтер, она весело рассмеялась и сказала: «Да ведь вы здесь его видели и говорили с ним». Я ахнула — оказывается, незнакомец, который проводил нас в типографию, был Владимир Ильич Ленин. В целях конспирации он был так искусно загримирован, что я его не узнала.

Вновь встретиться с Лениным мне посчастливилось уже после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Было это в 1920 году, на Втором конгрессе Коммунистического Интернационала, где я была в качестве гостя с делегатом конгресса, моим мужем Сильвестром Тодрия.

Созыв конгресса Коминтерна в условиях продолжавшейся гражданской войны и иностранной интервенции был большим событием для нашей страны и всего международного революционного движения. На конгрессе присутствовало 200 делегатов, представлявших рабочие организации 37 стран, в том числе представители Коммунистических партий и организаций от 31 страны. Все подготовительной работой по созыву конгресса руководил Владимир Ильич Ленин. Конгресс проходил с 19 июля по 17 августа 1920 года.

Делегаты конгресса сперва съехались в Москву, а оттуда специальным поездом выехали в Петроград. Эта поездка запомнилась мне на всю жизнь. На многих станциях, по пути следования поезда, делегатов конгресса встречали многочисленные толпы трудящихся. На митингах выступали делегаты конгресса из разных стран. Митинги эти превращались в наглядную и яркую демонстрацию пролетарского интернационализма и братской солидарности всех трудящихся, готовых защищать первое в мире социалистическое государство.

Торжественное открытие конгресса состоялось 19 июля в Петрограде, в бывшем Таврическом дворце (до революции в этом дворце происходили заседания Государственной Думы). Появление Ленина в президиуме вызвало восторженные аплодисменты всего конгресса. Когда же председательствующий объявил, что слово предоставляется Владимиру Ильичу Ленину, в зале вспыхнула такая овация, что трудно передать словами. Все встали и горячо аплодировали Ильичу. Он попытался было заговорить, но аплодисменты и возгласы на всех языках усилились еще больше. Оvation и возгласы длились долго, причем это был единый порыв выражения любви и огромной признательности великому вождю за ту поистине титаническую деятельность на благо трудящихся, которую он неутомимо проводил.

Ленин несколько раз показывал на часы, как бы говоря: не будем терять времени, у нас очень много работы.

Когда овации стихли, Владимир Ильич начал свою речь. Его слушали, затаив дыхание, и делегаты и многочисленные гости, заполнившие зал заседания конгресса до отказа. Говорил Ленин горячо, без внешних

ораторских приемов. Лишь изредка он жестом руки как бы подчеркивал значение высказанного. Не раз в ходе выступления в зале вспыхивали одобрительные дружные аплодисменты. Помню, как горячо откликнулись делегаты конгресса на слова Ленина о том, что новая Советская Россия аннулировала все долги царского самодержавия.

Ленин говорил свободно и, как всегда, просто и ясно. Это вызывало еще большее уважение к нему и создавало удивительно теплую атмосферу.

Владимир Ильич держался на конгрессе исключительно скромно. За столом президиума почти не сидел. В перерывах между заседаниями его можно было видеть беседующим то с одним, то с другим делегатом.

Как много получали от него делегаты во время этих бесед!

Запомнилась мне и беседа Ленина с делегатами конгресса — коммунистами из Грузии. Ленин тепло встретил нас, интересовался всем, что относилось к борьбе трудящихся Грузии за свое освобождение от гнета и засилия меньшевиков и буржуазных националистов. Владимир Ильич расспрашивал о товарищах-грузинах, работавших в Выборгской типографии. Я была поражена — несмотря на то, что прошло много лет, Ильич помнил имена всех товарищей.

Скромность Владимира Ильича хорошо известна. Я не могу не вспомнить и следующий факт. Ленин, как известно, всегда говорил, что он не силен в знании иностранных языков. Заполняя анкету делегата X съезда партии, он даже написал, что английский, немецкий и французский языки знает плохо. Каково же было изумление делегатов конгресса, когда Ленин, критикуя ошибки руководства Компартии Германии, блестяще заговорил на немецком языке, а при критике ошибок английских товарищей — на английском языке.

Дни, проведенные на II Конгрессе Коминтерна, дали возможность каждому из нас еще лучше узнать Ленина и почувствовать глубину и силу мысли нашего учителя и вождя.

Владимир Ильич на конгрессе был таким же бодрым и неутомимым, каким мы его знали еще до Октября. Как и прежде, каждое слово Ленина доходило до самого сердца, вливало бодрость и уверенность в наши души, звало вперед и вперед, на борьбу за новую, светлую жизнь.

Таким остался в моей памяти Владимир Ильич Ленин.

Сейчас, в дни, когда трудящиеся всего мира отмечают 40-летие Великой Октябрьской социалистической революции, я с особым волнением вспоминаю Ильича — его мудрые заветы уверенно претворяются в жизнь созданной им великой партией коммунистов.

Новый перевод

«ВИТЯЗЯ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ»

Поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» стала сегодня близкой и понятной многомиллионным читателям нашей страны. На многих языках народов СССР зазвучали бессмертные строфы Руставели.

Вся значительность благородной работы советских мастеров перевода становится особенно понятной, если вспомнить, что до революции не существовало ни одного издания полного перевода поэмы на русский язык.

Первый полный перевод на русский язык «Витязя в тигровой шкуре» был выполнен поэтом К. Бальмонтом.

Со времени издания перевода К. Бальмонта прошло двадцать лет. Далеко шагнула за эти годы советская переводческая школа. Появилось несколько новых полных переводов «Витязя в тигровой шкуре», выполненных Георгием Цагарели, Пантелеймоном Петренко, Шалвой Нуцубидзе. Около трети поэмы переведено также Павлом Антокольским. На украинский язык поэма переведена М. Бажаном, на азербайджанский — Самедом Вургуном и другими поэтами, на абхазский — Дмитрием Гулна и т. д.

Вызвала интерес и работа Николая Заболоцкого, создавшего перевод «Витязя в тигровой шкуре» в обработке для юношества. Это было первое обращение Н. Заболоцкого — переводчика к поэме Руставели.

После 1949 года, когда издательством «Заря Востока» было осуществлено издание этого перевода, связи русского поэта с грузинской литературой еще более упрочились. Им были завершены такие крупные работы, как перевод поэм Важа Пшавела, «Давитиани» Давида Гурмишвили, а также целого ряда стихотворений из грузинской классической и современной поэзии.

Недавно Н. Заболоцкий закончил новый полный перевод «Витязя в тигровой шкуре», с отрывком из которого мы знакомим сегодня наших читателей.

Начальная повесть о Ростеване, царе аравийском

Жил в Аравии когда-то царь от бога, царь счастливый,
Ростеван, искусный воин и владыка справедливый.
Снисходительный и щедрый, величавый и правдивый,
Был он грозный полководец и мудрец красноречивый.

Кроме дочери, владыка не имел другого чада.

Дочь его звездой сияла и была ему отрада.

Славных витязей царевна с одного пленяла взгляда.

Чтоб воспеть ее достойно, мудрецов немало надо.

Тинатин ей дали имя. Лишь царевна подросла
И затмила свет светила блеском юного чела,
Царь собрал своих вазиров, знатоков добра и зла,
И завел беседу с ними про высокие дела.

Царь сказал: «Когда под старость сохнет роза, увядая,
Вместо этой старой розы расцветает молодая.
Вот и я не вижу света, меркнет взор, изнемогая.
Справедливого совета жду от вашего ума я.

Жизнь моя к концу подходит, старость хуже всякой боли.
Завтра, если не сегодня, я умру по божьей воле.
Для чего и свет, коль мрака не избегнуть в сей юдоли!
Пусть же дочь, мое светило, воцарится на престоле».

Но вазирьы отвечали: «Царь, с ущербною луной,
Как бы звезды ни сияли, не сравниться ни одной.
Увядая роза дышит слаще молодой.
Что ж ты сетуешь на старость и зовешь ее бедой?

Нет, не вянет наша роза, не тверди нам, царь, об этом!
Но совет твой, даже худший, не чета другим советам.
Делай так, как ты задумал, коль другой исход неведом.
Пусть воссядет на престоле та, чей лик сияет светом!

Хоть и женщина, но богом утверждается царица.
Мы не льстим: она способна на престоле потрудиться.
Не напрасно лик царевны светит миру, как денница:
Дети льва равны друг другу, будь то львенок или львица».

Сын вельможи-полководца, сам прославленный спаспет,
Автандил-военачальник был в расцвете юных лет.
Стройный станом, почитался он соперником планет,
Но ресницы солнцеликой довели его до бед.

Затаив любовь к царевне, он страдал, испепеленный.
Розы щек его бледнели в тишине уединенной,
И росло при каждой встрече пламя страсти затаенной...
Сколь достоин сожаленья унывающий влюбленный!

В день, когда решилось дело с солнцеликою царевной,
Боль души его сменилась светлой радостью душевной.
Он сказал: «Теперь все больше с каждой встречей ежедневной
Буду я освобождаться от судьбы моей плачевной».

Ростеван по всей державе разослал такой указ:
«Тинатин на царском троне будет править вместо нас.
Пусть она сияет миру, словно царственный алмаз!
Дочь-царицу славословить приходите в добрый час!»

И сошлись к царю арабы, и приехали вельможи,
И Сограт, вазир любимый, с Автандилом прибыл тоже.
И когда они воздвигли трон, устроенный пригоже,
Весь народ сказал в восторге: «Нет цены ему, о боже!»

И когда на трон царевну царь возвел пред всем собором,
И когда ее венчал он дивным царственным убором, —
С царским скипетром, в короне, восхваляемая хором,
На людей смотрела дева вдохновенно-кротким взором.

И склонились перед нею все собравшиеся ниц,
И признали эту деву величайшей из цариц,
И ударили кимвалы, и, как крылья черных птиц,
Все в слезах, затрепетали стрелы девичьих ресниц.

Ей казалось: трон отцовский отдан ей не по заслугам,
Потому в слезах томился садик роз, взращенный югом.
Царь сказал: «Отцы и дети, мы царим здесь друг за другом.
Не отдав тебе престола, был бы я убит недугом!»

«Не томись напрасно, дочка! — он просил, увещевая. —
Ты теперь надежда наша, отдал все тебе права я.
Аравийская царица, будь правительницей края,
Мудро, скромно, прозорливо государством управляя.

Как бурьяну, так и розам солнце светит круглый год, —
Будь и ты таким же солнцем для рабов и для господ.
Царской щедростью и лаской привлеки к себе народ,
Помни: море не иссякнет, расточая бездны вод.

Щедрость — слава государей и премудрости основа.
Дивной щедростью владыки покоряют даже злого.
Есть и пить любому нужно, в том не вижу я плохого.
Что припрячешь — то погубишь, что раздашь — вернется снова»

Поучениям отцовским дочь послушная внимала,
Светлым разумом без скуки в наставленья проникала.
Царь устроил пир веселый, веселился сам немало,
Солнце дивной красотой юной деве подражало.

И царица повелела вызвать дядьку-пестуна:
«Под печатями твоими сохраняется казна.
Сундуки открой с деньгами и очисти их до дна:
Дочь царя, своим богатством поделиться я должна».

Раздала все то царица, что своим считала сроду.
Всем — и знатным и незнатным — поприбавилось доходу.
Дева так и говорила: «Пусть родителю в угоду
Ныне все мое богатство будет роздано народу.

Открывайте кладовые, отпирайте все подвалы!
Выводи коней, конюший! Выносите перлы, лалы!
Ничего не пожалею!» И войска, наполнив залы,
На сокровища царицы устремились, как шакалы.

Как законную добычу завоеванных земель,
Всех коней они угнали, столь лелеемых досель.
И была похожа дева на небесную метель,
Чтоб любой ее дарами мог наполнить свой кошель.

Первый день прошел в забавах. Пили, ели, пировали.
Многочисленные гости властелина окружали.
Вдруг поник он головою, преисполненный печали.
«Что с владыкой приключилось?» — перешептываться стали.

Автандил-военачальник с добродетельным Согратом
Во главе иных придворных на пиру сидели рядом.
Увидав отца царицы странной горестью объатым, —
«Что с царем?» — они невольно стали спрашивать себя там.

И решили: «Наш владыка стал задумчив не к добру,
Ведь никто не мог обидеть государя на пиру!
Автандил сказал Сограту: «Эту странную хандру
Постараемся рассеять: нам она не по нутру».

Встал Сограт седобородый, встал воитель, стройный стан
Подошли они к владыке — каждый с поднятым стаканом,
Опустились на колени на ковре золототканном
И Сограт вступил в беседу с престарелым Ростеваном:

«Загрустил ты, царь великий! Взор твой больше не смеется.
Что ж, ты прав! В твоих подвалах даже драхмы не найдется.
Дочь твоя свои богатства раздала кому придется.
Лучше б ей не быть царицей, чем с нуждой тебе бороться!»

Оглянувшись на вазира, усмехнулся царь-отец,
Удивился: как он смеет упрекать его, наглец.
«Одолжил меня ты славно, мой прославленный мудрец.
Но ошибся, утверждая, что арабский царь — скупец!

Нет, вазир, не эти мысли доставляют мне мученье!
Стар я стал, уходят годы, чую смерти приближенье.
Кто, скажи, теперь возьмется заменить меня в сраженье?
Кто сумеет в ратном деле перенять мое уменье?

Не дала судьба мне сына. Жизнь моя — сплошная мука.
И хотя привычна стала для меня земная скука, —
Сын сравнялся бы со мною, как лихой стрелок из лука...
Лишь отчасти Автандилу впрок пошла моя наука».

Слово царское услышав, улыбнулся Автандил,
Светозарною улыбкой всю долину озарил.
Пред царем потупив очи, был он молод, полон сил.
«Ты чему смеешься, витязь? — царь, нахмурившись, спросил. —

Разве речь моя безумна и достойна порицанья?»
«Государь, — ответил витязь, — дай сперва мне обещанье,
Что меня ты не осудишь за обидное признанье,
Не предашь меня на муки, не придешь в негодованье».

Милой дочерью поклявшись, что, как солнце, пламенела,
Царь сказал: «Не бойся, витязь, говори мне правду смело».
«Царь, — сказал отважный витязь, — предан я тебе всецело,
Но напрасно ты кичишься, недостойно это дело!

Я, твой верный полководец, только пыль у царских ног,
Но пускай решает войско, кто искуснее стрелок.
Выходи ж на состязанье, государь, и видит бог,
Лук и стрелы нас рассудят и дадут тебе урок».

Царь воскликнул: «Я с тобою говорю не для забавы.
Коль со мной ты спор затеял, не уйдешь ты от расправы!
Мы в свидетели поставим лучших воинов державы,
Поле быстро обнаружит, кто из нас достоин славы».

Так они договорились в этот вечер меж собою.
Царь шутил и улыбался, расположенный к герою.
В заключение решили: кто не справится с стрельбою,
Тот проходит трое суток с непокрытой головою.

И приказ владыка отдал: «Пусть двенадцать верных слуг
Подают мне стрелы в поле, всюду ездят для услуг,
Пусть они сочтут добычу, объезжая лес и луг.
Автандилу их заменит Шермадин, слуга и друг».

И загонщикам велел он: «Рассыпаясь цепью длинной,
Ваше дело — из трущобы гнать на нас косяк звериный»
И бойцов на состязанье пригласил он всей дружиной,
И закончил пир веселый, и расстался с чашей винной.

В золотой чалме, в оружьи, как лилея, строен станом,
На рассвете прибыл витязь ко дворцу за Ростеваном.
С высоко поднятым ликом, светозарным и румяным,
На коне он красовался в одеянье златотканном.

Скоро выехал владыка, для охоты снаряжен.
Луг, назначенный заранее, был народом окружен.
Вдалеке звучали крики — начался звериный гон,
И стрелки схватили луки, как предписывал закон.

Царь двенадцати любимцам приказал: «Вперед, за мною!
Лук держите наготове, приготовьте стрелы к бою!
Подсчитайте, сколько дичи я убью моей рукою!»
Между тем лесные звери приближались к зверобою.

Многочисленное стадо появилось в отдаленье,
На охотников бежали серны, лани и олени.
Царь и витязь их встречали градом стрел, не зная лени,
Созерцая их проворство, люди были в изумленьи.

Пыль, поднявшаяся к небу, солнце кутала во мглу,
Кровь лилась вокруг рекою, пот струился по челу.
Но любой из нападавших за стрелою слал стрелу,
И нельзя укрыться было ни оленю, ни козлу.

Поле быстро проскакали, все зверье поразогнали,
Многих насмерть уложили, землю кровью запятнали.
«Кипарис в садах эдемских! Есть другой такой едва ли!» —
Так о витязе твердили те, кто спор их наблюдали.

Поле кончилось, за полем поднимался лес дремучий,
Вдалеке торчали скалы, громоздясь на кручу кручей.
Звери прянули в трущобу, там их спас счастливый случай,
Ибо в чаще их настигнуть даже конь не мог могучий.

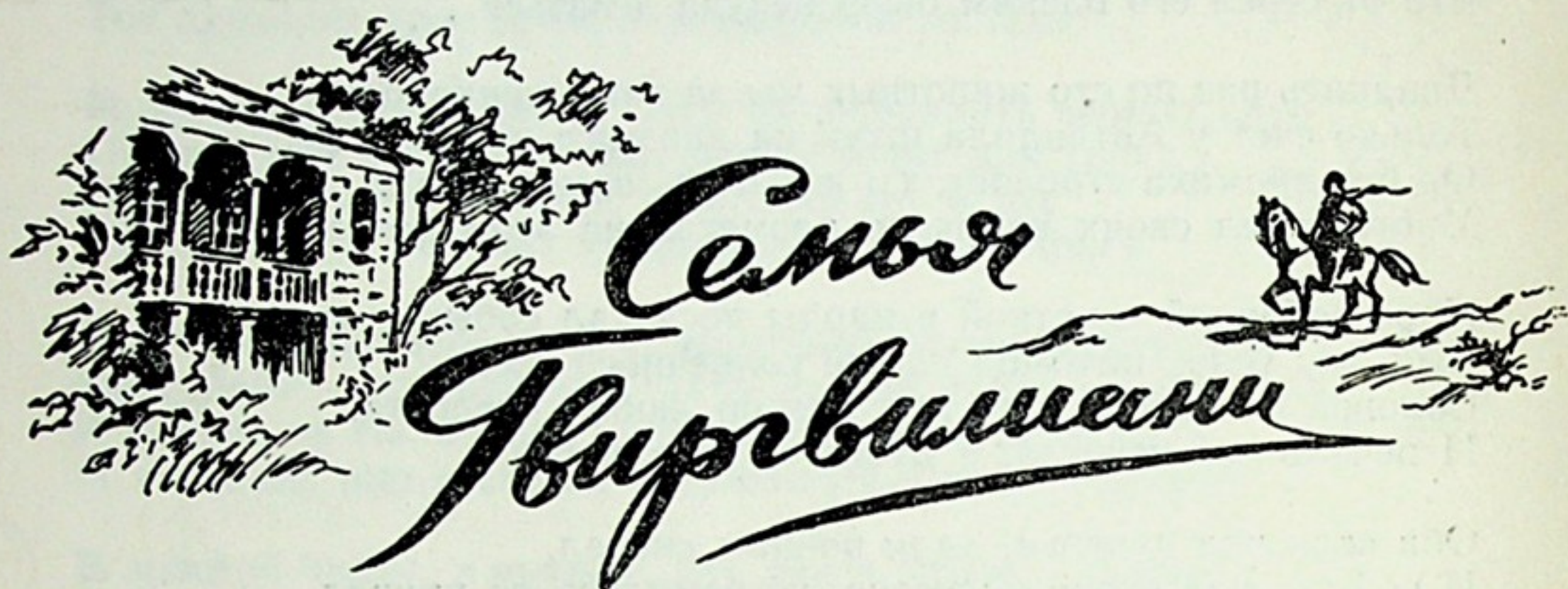
Царь усталый, но довольный возгласил: «Моя взяла!»
Автандил не соглашался, отирая пот с чела.
Услыхав их спор веселый, к ним дружина подошла.
Царь сказал: «Без всякой лести расскажите, как дела?»

«Государь, — сказали слуги, — чтоб тебе не заблуждаться,
Знай, что с юным Автандилом ты не можешь состязаться.
Мы помочь тебе не в силах, мы обязаны признаться,
Что от стрел его оленям было некуда деваться.

Двадцать раз по сто животных мы за вами прикололи,
Только счет у Автандила штук на двадцать будет боле.
Он без промаха стреляет, ты же, царь, помимо воли,
Много стрел своих напрасно разметал на этом поле».

Царь забавной схваткой в нарды посчитал событие это.
Был ему успех питомца слаще солнечного света.
Соловей не любит розу так, как он любил спаспета.
И печаль его исчезла, и душа была согрета.

Оба сели под деревья, дали воинам сигнал,
И войска, как строй колосьев, устремились на привал,
И двенадцать слуг царевых, каждый строен и удал,
Наблюдали за рекою и за выступами скал.

РОМАН

(Продолжение)

Перевод с грузинского Наты Чхеидзе

Весь зал был застлан огромными полотнищами ситца, на желтом фоне которого алели ягоды земляники. На полу рядами лежали тонко распиленные и гладко обструганные доски.

Баронесса объяснила Парне, что из этих досок он должен построить под потолком каркас, на который можно было бы натянуть полотнища в виде шатра. Парна тотчас же приступил к работе. А Беги все никак не мог понять, чего хотела Минадора.

— Хочу, чтобы здесь был шатер, понял? Завтра утром не узнаешь эту залу. Спать не буду всю ночь, а сделаю. Как твое имя? — обернулась баронесса к Парне.

— Парна Бжалава, — ответил за крестьянина Беги. — Лучшего мастера у нас нет во всей округе.

— Что ты, что ты, князь! Я простой сельский плотник.

— Нет, почему же! — вмешалась Минадора. — Ты, я вижу, понял все, что я сказала, а мне большего и не надо.

Довольная усмешка скользнула по устам Парны, он подумал: «Эх, будь я обучен, как вы, из меня бы вышел не простой плотник, а хороший инженер. Да только, гляди, на какие пустяки тратят деньги, окаянные! И на что им сдался этот шатер? Никакой от него пользы ни душе, ни телу», — мысли Парны как-то странно перемешались, ему стало не по себе, и он с силой хватил молотком по гвоздю.

— А где уважаемая Марина? — спросил Беги у Минадоры. — Почему она не помогает вам? Дагмару я видел — она красит у Дзилханы яйца.

Баронесса улыбнулась:

— Что, уже соскучился? Она, бедненькая, устала до смерти, сшивая эти полотнища, а теперь отдыхает на балконе. Поди к ней, если хочешь. Она, кажется, читает.

Марина читала роман французского писателя Понсона дю Террайля «Приключения Рокамболя».

Увидев Беги, девушка отложила книгу.

— Чем вы так увлечены, Марина Ивановна?

— Это роман, написанный как раз для вас, князь Бегляр.

Узнав, что Беги — это сокращенное от Беглара, Марина стала называть его полным именем. Но только произносила его на французский лад: не «Беглар», а «Бегляр».

— Здесь много такого, что живо напоминает вашу жизнь, — рыцарские обычаи, любовь к женщине... Правда, герой нередко занимается сомнительными делами, но душа у него остается благородной. Интересно читается. Я бы прочла вам, да книга французская.

— Тогда расскажите.

— Рассказать? Ну, это длинная история, займет много времени.

— Немножко расскажите сегодня, немножко завтра, и так...

— Так, пожалуй, можно. К тому же, кроме нас с вами, кажется, все в доме заняты. Даже княгиня Нектарина...

— Ну да, она отдает распоряжения. Из своей комнаты почти и не выходит, вызывает к себе и распределяет обязанности.

— Ну и хорошо... Значит, мы одни с вами свободны. Пусть будет так... Расскажу вам историю Рокамболя. Хотите, начну, как в сказке: «Жил да был...»

— Как вам будет угодно.

И Марина начала рассказывать. Мало-помалу, она сама увлеклась своим рассказом, и на лице ее появилось какое-то особенное выражение. Беги не столько слушал, сколько смотрел на это лицо, плечи, руки и в душе сравнивал ее с Дэси. Обе были очаровательны, но Беги невольно отдавал предпочтение Марине. Почему — он не мог бы объяснить и сам. «Каждый плод по-своему сладок», — думал он и все больше проникался обаянием сидевшей перед ним Марины. Однако в душе он все же твердо решил:

— Что бы ни было, а Дэси должна стать моей!

П Р И Т О К

Теперь мы входим в лес, Цибедуль, большой лес жизни, изображаемой в моем романе. Здесь нам придется немало плутать. В пору, описываемую мною, это был дикий, некорчеванный, опутанный колючими зарослями лес. Плющ и омела глушили здесь деревья, отнимали у них жизненные соки.

Узенькие тропки вились в чаще леса — иные из них лишь в те дни прокладывались отважными. Это потому, что гул новой жизни едва достигал деревни Бертеми, и только мелкие волны далекого прибоя докатывались сюда. Дремотная глушь царила здесь, как и в лесу моего героя Барама. В городах уже бродила и кипела жизнь, но вести оттуда почти не доходили до деревень — таких, как Бертеми.

Как бы там ни было, а лес, даже дремучий, устроен по-своему — и нам долго придется блуждать по его лабиринту. Само собой, мы, наконец..

выйдем из этих дебрей, как вышла на широкую дорогу сама жизнь. Но не удивляйся, Цибедуль, если мы здесь остановимся перед тем или иным деревом — будь то вяз, или бук, или даже рододендрон. Теперь уже в нашей стране растут пальмы и цитрусы, холмы покрыты чайными кустами, высятся эвкалипты могучие, как дубы, в наших садах расцветают необыкновенные цветы.

В городах взметнулись к самому небу дворцы, гладкий асфальт покрывает дороги, лампы по ночам создают впечатление дня. Возможно, это так теперь и в Менджи-Робу.

Но тогда было не так. Мы блуждали в дремучем лесу. И давай, познакомимся с ним.

20.

Наступил вечер великой пятницы. Гутати вернулся из Ушapati, а Бату — из Кутаиси, куда он был послан за покупками. Он привез на арбах несколько бурдюков свирского вина, куличи, выпеченные в кондитерской Саникии, а также сардины, шпроты и другие закуски.

Бату принялся разливать вино и размещать пригнанный скот и птицу — это входило в его служебные обязанности при доме.

Гутати же тотчас направился к Дэси. Увидев, что она шьет чувяки для кого-то другого, он недовольно поморщился и сразу догадался, что чувяки с позументами предназначены для Беги, однако ничего не сказал, взял у Дэси свою готовую пару и пошел к себе.

«Ну, и черт с тобой! — подумал он. — Ты мне не жена и не кума! Тебе захотелось Беги — изволь! А понадобится мне — разве ты и так не моя? К тому же мне сегодня совсем не до тебя!»

Он прошел на черный балкон. Здесь ему встретила Дзилхана. Она сказала, что княгиня сейчас купается, и тут же, подмигнув, добавила: «А ночью ждет тебя к себе».

Гутати, довольный сообщением, направился в свою комнату — примерить новые чувяки.

Дзилхана была по-своему верующим человеком и считала, что в великую пятницу — день, когда был распят Христос, — люди должны воздерживаться от всего земного — от еды, питья и особенно от любовных вожделений. В душе своей она осуждала Нектарину за то, что та назначила в такой день свидание Гутати, но открыто осудить ее не решалась — это превышало ее права и силу. Внешне же, по необходимости, старуха мирилась с распутством Нектарины, потому-то она и подмигнула Гутати: «Погляди, мол, какие мы смелые — я и моя госпожа!»

Вообще же Дзилхана играла в доме Нектарины немаловажную роль. Прежде всего — она была ближайшей наперсницей и советчицей самой княгини. В ее ведении находились также многие важные семейные дела: она присматривала за многочисленной челядью, следила за тем, чтобы комнаты были всегда чисто убраны, чтобы девушки вовремя собирали постели хозяев и гостей и подавали им умыться. Дзилхане была вручена вся посуда, которую она выдавала слугам в необходимом количестве, а потом снова принимала по счету. Она же ведала стиркой белья, освещением и отоплением комнат. У Дзилханы хранились чай, сахар, кофе, какао, шоколад и запасы сладостей — джанджухи, сушеные фрукты, ткбилис-квери.

В основном же провизией в доме ведал старший повар, которому, кроме кухни, была отведена особая «касса» так же, как и Дзилхане — кладовая. Комната называлась кассой, однако, в ней не хранились ни деньги, ни драгоценности. Эти вещи были заперты у княгини в изящной коробке, обитой металлическими пластинками, которая помещалась в большом

сундуке, где хранились так же ее дорогие платья, головные уборы и обувь. Делалось это так не потому, что княгиня не доверяла Дзилхане, а просто она предпочитала держать любимые вещи поближе к себе.

А в «кассе» повара на железных крюках висели свиные окорока, дичь, соленая осетрина и балык. Здесь же хранились блюда, подаваемые к столу в холодном виде. Марани находилось в распоряжении управляющего Гутати, а амбаром и кукурузником ведал особо выделенный из челяди преданный семье человек.

Дзилхана приходилась Нектарине родной сестрой по отцу — была плодом его незаконного брака и, по обычаю, сохранившемуся после крепостного права, приданого ее лишили. Она была значительно старше Нектарины, но лицо ее еще сохраняло следы былой красоты. Дзилхана не вышла замуж, но имела в жизни два романа, один — с каким-то молодым имеретинским князем, оставившим в ее душе сладостные воспоминания, и другой — с мужем Нектарины, Самсоном.

Близость ее с Самсоном началась с того момента, как Нектарина воспылала любовью к старшему своему деверю Арчилу. Потом Нектарина совершенно отдалилась от мужа, а тот не нашел в себе мужества бороться с этой женщиной. Вот почему он очень скоро вместо покоев Нектарины стал наведываться в скромную горенку Дзилханы.

Та с самого же начала отнеслась благосклонно к домогательствам оскорбленного в супружеских чувствах Самсона и открыла ему доступ к своему сердцу. Возможно, в душе она и гордилась тем, что, хотя и не венчанная, но все же сделалась супругой одного из князей Гвиргвилиани. Эта связь длилась до самой смерти Самсона.

Нектарина очень скоро узнала о «шалостях» мужа, однако притворилась слепой и глухой и уж никогда больше ничего не говорила по этому поводу — точно так же, как и Самсон, знавший об отношениях Нектарины и своего брата Арчила.

Так, в согласии и мире жили в княжеском доме эти две пары.

Дзилхана характером совершенно не походила на Нектарину, была гораздо добрее и отзывчивее. Сердобольная женщина тайно помогала сиротам и вдовам, но делала это «в меру», не нанося ущерба благосостоянию семьи. Особое покровительство оказывала Дзилхана влюбленным и хоть не занималась открыто сводничеством, однако была не прочь подействовать иным «незаконным» любовным связям.

Вот и сейчас, войдя в свою комнату, она увидела, что Дэси уже кончила шить чужаки для князя и, улыбнувшись, ласково потрепала молодую женщину по плечу:

— Хорошо ты успела, Дэси! Наш князь отблагодарит тебя, да только... смотри, не соблазни его.

— Ой, что ты, Дзилхана, какая я соблазнительница!

— Да, знаю, знаю, ты «скромная, бедная вдова». Но только мой тебе совет, милая, брось ты этого мужика Гутати, погляди лучше на князя — какой видный мужчина! Он, к тому же, облагодетельствует тебя — слышала, верно, он должен получить после пасхи большие деньги.

Совет старухи был вполне искренним. Она не любила Гутати за то, что тот устраивал свои любовные дела помимо нее. Вот и Дэси попала ему в руки без ведома Дзилханы. К тому же старухе хотелось сохранить Гутати для одной Нектарины. Теперь, разнюхав, что между Беги и молодой вдовой возможно сближение, она ухватилась за этот случай, дабы отвратить Гутати от Дэси.

А та только удивлялась в душе: «Ведь вот как угадала старуха мое желание!». Когда, незадолго до этого, Гутати молча взял у Дэси готовые чужаки и ушел к себе, молодая женщина проводила его насмешливым

взглядом: «Отправляйся, куда хочешь! Слово я не найду никого, получишь тебя!» Молодая вдова размечталась: «Беги и так состоятельный, а очень скоро получит много денег, станет еще богаче. И хоть, я знаю, он на мне не женится, но зато обеспечит меня. Мои девери лишили меня вдовьей части, а Беги, возможно, даст мне здесь, в Бертеми, поблизости от себя небольшой участок и домик мне поставит. Все теперь зависит от моего умения».

Так все шире и заманчивей разрастались мечты Дэси. Она лишь удивлялась: уж не вещунья ли старая Дзилхана — так верно угадала ее желанья? Но она ничего не сказала старухе и лишь промолвила сокрушенно:

— Что ты, что ты, Дзилхана! Где я — простая вдова и где — князь Беги!

— Ах ты, шельма! Слово и не знаешь, как падки мужчины до любви. А ты? Ты только поведи себя умеючи, — а уж как он не прельстится такой красоткой, как ты!

Лукавая искорка мелькнула в глазах Дэси, словно она соглашалась со старухой, словно таила в себе какие-то большие надежды... Постепенно она становилась все откровенней — и между женщинами завязался интимный разговор.

Беги в ту же ночь достиг своей цели.

21.

Суматоха в доме улеглась. Убранные комнаты сверкали чистотой. Большой зал принял необычайно праздничный вид. Полотнища яркого ситца, натянутые на каркас, ниспадали до самого пола, образуя подобие шатра. Арки над окнами и дверьми были обвиты гирляндами искусственных шелковых роз. Посреди потолка рдела большая пурпурная роза; под ней на тоненьких цепочках была подвешена изящная фарфоровая лампа.

Молодежь, видимо, уже отдыхала. Беги тоже куда-то исчез, слуги разошлись по своим углам. Две девушки выносили из комнаты Нектарины большой котел с водой, деревянное корыто и тазы.

На балконе девушки столкнулись с Гутати. Он спросил:

— Госпожа отдыхает?

— Нет, только собирается, — и девушки направились к лестнице. Спускаясь, они оглянулись на Гутати и почему-то тихонько фыркнули. Тот проводил их взглядом и не двинулся с места, пока они не ушли. Потом, оглянувшись по сторонам, на цыпочках пробрался в комнату Нектарины.

— Не заходи, негодник! — заметив его, крикнула княгиня. Она стояла посреди комнаты совершенно голая; ее густые золотисто-рыжие волосы спадали вдоль тела почти до пят.

— О, какая же ты, госпожа, голубушка! — простонал Гутати.

Нектарина попыталась закрыться простыней, но Гутати сорвал ее и отбросил прочь.

— Остаешься так, прекраснее ничего не может увидеть человек, — задыхаясь, говорил он. — Фея ты лесная, морская царица, или кто? С ума меня сведешь!

— Двери запри, сумасшедший!

Гутати подошел к дверям.

Нектарина тряхнула головой, еще пышнее распустила свои, уже подсохшие, волосы, кое-где поправила их рукой, чтобы скрыть наготу, и когда Гутати повернулся, она вся была словно закутана в огненную бурку, из ко-

торой выглядывало одно лишь ее горделивое, точеное лицо, а глаза, сиявшие радостью, так и манили к себе.

Гутати упал на колени и прильнул губами к ее волосам.

— Нет, ты не такая, как все, госпожа! Не богородица, не взыщи, но царица — превыше всех цариц.

Это напыщенное выражение Гутати слышал здесь, в семье Гвиргвилиани, и был очень доволен, что так кстати вспомнил его. Теперь он уже целовал не волосы — ноги княгини.

— Полно, будет тебе! — раздался ее замирающий голос.

Нектарина схватила Гутати за ухо и потянула к себе. Он поднялся с колен и неожиданно, ловким движением, подхватил ее на руки. Она отвернулась и прошептала:

— Слыханное ли дело — в великую пятницу?! Греховодник!

Гутати хорошо помнил, кем было придумано это свидание, но ничего не ответил — ему было не до разговоров. А Нектарина радовалась в душе, что обвинила в своем лукавстве другого.

— Не видать тебе, Гутати, царства небесного, за то, что совратил меня в такой день! В ад попадешь, в самое пекло!

— К чорту меня! Ты — жизнь моя!

22.

— Жизнь моя! — сказала Русундиа своему маленькому сыну, умыв и причесав его утром.

Из соседней комнаты послышался голос Вамеха:

— Не балуй ребенка, Русундиа.

— А что же мне делать, горемычной, один он у меня остался.

В дверях показался Вамех.

— Существует пословица, Русундиа, — с сыном будь суров, как враг, — воспитаешь друга. Впрочем, — добавил он, — это, конечно, преувеличено, но надо соблюдать меру: одинаково вредны и излишняя ласка, и излишняя строгость.

Заметив, что мальчик надулся, Вамех ласково погладил его по голове. Он сам любил малыша и не хотел, чтобы тот чувствовал себя обиженным. Вамех вошел в свою комнату и через минуту вернулся, держа в руке зеленое хрустальное яйцо. Он повернул его на свету, и оно заискрилось всеми цветами радуги, потом поднес его к глазам Сквмайи и заставил заглянуть внутрь.

У малыша заблестели глаза.

— Только в церковь сегодня это яйцо не бери, — предупредил Вамех. — Если ты будешь разбивать им настоящие яйца, это будет обманом, а обманывать товарищей нельзя. Мама даст тебе настоящие яйца — посмотри, сколько их! — и Вамех указал мальчику на полку, где стояла миска, полная крашенных яиц.

Сквмайа знал о существовании этих яиц — их красили накануне. Но он удивился, увидя на столе освежеванного ягненка, индейку и розового поросенка. Ведь вчера еще здесь ничего не было. Откуда же появилось все это? Мальчик не знал, что вся снедь была припасена заботами Вамеха. Сквмайа не задумывался, откуда появляется пища. Ее бывало в доме то больше, то меньше, но так или иначе, он считал, что она должна быть всегда. Он не знал и того, что в соседних домах также шли приготовления: как бы бедна ни была семья, но к пасхе она все же старалась запастись вкусной пищей.

Не так было в семье Микэ и Челы. Их мать сварила свиную голову, да десяток крашенных яиц лежал у нее в грубо сколоченном шкафу. Тут же сиротливо приткнулась бутылка водки.

Стыдилась бедная женщина такой скудости, да что ей было делать! Она утешалась тем, что, благодаря Бенойе, сумела одеть детей и сама сменила желтый траур на обычный, черный. «А вот и Чела! Голубка моя! Мое платье кончила вчера, потом сшила себе кофточку. Хоть и темная, а все же нарядная. Теперь взялась за архалук Микэ. Золотые у нее руки, у родной! Сегодня к всенощной кончит, верно, и архалук».

— Эй, Микэ, выйди наружу! — слышалось в это время у калитки.

Женщина выглянула и узнала Бандзги. Неприятное чувство охватило ее — ничего доброго не предвещал приход ростовщика. Однако пришлось выйти. На зов выглянула и Чела, но, увидев ростовщика, снова внимательно склонилась над шитьем. Бандзги раскипятился:

— Что же не приходит твой парень? Ведь он работает на кирпичном заводе?

— Какая там работа, да поразят меня твои недуги! — робко возразила вдова. — На заводе эту зиму он не работал совсем.

— Знать ничего не хочу! Верните мой долг! Было бы о чем говорить, — каких-то семьдесят рублей! А сколько времени прошло! Ведь ты заняла их на похороны мужа?

Вдова только покорно кивала головой: могла ли бедняжка отказаться от взятого долга?

Бандзги продолжал:

— Так я и поверю, что Микэ до сих пор не собрал денег! Они, верно, завернуты в тряпицу и лежат у тебя в сундуке. Ты хитрая баба, я знаю тебя.

— Клянусь детьми, ничего у меня нет, одна только трешка...

— Ну и давай ее сюда, в счет процентов! Жди от вас прибыли, как от козла молока.

— Ой, что ты, эту трешку я прячу, надо отдать почтовый налог.

— А мне прикажешь ждать?

В это время к калитке подошел уважаемый на селе крестьянин Обишхиа.

— Ты что это, Бандзги, ограбил мир, а теперь подступил к горемычной вдове? — возмутился он.

Бандзги вскипел:

— Мужик ты, невежа! Сначала поздоровайся, потом говори! А лучше и не суйся совсем в мои дела!

— Как же не соваться, когда вижу вот эту козу, что ты тащишь за собой, и красивый палас, что сунул под мышку своему работнику, и кур, отнятых у крестьян.

— А ты как думал? Это все в счет процентов. Что же, я не хочу справить пасху, по-твоему?

— Ты-то хочешь, а те, кого ты грабишь, они разве не хотят, грешный ты человек?

— Укороти язык! У меня дело тут, не мешай мне!

— Будь в моей власти, не только бы помешал, а сделал бы кое-что похуже. Пиявка ты, сосешь кровь всей деревни!

— Проваливай, говорю!

Бандзги соскочил с лошади, повесил уздечку на кол и, перешагнув через перелаз, вошел во двор.

Обишхиа двинулся следом за Бандзги.

— Теперь этих собрался ограбить? Да что у них есть, у несчастных?

— Это уж я знаю! Чего ты увязался, у тебя отнимаю, что ли?

— Не хочу, чтобы ты учинил здесь какую-нибудь подлость. Жаль мне бедных людей.

— А мне не жаль? Жалею их, потому и не взял до сих пор процентов. Я им добра хочу, видит бог.

— Да воздаст тебе бог таким же добром!

Бандзги вошел не в комнату, а в маленькую дощатую пристройку, где над очагом в котелке, подвешенном к потолку, варилась пища.

— Что это такое? — спросил он и, разглядев свиную голову, зло- радно рассмеялся. — Чтоб вам пусто было — не припасли к пасхе ничего другого?!

— А ты что думаешь, Бандзги, они, как ты, награбленным встречают пасху?

Но Бандзги уже не слушал. Он прошел в комнату и, увидя Челу, склонившуюся над шитьем, некоторое время молча глядел на нее. Потом сел на тахту и обратился к вдове:

— Ну, с чем же ты отпускаешь меня? Знай, теперь уж я не спущу вам!

Женщина стояла молча, понурясь. Чела продолжала работать, без- молвствовал и Обишхиа.

Бандзги первым нарушил молчание:

— Открой сундук, покажи, что у тебя там.

— Что у меня? Барахло какое-то.

— Открой, говорю! — Бандзги увидел висевшую на стене чоху с башлыком. — Чья? Твоего сына? Вот это я и возьму.

— Убей меня бог, чоху не отдам — у бедного мальчика ничего боль- ше нет!

— Полно, Бандзги, не зверь же ты, в самом деле! Последнюю одеж- ду и постель нельзя отнимать у людей. Этого тебе не разрешает и за- кон, — попробовал Обишхиа усовестить расходившегося ростовщика.

— А, постель! Хорошо, что вы напомнили мне. Гляди, какая гора подушек! И пуховик на славу!

— Ой! — вырвалось у вдовы, и она загородила собой взбитые на тах- те подушки.

— Ну, хорошо! Тогда открой сундук!

— Ты что это, людей обыскивать пришел? — возмутился Обишхиа.

— А ты как думал? Захочу — опишу весь дом. Открой, говорю, сундук!

Вдова направилась к сундуку, но в этот момент в комнату вбежала Чела. Шитье выпало у нее из рук. Бандзги подхватил его.

— Какой прекрасный архалук! Ты уже кончила его, девушка?! Да ты мастерица, оказывается! Я возьму его, отдам в счет жалованья моему работнику, — и Бандзги собрался было спрятать архалук. Но Чела, выр- вав его у ростовщика, крикнула:

— Нет!

— Не отдашь? — уже мягче спросил Бандзги, оглядывая Челу гла- зами ценителя. — Какая ты большая стала, красивая...

Он встал, оправил на себе чоху и объявил:

— Ну, ладно, вижу, с вас и впрямь взятки гладки. Но только знай- те: пасху еще пережду, а ежели потом не покроете долг, заберу эту де- вушку к себе в услуженье.

— Нет! — снова отчеканила Чела, но Бандзги уже не слушал ее. Он направился к выходу, думая про себя: «Дам ей три червонца в год — для девчонки хорошая плата. Два года прослужит у меня, — и чорт с ним, с их долгом! Не надо мне и их процентов! Девушка, видать, расто- ропная!».

Довольный своим решением, ростовщик вышел из дома и весело вскочил на лошадь. А Обишхиа только покачал головой и сказал воз- мущенно:

— Злой человек и на пасху злым остается.

Распрощавшись с вдовой и Челой, Обишхиа направился домой.

Только он вышел, как увидел, что по проулку, навстречу ему едут несколько всадников. Хотя люди были незнакомые, Обишхиа, по мегрельскому обычаю, снял с головы башлык и низко поклонился. Всадники не обратили на него внимания.

Все они были одеты по-европейски, только один — Леварси Квизиниа — в чохе. Обишхиа догадался, что это, верно, иностранцы, приценивающиеся к лесным угожьям князей Гвиргвилиани, но тут же подумал: «Иностранцы-то ведь уехали, зачем же понадобилось им возвращаться?». Ему захотелось узнать, в чем было дело. В этот момент с ним поравнялся один из всадников — бертемский крестьянин, отставший от кавалькады.

— Доброго здоровья, Николоз! — приветствовал его Обишхиа.

— Будь здоров! — ответил тот.

— Что с лошадыю? Едва ковыляет, бедняжка.

— А, чтоб им пропасть, этим господам! Гоняют меня взад-вперед по горам и лесам — сил нет! Жалованье, правда, платят, да что толку? Лошадь выдохлась: остановится — и ни с места, хоть ты тресни!

Лошадь и впрямь будто в землю вросла и, видимо, не собиралась двигаться дальше. А бедный ее хозяин был рад отдохнуть в обществе доброго односельчанина.

— Чего же ты взвалил на нее такой груз?

— Какой же это груз? Землемерные орудия.

— А на что они иностранцам?

— Так ты не знаешь? Мы ездили смотреть и обмерять участок князей Пагава. Дороги — себя проклянешь, особенно с такой лошадыю, как моя. Все время артачилась, окаянная, и мне влетело от господ. Этих иностранцев сопровождает какой-то Волков, вспыльчив — не приведи господи! От него и досталось мне: раз даже руку занес, негодяй!

— Ну, и сговорились они с князьями?

— А как же! Тотчас после пасхи должны отсчитать им денежки.

— Все хорошо, но зачем тогда вернулись иностранцы?

— Князья Пагава приглашали их в Бандзу, провести вместе праздники, да те отказались — нам-де непременно надо поспеть в Бертеми, осмотреть местность Менджи-Робу, участок князей Гвиргвилиани.

— Менджи-Робу? — переспросил Обишхиа. Он хотел спросить еще что-то, но в это время ехавшие впереди всадники закричали: «Николоз, а-уу!». Тот ответил: «А-уу, еду» и кое-как заставил двинуться свою клячу.

Обишхиа постоял некоторое время в задумчивости, повторяя про себя: «Менджи-Робу, а?» Потом тихим шагом поплелся домой. Он думал: «Да ведь Менджи-Робу принадлежит не князьям Гвиргвилиани, это место искони было собственностью семей Дзадзамиа и Маланиа. Откуда — куда! Хотя, правда, за последнее время Гвиргвилиани, видимо, прибирают участок к рукам, а возражать некому — молчат и Дзадзамиа, и Маланиа. Велика справедливость твоя, господи, но погляди, что могут сделать сила и влияние».

Разбередил свои старые раны Обишхиа...

Он считался одним из самых умных, умудренных опытом крестьян Бертеми, был советчиком и другом односельчан. Много он пережил, много и передумал за свою долгую жизнь. Он знал, какая несправедливость царила в жизни, знал, что с этой несправедливостью боролся еще Уту Микава. Потом, лет тридцать назад, в деревне Саджиджао вспыхнуло восстание крестьян. Ну и что же? Оба восстания были подавлены, а несправедливость только возросла.

Подойдя к дому, Обишхиа увидел во дворе своего сына Тада и соседского парнишку Микэ. Они сидели на траве и читали какой-то листок. Юноши были так увлечены своим делом, что не заметили, как к ним подошел Обишхиа.

— Что вы там читаете, разбойники? — шутливо спросил он.

— А зачем тебе, отец, ты ведь все равно не поймешь.

— Эге, сказали! Коли придумано и написано человеком, отчего же не понять?

— Тут о Тбилиси говорится, о тамошних рабочих, — объяснил Микэ.

— А я что, не рабочий, дармоед по-вашему?

— Ты-то рабочий, конечно, но тут разговор о других, о тех, кто работает на железной дороге.

— Ну что ж, если там сказано про их дружбу, про то, как они помогают друг другу, — прочитайте и мне, ребята, дайте малость душу отвести.

— На что тебе, дядя Обишхиа? Дело ведь прошлое.

— Ты за кого меня принимаешь, парень? Думаешь, я не знаю всех этих дел? Тут у нас, по соседству, в Ушанати вернулся года три тому назад мой старый друг, Хурциа, тот, что работал в Тбилиси на железной дороге. Он-то и рассказал мне, как там рабочие взбунтовались.

— Не взбунтовались, а забастовали.

— Как хочешь назови, только они объединились и отказались работать день, другой, целую неделю. Предъявили требования правительству, да оно ничего не выполнило; рабочие и отступили.

— Прочтем ему, Тада, хотя бы самое главное, — сказал Микэ товарищу.

— Это прокламация, — начал Микэ, — то есть листок с призывом, он печатается для тайного распространения. Прокламация эта старая, но и сейчас может пригодиться...

— Ты читай, нечего проповедовать, — наставительно сказал Обишхиа.

— Вот, пожалуйста, обращение к рабочим, — и Микэ прочитал:

«...Миллионы глаз с напряженным вниманием следят за вашей борьбой. Невиданный рост ваших сил вселяет страх в души врагов, ваша отвага и мужество вдохновляют друзей и будят в их сердцах надежду на лучшее будущее. Помните, что вы не одиноки, за вами идут миллионы, которые протягивают вам свои железные руки».

— Вот спасибо, родной, — невольно вырвалось у Обишхии, — дальше, дальше что?

— Дальше то, что ты говорил, Обишхиа, — насчет отступления:

«Рабочие и в самом деле сложили оружие, потерпели поражение, но это поражение по своему значению выше многих побед».

Обишхиа широко раскрыл глаза.

— Погоди-ка, милый, не читай так быстро!

Микэ продолжал:

«Забастовка многому научила нас. Мы восстали против угнетения и эксплуатации, показав правительству, что можем выступить в открытом бою, что в наших рядах растет сознание собственных прав...». Но ты не думай, дядя Обишхиа, что этим все кончается. Нет, это только начало борьбы, только первый урок, полученный нами. Мы теперь знаем, как бороться и действовать дальше. Вот, что говорится в прокламации: «...Силе мы должны противопоставить силу, а наша сила в единстве, в сплоченности рядов».

— Верно, верно! — с воодушевлением воскликнул Обишхиа. — А что же дальше, сынок?

Тада взял другой листок и прочитал:

«...Возможно, самодержавный строй кажется многим непобедимым, потому что правительство, подавляя трудящихся, прибегает к самым гнусным, самым отвратительным средствам насилия. Поэтому многие смотрят скептически на нашу борьбу, находят ее бесцельной. Но думать, что самодержавие непобедимо, что оно будет существовать вечно, — большая ошибка. Это противоречит историческому развитию самой России».

Теперь ты спросишь, отец, кто же поведет трудящихся в наступление на врага? На этот счет говорится, что такой силой будет пролетариат, то есть рабочие, опирающиеся на другие вспомогательные силы, на все слои, недовольные самодержавием. Пролетариат поведет эти силы на приступ, и тогда рухнет твердыня царизма.

— Ну, уж нет, сынок! — и Обишхиа с юношеской живостью вскочил на ноги. — Кто это осилит русского царя? Не обманывайте меня, родимые. И этот самый — как его — пролетар... иат победит самодержавие? Только он один? А крестьян забыл, малый?

— Тут, отец, точно сказано, — возвысил голос Тада: — «Социал-демократия, опираясь на все остальные общественные слои, поведет трудящихся в бой». Значит, среди этих остальных подразумеваются и крестьяне.

— Ну, нет, паренек, это совсем похоже на то, как священник провозглашает в церкви здравицу за русского императора, самодержца всей России, потом за царя польского, потом финляндского и в конце добавляет — и прочая и прочая. «Что это за прочая?» — думал я. Мне потом объяснили, что это значит — все остальные края, среди них и Грузия, значит и наш Одиши. Вот так и вы к прочим отнесли нашего брата-крестьянина. А вы должны хорошо знать: крестьянство — это большая сила, только надо эту силу использовать, ею надо руководить.

— Это верно, Обишхиа, — сказал Микэ, — но крестьянин — крестьянину рознь. Вот, взять хотя бы Бичину Читанава, что мне приходится дядей, — у него кирпичный завод, или Леварси Квизиниа, — того, что давеча крестил ребенка в церкви. Оба они крестьяне, но революции ни один из них не пригодится.

— Я не говорю о торговцах, о разных там чиновниках, — ответил Обишхиа. — А вот меня, я знаю, вы считаете малодушным. Нет, родимые, это не так. Но я столько видел и перенес в жизни, что сердце у меня отворотилось от всего. Вот если вы, молодые, передовые ребята, сумеете объединить и вооружить рабочих городов и деревень, всех угнетенных Грузии, если будете держать связь с Россией, а Россия, я знаю, большая, сильная страна, если вы объединитесь с русским народом, — тогда, поверьте, и ваш старый Обишхиа возьмет в руки знамя и пойдет впереди других.

— Вот спасибо, отец!

— Мы, Обишхиа, еще не члены партии, которая борется за народ. Но мы сочувствуем ей и работаем для нее.

— Вот и хорошо! Только, родимые, будьте осторожны. Вы чего это устроились здесь, во дворе? А если кто застигнет вас? Прочтите и спрячьте подальше. И не говорите никому про эти дела. Вот разве Парне Бжалава, но больше никому! Пожалуй, можно и Вамеху с Тайей. Но прямо скажу, нет у меня полного доверия к этим князьям! И уж, конечно, подальше от старосты и его приспешников. Да и людей княгини Нектарины надо остерегаться. У нее тьма всякого народа бывает, бог его знает, кто и что.

— В усадьбе княгини есть одна... Она твоему сыну дорожке жизни, —
вмешался в разговор Микэ.

Обишхиа нахмурился:

— Кто это?

Тада подтолкнул друга локтем: не выдавай, мол, но Микэ все же сказал:

— Дэси Карчава, вдова. Та, что была замужем за Хубуа.

Микэ не нравилось увлечение друга, и он надеялся, что старику удастся отвадить сына от неподходящей ему женщины.

— Что? Дэси? Эта потаскушка? Чтоб я не слышал больше ее имени!

— Неправда, отец, она ему нравится самому, а он валит на меня.

— Врагу не пожелаю ввести такую в дом. Вот, кто предаст вас, разорит и загубит вконец. Ну, а теперь живо собирайте свои монатки — кто-то подошел к калитке.

Ребята свернули листки и направились к дому.

Обишхиа пошел навстречу гостям. Это оказались Аслан Хурциа и его товарищ Петр Батичко. Батичко, только что отбывший солдатчину, был еще в военной форме. С Асланом он подружился в Тбилиси, где они часто встречались у некоего Федорова, устроившегося на работу в железнодорожные мастерские при содействии старого революционера Аллилуева. В доме Федорова собирались рабочие железной дороги и революционно настроенные солдаты. Вначале людей сюда привлекали не столько собрания, сколько миловидная дочь Федорова — Маруся. Да и к тому же хозяева были люди открытые и, по своим средствам, хлебосольные. Первое время солдат принимали, как обычных гостей, но после того, как Аллилуев убедился, что им вполне можно довериться, их допустили и на собрания — нужно было готовить пропагандистов и для армии. Особенную преданность и усердие в этом проявил Петр Батичко. Вскоре он сделался женихом Маруси. Теперь ехал домой, чтобы узнать о состоянии революционного движения на Украине, — это было необходимо для здешнего кружка, а заодно и получить благословение родителей на женитьбу. В дальнейшем Батичко предполагал обосноваться в Тбилиси и устроиться на работу в железнодорожные мастерские.

Узнав обо всем этом от Аслана, Обишхиа позвал Микэ и Тада и познакомил их с гостями. Аслану Обишхиа доверял, да и этот русский солдат как-то сразу расположил его к себе.

Батичко, не раз прибегая к помощи Аслана, на ломаном грузинском языке рассказал своим новым знакомым о забастовке тбилисских железнодорожников, потом о происходящих на Украине крестьянских волнениях. Там крестьяне жгли дома помещиков, забирали землю, убивали ненавистных дворян и полицейских. Правительство преследовало крестьян, ссылало в далекую Сибирь, но движение все разрасталось.

— А вы что тут смотрите? — спросил Батичко, в упор глядя на молодых. — Я слышал, у вас тут тишь да гладь, божья благодать.

Тада, казалось, был задет за живое.

— Нет, почему же! Вот, говорят, в Гурии поднялся народ, в Верхней Имеретии большое восстание, — сказал он.

— Это хорошо, ну, а здесь на что вы смотрите? Чего ждете? Или вам должен приказать кто-нибудь?

Молодые люди молчали, как бы чувствуя себя пристыженными. Заговорил Обишхиа:

— Поглядеть на этих молодых — кролики, а про нас, стариков, иные говорят, что мы — трусливые зайцы.

— Не кроликом и зайцем, а волком надо быть — безжалостным вол-

ком. Врага незачем щадить. — Батичко заспешил: — Ну, прощайте, мне надо попасть в Сенаки к поезду.

Обишхиа попросил было гостей остаться, провести с ними праздники, но Аслан торопился в свою семью. Он собирался проводить украинца до Накалакеви и там посадить его на фаэтон. Батичко тоже торопился, да и не очень-то он соблюдал пасху. А что до праздников, то скоро наступит первое мая, и этот чудесный день он проведет у себя на родине.

Хозяева проводили гостей и, возвратившись, долго беседовали о крестьянских волнениях. Молодые люди были готовы хоть сейчас выступить вместе с крестьянами окрестных деревень, но не знали, с чего начать. Они ждали указаний от своего друга Тайи.

24.

Когда иностранцы вернулись в усадьбу Нектарины, встречать их вышли только Беги, Гутати и Марина. Нектарина и баронесса еще спали. Дагмара только что встала и одевалась. Толисквами, внешне примирившаяся со своей судьбой, была однако настолько подавлена, что предпочитала быть одной и появлялась в зале, лишь когда ее вызывала княгиня.

Служанки и горничные, под руководством Дзилханы, шили одежду к сегодняшней всеобщей: женщинам — платья или кофточки, мужчинам — архалуки. Парни мыли бутылки, чистили и перетирали посуду.

В кухне шли большие приготовления. Слуги, руководимые поваром, варили, жарили, тушили. Одни готовили сулгуни, заплетая длинные ленты сыра наподобие косы, другие пекли в торне лаваша и на глиняных сковородах — хачапури.

Иностранцам очень понравился шатер, устроенный баронессой, и они одобрили ее вкус. От завтрака гости отказались, но выразили желание отдохнуть после дороги.

Волков попросил уложить его в отдельной комнате. Разумеется, желание его тотчас же исполнили, но так как все девушки в доме были заняты, приготовить гостю комнату вызвалась Кесария. Она собственноручно вымела и убрала ее, застелила постель, и когда позвала Волкова, они оказались одни в комнате. Кесария двинулась было к выходу, но Волков обнял ее и привлек к себе. Она немного говорила по-русски и заговорила с ним. Волков понравился ей с первого же взгляда, и ему не составило труда назначить ей свидание, но, конечно, не сейчас, среди бела дня, когда весь дом был в движении, а попозже, вечером. Так что, как говорит Руставели, «встреча скоро состоялась по желанию обоих».

Иностранцы объявили Беги, что они вернулись сюда лишь для осмотра Менджи-Робу, и просили поспешить. Но Беги объяснил им, что устроить это дело сегодня, ввиду наступающего праздника, невозможно. Иностранцы были явно обеспокоены: они торопились оформить договор с князьями Пагава, а потом отправиться в Кутаиси и закончить сделку с Гвиргвилиани. Хозяева все же выговорили себе три дня. Тогда один из иностранцев, немного понимавший по-русски, потребовал отпустить его в Менджи-Робу с провожатым. Беги пожелал сам сопровождать гостя. Немного спустя они, прихватив с собой и Николоза, отправились верхом в Менджи-Робу.

Когда приехали на место, Николоз, знавший окрестности лучше Беги, повел своего спутника показывать княжеские владения. Кое-где им пришлось пробираться сквозь колючие заросли, тем не менее, они обошли все, что предполагали осмотреть.

Менджи-Робу — гора высотой восемьсот метров над уровнем моря. Юго-западный склон ее совершенно голый, здесь даже весной растет

лишь один дикий папоротник. Гора высится, подобно конусу, а наверху на ровном плато, среди зарослей папоротника зияет широкая трещина.

На это место иностранец обратил особое внимание, даже ткнул его железным наконечником своей палки, похожей на обрезанное копье, затем спустился и здесь наткнулся на речной камень. Несколько раз ударил его металлическим набалдашником палки. Камень разбился: осколки его были словно покрыты ржавчиной.

— Карасо! — произнес иностранец, с улыбкой глянув на Беги, и стал спускаться еще ниже, рассматривая по пути камни. Все они были ржавого цвета. Иностранец поднял один осколок и протянул Беги, желая объяснить, что означала эта ржавчина. Он долго мучился, подыскивая слова, но ничего не смог придумать. Наконец, указал на нижний конец палки. Беги понял.

— Железо? — спросил он.

— Да, да! — воскликнул иностранец.

Гору с западной, лесистой стороны огибала маленькая шумливая речушка. Иностранец спрыгнул в лощинку и здесь пощупал землю. В одном месте почва была ржавого цвета, а рядом выбивался маленький родничок. Иностранец зачерпнул воду, понюхал, набрал в рот, потом выплюнул и, наконец, опять повторил свое: «карасо, карасо». Николоз заметил, как он положил в карман осколок ржавого камня и еще что-то, но что именно, ему разглядеть не удалось. Вообще же Николоз несколько не удивился поведению иностранца, так как всюду, куда бы ни сопровождал он этих приезжих, они усердно собирали камни.

А иностранец говорил по дороге Беги:

— Железо. Карасо, карасо. Мало, мало...

Это понял и Николоз: мол, здесь имеется железо, да мало его.

— А о воде почему ничего не спросишь, князь? Что это за вода? Он и понюхал и даже в рот набрал.

— Да не понимает он по-русски, будь он неладен! — ответил Беги. — Вернемся домой, и там с ним поговорит Вамех.

25.

Вернувшись домой, Беги стал искать Марину и нашел ее на балконе.

Предложение Нектарины дало толчок собственным побуждениям Беги, и он решил просить руки Рябининой. Однако в предпраздничной суматохе он никак не мог поговорить с ней наедине, а что самое главное — не знал, как приступить к делу. Беги вообще был не из робкого десятка, особенно с женщинами, но тут почему-то все размышлял и колебался: а что, если прямым предложением он только испортит дело?

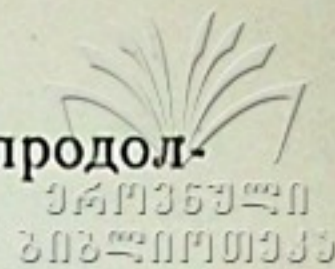
Марина встретила Беги со свойственной ей приветливостью, спросила, какое впечатление произвел на иностранца осмотр участков.

Беги рассказал, как было дело: иностранец, мол, все твердил: «карасо, карасо», но, видимо, забраковал участок, так как объявил, что руды оказалось мало.

Окно комнаты, в которой, негромко разговаривая, отдыхали иностранцы, выходило на балкон возле места, где беседовали Беги с Мариной. «Радий», — вдруг случайно донеслось до слуха девушки. Она невольно прислушалась. Потом, взяв Беги под руку, отошла от окна и стала прохаживаться по балкону. Пройдя несколько шагов, Марина сказала:

— Вы знаете, о чем говорят наши гости? В тех местах, которые они осмотрели... — Рябининая с минуту помолчала, что-то обдумывая, потом продолжала: — Значит, радий? Это безусловно касается вашего участка.

— Что касается? Я не пойму вас, Марина Ивановна.

— Это хитрые люди, князь Бегляр, им доверять нельзя! — продолжала Марина. — А знаете вы, что такое радий?

— Нет, не знаю.

— Это очень редкое и очень полезное вещество. Я не расслышала как следует, но мне кажется, они обнаружили на ваших участках признаки радия — в том именно месте, которое вы обследовали сегодня.

— Ага! — обрадовался Беги. — Вы хотите сказать, чтобы мы не продавали участок за бесценок?

— Да, да! Но повторяю, я всего не расслышала, и надо на этот счет поговорить с князем Вамехом — он человек знающий и разберется в деле. А иностранцы — себе на уме: хотят подешевле прибрать к рукам ваш участок.

— Спасибо, что предупредили, Марина Ивановна.

Беги наклонился и приник к руке Рябининой долгим поцелуем.

— За что же благодарить, я уже так привыкла ко всем вам, что почти считаю себя членом вашей семьи.

— О, хоть бы это было так, — невольно вырвалось у Беги. Он почувствовал, что хорошо начал и теперь можно было делать предложение, но Марина вдруг совершенно искренне воскликнула:

— Уверяю вас, это так!

Девушка, видимо, не вникла в смысл слов Беги, хотя тут же спросила:

— Теперь вот, когда вы получите от них деньги, — она кивнула в сторону окна, — большие деньги... — сказав «большие», она усмехнулась, — вы не проедетесь в Россию?

— О, непременно! — воскликнул Беги. — Я давно мечтаю повидать Москву.

— Почему именно Москву?

Беги понял, что сказал не то, что должен был сказать, но все же продолжал:

— Потому, что я слышал: Москва — настоящий русский город.

Марина звонко рассмеялась.

— Скажите точнее, князь Бегляр: вы хотите жениться там на богатой невесте.

— Нет, я вовсе не это имел в виду.

— А что же, что? — с явным огорчением, но в то же время не без лукавства спросила девушка. — Тамошние купеческие дочки любят выходить за князей, и к тому же им нравятся грузины, а вы, вы... — она оглядела Беги с головы до ног, — вы в Москве, без сомнения, будете иметь успех.

Беги хотел ответить, но в это время на балкон вышла Нектарина. Рябина, с утра не видевшая княгиню, подошла, поздоровалась и, по здешнему обычаю, поцеловала ее в грудь. Нектарина коснулась губами волос девушки, потом, окинув обоих испытующим взглядом, спросила как бы между прочим:

— Ну, как, осмотрели Менджи-Робу?

— Да, осмотрели... И оказалось — ничего особенного.

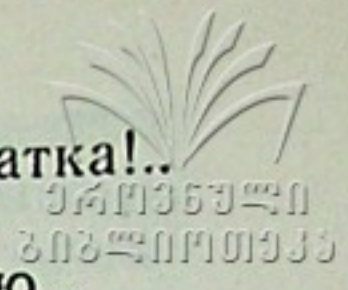
— Впрочем, на Менджи-Робу я никогда и не возлагала больших надежд. Душенька Марина, баронесса, верно, уже встала, поди, попроси ее ко мне.

Марина тотчас же вышла, а княгиня спросила Беги с оттенком нетерпения:

— Ну, что?

— Пока еще...

— Эх, ты! С деревенскими девчонками и вдовами, — при слове «вдовами» княгиня шельмовато повела глазами, — ты очень шустрый.

— Что ты, что ты! Где деревенские девки, и где — эта аристократка!..

— Ты думаешь, эта аристократка еще никого не любила?

— Допустим, что так, но мне-то что делать? Я стараюсь, говорю...

— Знаю, знаю, какой ты разговорчивый! И что вы за бессловесный народ — князя Гвиргвилиани, за исключением, конечно, Вамеха и бедного Арчила. Эх Арчил, мой Арчил!.. (Нектарина дома, среди своих, никогда не скрывала, что покойный шурин был «ее» Арчилом). Какой это был обаятельный человек, какой собеседник!

Беги рассмеялся в душе, хотел было спросить: «Лучше Гутати, сударыня?», но вслух сказал:

— Достоинства Арчила всем хорошо известны, но мне-то что ты советуешь?

— Да какой тут нужен совет? Кажется, чего проще — постарайся уединиться с ней и сделай предложение — вот и вся недолга!

Беги усмехнулся.

— Дело кажется нетрудным, и, коли ты советуешь, я так и поступлю. Но что, если я только испорчу все? Она тогда, чего доброго, сбежит от нас в Петербург.

— Не только не сбежит, а, поверь мне, на шею тебе повесится.

— Хорошо, но если выйдет скандал, — отвечаешь ты.

— Ладно, ладно, — засмеялась Нектарина, — я отвечаю за все, робкий рыцарь!

В это время на заднем балконе происходил оживленный разговор между Гутати и Леварси Квизиниа.

Леварси поднес в дар Нектарине молодую лань, пойманную в ближнем лесу. А Гутати сообщил подрядчику радостную весть: княгиня согласилась выдать за Леварси свою приемную дочь. Подрядчик, как говорится, от радости ног под собой не чуял. Он попросил показать ему невесту, но Гутати убедил его, что будет лучше, если это сделает сама княгиня.

Управляющий был озабочен и своими мыслями не замедлил поделиться с подрядчиком.

— Знаю, знаю, дорогой! — ответил Леварси. — Неужто ты думаешь — я забыл уговор? Как обещал, все выполню в точности — вороного с богатым седлом вручу тебе самолично. Ты сделал мне столько, что теперь я в долгу перед тобой на всю жизнь.

— Ловлю тебя на слове, Леварси! Ты должен оказать мне одну услугу.

Слова эти пришлись не по душе торговцу: он не ожидал, что от него потребуют чего-либо сверх обещанного, однако ничего не сказал и приготовился слушать.

— Тебе, Леварси, — начал Гутати, — конечно, известно, что в Мегрелии многие сейчас укрепляются в дворянском звании.

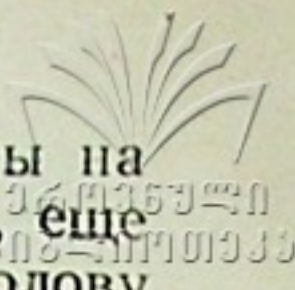
— Еще не кончилось дело? — спросил, как бы с сожалением, Леварси.

— Сейчас как раз подходит к концу. Бату, Бату! — окликнул Гутати поднимавшегося по лестнице брата.

— Зачем тебе Бату — я же знаю, что делается. Половина людей в Мегрелии заделалась дворянами. Существует некий Ашордиа, который так щедро раздает фальшивые документы всем домогающимся дворянства, что стал богачом. У него появились даже подражатели.

— Что ты слышал в Кутаиси относительно дворянских дел? — спросил Гутати брата, когда тот появился на балконе.

— В Кутаиси, — неторопливо, с чувством начал Бату, словно разговор касался бог весть какого важного вопроса, — в Кутаиси вокруг дворянских дел настоящая горячка. Я навел справки, и мне сказали, что

последние заседания губернского дворянского собрания назначены на страстную неделю. Те, чьи дела будут к этому сроку рассмотрены, еще смогут утвердиться, а уж дальше нечего и надеяться. Я прямо за голову схватился — думаю, что же это мы так оплошали с Гутати? Мы, слава богу, ничем не хуже других, именем владеем порядочным, чем же мы не дворяне, спрашивается? В списке мы давно уже значимся, крестьянских и почтовых поборов не платим, исправлять дороги не выходим. Так неужто нам становиться в ряд с мужиками, с Гудуйей или Парной Бжалава? Меня чуть удар не хватил, ей-богу!

— Ну, да ладно, будет тебе! — прервал брата Гутати. — Скажи лучше, что ты узнал достоверно?

Бату вместо ответа принялся упрекать брата:

— А во всем ты виноват, Гутати! Все занят чужими делами, а о себе, о своей пользе совсем не думаешь. Слава богу, вошел в возраст, а все еще не женат. Пора тебе обзавестись семьей, не вечно же бегать управляющим.

Бату не нравилась связь брата с Нектариной. Он опасался — и не без основания, — что княгиня так завлечет и опутает Гутати, что отобьет у него охоту к женитьбе и тот на всю жизнь останется бобылем. Сейчас Бату уллучил момент, чтобы в присутствии Леварси, по возможности осторожно и дипломатично, воздействовать на брата:

— Пора уже тебе подумать о собственной судьбе. Женишься — дети пойдут — ты же намерен оставить их дворянами...

Квизиниа вмешался в разговор:

— Насколько я знаю, уважаемый Бату, вы тоже бессемейный. Ему-то вы советуете, но почему не женитесь сами? Кто из вас старше?

Гутати кивнул на брата.

— Ну, тогда дело за вами, Бату, — он, как младший, не может опередить вас.

— Нет, дорогой Леварси, дело тут не в старшинстве, — ответил Гутати. — Бату не женат потому, что сызмальства собирался в монахи. Он ведь учился в Мартвильской духовной семинарии.

— Эх, не стоит вспоминать об этом! — со вздохом произнес Бату. — Не позволили мне идти, куда я хотел. Сначала противились родители, а потом и Гутати вмешался.

— Да скажи, наконец, что ты узнал в Кутаиси, — снова обратился к брату Гутати.

— Я не поверил уличным толкам и отправился прямо к губернскому маршалу. Он принял меня честь честью, в своем кабинете, расспросил, кто я и откуда. Когда я назвал нашу деревню, он спросил о княгине. Хорошо ее знает, оказывается.

— Кто не знает нашей княгини! — прервал Гутати. — Губернский маршал даже обязан ее знать.

Бату продолжал:

— Ну вот, он и объяснил мне, что скоро кончается работа особой комиссии. А в дальнейшем домогаться дворянства можно, но уже в общем порядке, через депутатское собрание. Кто не успеет теперь утвердиться в дворянстве, исключается из списка домогающихся и прямо зачисляется в крестьяне.

— Ты видишь, Леварси, как обстоит дело! — воскликнул Гутати. — Мы должны утвердиться теперь же, а то потом меня с братом зачислят в крестьяне и добиваться дворянства в общем порядке будет очень трудно.

— Большие средства понадобятся вам на это! — уверенно заявил Квизиниа.

— Знаю, дорогой, да не так уже мы оскудели — справимся как-

нибудь. Сейчас, правда, наличных у нас нет — придется просить у тебя, Леварси. Выручи, будь братом! Тысячи две устроят нас, как по-твоему Бату?

— Не знаю. Иным, говорят, обходится дороже.

Квизиниа молчал, прикидывая что-то в уме. «Уже подъехали! Ну, да шут с ними, пусть себе получают дворянство — во здравие моей Толисквами!»

— Сделай, брат, одолжение! И если хочешь, ссуди нас под залог нашей усадьбы, — продолжал Гутати.

— Нет! — решительно заявил Леварси. — Мне вашей усадьбы не нужно.

Гутати решил, что раз подрядчик не имеет в виду имущества, то значит намерен ссудить без залога. Но Квизиниа заговорил совсем о другом.

— Имением Тайи управляете вы? — спросил он Бату. Тот утвердительно кивнул. — А сколько всего земель числится в его владении?

— Тайя, как и все князья Гвиргвилиани, владеет землями не только здесь, в Бертеми, но и в деревнях Ушapati, Мохашаи, Ледзадзаме.

— Я говорю о Бертеми.

— Да ведь Бертеми целиком принадлежит нашим князьям. Только некоторые крестьяне сейчас откупили у них участки, а то на княжеских землях живут и бывшие их крепостные и хизаны.

— Да ведь я не о хизанах спрашиваю! Ты скажи мне, какая часть принадлежит Тайе?

— Части всем князьям выделены равные, но сколько — сказать точно не могу. На днях сюда прибудет землемер, тогда все и выяснится.

— Чудно, ей-богу! — рассмеялся Леварси. — Какой же ты управляющий, коли не знаешь, чем управляешь?

На это Гутати возразил:

— Да ведь наши князья со счетом не в ладах — не знают сами, где и чем владеют. Ну, и мы, управляющие, так же. Ежели, к примеру, обнаружим где какой участок, то, само собой, стараемся присоединить. Ну, а сказать, каковы общие размеры поместья, — трудновато.

Все трое рассмеялись, хотя Гутати и не нравились настойчивые вопросы подрядчика: он все ждал, когда тот заговорит о деньгах.

— Скажите пожалуйста, — снова начал Леварси, — Тайя ведь сын Арчила? А Арчилу, как старшему из братьев, и притом влиятельному человеку, верно, выделены лучшие участки.

— Представьте себе, нет, — ответил Бату, — братья всегда были очень дружны меж собой и, как я уже сказал, имение разделено поровну.

— А ты, Гутати, управляющий княгини, не правда ли?

— Нет, ее мужа Самсона. Его часть братья не тронули, оставили в полном владении княгини.

— Ага, значит и усадьба — тоже имущество Самсона?

— Нет, усадьба прежде принадлежала Арчилу, а теперь Тайе.

— Значит, княгиня вроде как бы приютилась у племянника? Живет в доме, но не является его владелицей?

На это братья ничего не ответили, однако им стало как-то не по себе. До сих пор ни одному из них не приходило в голову, что княгиня «приютилась» в усадьбе Гвиргвилиани. Сельчане называли усадьбу «дворцом Нектарины», она слыла «большой госпожой», и дворец, само собой, должен был принадлежать ей. Правду, услышанную от Леварси, братья восприняли, как некое личное оскорбление.

Но Леварси сказал им нечто еще более ошеломляющее:

— А знаете, что я вам скажу, дорогие мои? Я намерен купить владения Тайи в Бертеми. Что вы мне на это скажете?

Гутати криво усмехнулся:

— Ты что же это, Леварси, отнял у человека невесту, а теперь раешься отобрать имение?

— Как так — отобрать? Я покупаю! Тайя, как мне известно, человек для семьи неподходящий, у него совсем другие интересы. А в деньгах нуждается постоянно. За выгодную сумму, я думаю, он уступит мне свои наделы. Как по-твоему, Бату?

Бату ответил на вопрос вопросом:

— Ты и усадьбу собираешься купить?

— Ну, а как же? Эта усадьба — украшение всего села. Я и хочу приобрести ее в собственность — порадовать мою Толисквами...

Заявление подрядчика пришлось братьям не по душе: Бату — потому, что он лишался места управляющего, а Гутати — потому, что он, хотя и оставался управляющим княгини, уже терял неограниченную власть в хозяйстве. Он не сомневался, что торговец выживет из насиженного места даже Нектарину. Гутати открыл было рот, чтобы спросить об этом торговца, но тот, словно угадав мысли собеседника, сказал:

— Дом этот подарю Толисквами: он составит наше родовое имущество, но жить здесь не собираюсь — у меня в Потти дом на Гурийской улице, не уступит вашему дворцу. Княгиня — приемная мать Толисквами, значит, мне приходится тещей. Неужто я выгоню из дома собственную тещу, да еще такую большую госпожу? Нет, Гутати, я не такой человек! Ты как был, останешься при госпоже управляющим, будешь всем распоряжаться и ведать усадьбой! А Бату — если только он пожелает — оставлю ведать имением Тайи. Но тогда уже он будет управляющим имением купца первой гильдии Леварси Квизиниа. Ну, как вам это нравится, а? — и подрядчик торжествуяще оглядел будущих дворян, очень довольный тем, что разрешил дела к общему благополучию.

— Если вы поможете мне, — добавил он, — три тысячи одолжу вам для ваших дворянских дел.

Братьям только того и нужно было: торговец сильно «подогрел» их своими посулами, и они, со своей стороны, обещали безболезненно уладить затеянное им дело.

Гутати думал: «Ничего, по сути, не меняется. Бату остается на своем месте, я по-прежнему буду хозяином имения. Правда, для княгини это будет ударом — расстроятся ее планы насчет майората; но на кой он ей черт, этот майорат, когда отпадают владения Тайи? Сама-то она будет по-прежнему жить по-царски, а больше ей нечего и желать». И Гутати, довольный исходом дела, крикнул слугам, чтобы те привели наверх лань. Квизиниа же попросил братьев пока держать его предложение в тайне.

Лань привели, и Леварси с обоими братьями прошел на парадный балкон, где в это время сидели Нектарина, баронесса, Дагмара, Марина и Беги. Гутати подошел к Нектарине, держа на руках грациозное животное, и сказал, что его преподносит ей в дар Леварси Квизиниа.

Появление лани вызвало всеобщее восхищение. Девушки ласкали прелестное животное, целовали его в глаза.

Нектарина сказала торговцу:

— Эту лань ты должен был подарить не мне, а Толисквами.

— Толисквами я собираюсь подарить нечто другое, — и торговец многозначительно поглядел на обоих управляющих.

Подойдя к княгине, он поцеловал ей руку и поблагодарил за то, что она дала свое согласие на его брак с Толисквами. Услышав это, девушки подняли шум:

— Пойдем к Толисквами, отнесем лань и поздравим счастливую невесту.

— Вот это кстати, пойдем, поздравим!

Нектарина встала, за ней последовали остальные.

По дороге княгиня объявила, что сегодня вечером состоится помолвка, а свадьбу она намерена справить после своего возвращения из Кутаиси.

Веселая компания вошла в комнату Толисквами.

ПРИТОК

Что это? Тебя клонит ко сну, Цибедуль? Впрочем, это и не удивительно — ведь ты смертная, такая же, как и я. Когда не было меня, не было и тебя.

Но если... Если мое творение выдержит испытание временем и проживет хотя бы недолгий срок, тогда, может, будешь жить и ты — но только уже на страницах книги: ровно столько времени, сколько будут ее читать.

Но, может, тебе совсем не до сна? Может, ты думаешь, что мне оказалось не по плечу осуществить задуманное, и закрываешь глаза, чтобы не видеть написанных мною страниц? Ты понимаешь, — это большое дело требует иного творческого дерзания, могучего и светлого дара. Только великая сила может воплотить в искусстве нашу великую эпоху.

Что, если я спугнул тебя, Цибедуль, и ты никогда больше не вернешься ко мне?

Но я вижу — ты улыбаешься своей чудесной улыбкой, улыбкой прощения. Значит, ты не покинешь меня.

В этом мое утешение...

26.

На рассвете в церкви зазвонил колокол. Народ стал медленно собираться к пасхальной заутрене. Большинство сельчан успело к полуночи убраться, вымыться, обшиться, приготовить праздничный стол; в иных же домах суматоха не прекращалась до самого утра.

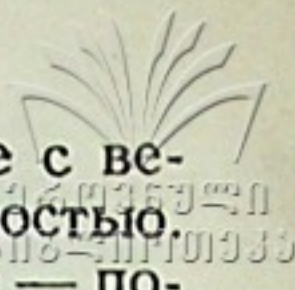
В Бертеми, помимо церкви князей Гвиргвилиани, были еще две церкви: одна — служившая в незапамятные времена капищем идолопоклонников, другая — так называемая штатная церковь, составлявшая приход отца Тэдорэ. Однако на пасху, как и вообще во все праздничные дни, священник, из уважения к князьям Гвиргвилиани, обычно служил в их родовой церкви.

С утра во дворе Нектарины собралась большая толпа. Сюда пришли главным образом девушки и парни — развлечься, пощеголять в новом праздничном наряде. Попадались в толпе и пожилые люди, такие, как Обишхиа и Гудуйа. Замужних женщин было мало. Одни из сельчан сидели на больших узловатых корнях вековой липы, другие — прямо на траве. Молодежь, разбившись на группы, оживленно беседовала, шутила, смеялась.

Здесь же находились Чела, Микэ и Тада. Девушке очень шло ее новое нарядное платье, она стояла, горделиво приосанясь, и почти не принимала участия в разговорах и шутках молодежи. Только когда к ней обращались с каким-нибудь вопросом, Чела отвечала коротко и просто.

Немного поодаль сбились в кучку дети и с веселым гомоном и смехом разбивали крашеные яйца.

Пасхальные торжества настолько прочно вошли в быт крестьян, что в этот день лица всех, даже самых неверующих, выражали какое-то особое удовлетворение. В этом сказывалась скорее перешедшая к ним с не-

запамятных времен бытовая традиция, нежели чувства, связанные с верой, — народ в Мегрелии никогда не отличался особой религиозностью. Обычно в этот день возле церкви собирались крестьяне: пожилые — поговорить о житье-бытье, молодые — прогуляться, приглядеть себе жениха или невесту, затеять танцы, пение, игры. Какая бы ссора ни разделяла людей, в этот день они неизменно поздравляли друг друга, словно благодаря наступившему празднику исчезала всякая вражда. Но беда заключалась в том, что делалось это скорее внешне, напоказ.

Гутати прошел по рядам крестьян и, искренне то было или нет, всех обнял и поцеловал. Бандзги решил последовать его примеру, однако потерпел неудачу: Обишхиа и Гудуйа, увидя приближавшегося к ним ростовщика, тотчас отвернулись и юркнули в толпу. То же самое сделали и Микэ с Тада. Бандзги попал в неловкое положение — отношение к нему крестьян не осталось незамеченным в толпе. Ростовщик остановился: а что, если и другие поступят с ним точно так же? Но вот он увидел Вамеха, игравшего в сторонке с маленьким Сквмайей, подошел к нему и поцеловал его в грудь. Ростовщик как бы говорил окружающим: «Поглядите, в каких я отношениях с таким большим человеком, как Вамех. А вы-то кто? Мелюзга!» Вамех не ответил на поцелуй ростовщика, он лишь усмехнулся и подумал: «Как этот человек озлоблен на людей, не верит ни в чье доброе отношение! А ведь сам виноват в том, что люди питают к нему такое отвращение».

Заутреня кончилась. Во дворе стало еще оживленнее — люди начали расходиться с пением «Христос воскрес».

Обычно после службы сельчане переходили из дома в дом, поздравляли друг друга, но нигде не обедали, а лишь слегка закусывали. К вечеру, уже изрядно захмелевшие, они направлялись в центр села, на обширную площадь, где устраивались гулянья и игры.

Как правило, крестьяне в первую очередь должны были поздравить княгиню Нектарину. Однако на это отваживались далеко не все, так как из усадьбы праздничная группа переходила в их же дома, а угощения на такой случай, конечно, не хватало. Поэтому крестьяне отправлялись лишь к ближайшим соседям — редко-редко кто из них уходил в гости за пределы родного села.

У Нектарины и на этот раз собралось несколько уважаемых крестьян деревни — Обишхиа, Гудуйа, Стефана, Сосиа, Анто и другие. Однако остались они не долго — выпили по стаканчику, полакомились бараниной и индейкой, поздравили княгиню и разошлись.

К этому времени стали прибывать и другие гости, теперь уже больше из дворян. Здесь были представители родов Сабахтарашвили, Баркалая, Шавдиа, Бокучава, Чахава, Гобечиа и другие. К их приходу князя Гвиргвилиани сели за стол.

Барам первый провозгласил общую здравицу, как бы освящающую трапезу, следом грянула стройная песня, и все мужчины стали христосоваться. Когда они сели, поднялся Волков и потребовал, чтобы похристосовались и с женщинами: «как принято у нас в России», — сказал он. Иностранцы усмехнулись, и глаза у них заблестели. Нектарина и баронесса добродушно улыбнулись, Дагмара от удивления раскрыла глаза. А прислуживавшие за столом Дзилхана, Кесария и Дэси вскрикнули почти в один голос: «Убей меня бог!»

Все выжидали, что будет. Тогда встал Вамех и объяснил присутствующим:

— Дорогие гости, у нас это не принято, потому так и удивлены наши дамы.

Неожиданно Рябина встала с места и бросилась к Вамеху со словами:

— Ну, ладно! Я всех перецелую.

И действительно, расцеловала всех мужчин, начиная с Вамеха и кончая стройным, юным прислужником, который при этом покраснел до ушей, чем вызвал взрыв веселого смеха.

В это время опять вскочил Волков:

— Я тоже последую вашему примеру, Марина Ивановна! — и поцеловал Кесарию, подошедшую к нему с каким-то блюдом.

Движение Волкова не произвело на людей приятного впечатления, но в этот момент, как бы стремясь рассеять неловкость, встал Вамех и обнял старую Дзилхану.

Тут грянул общий хохот, который был неожиданно перекрыт зычным мужским голосом:

— Привет вам, дорогие братья! Княгиня Нектарина, Христос воскрес!

К столу подошел красивый, представительный мужчина в темной чохе.

— А, Экоцимили пришел, Экоцимили! — закричали мужчины.

Приход нового гостя развеселил всех.

Экоцимили Гвиргвилиани был родственником Барама и Беги, однако жил он не в Мегрелии, а в Лечхуми, куда когда-то переселился один из его предков. Экоцимили было его прозвищем, а звали его довольно редким в Грузии именем — Евграф. Он мало выезжал за пределы своего поместья, хотя его всюду встречали, как желанного гостя. Экоцимили отличался неистощимой веселостью, несмотря на то, что перенес в жизни большую трагедию. Он славился, как острослов и любитель каламбуров, знал наизусть великое множество старинных загадок и шаири¹, прекрасно пел и плясал.

— Ну, как ты, дорогой Барам? — начал Экоцимили. — Здоров и бодр, как всегда? А меня, видно, бог наказал: пока сижу дома — тяжел на подъем, как бревно, а стоит сдвинуться с места — становлюсь легче пуха.

Все рассмеялись, а Вамех объяснил иностранцам, кто был новый гость и кем доводился хозяевам дома.

Экоцимили повернулся к Вамеху:

— А ну-ка, Вамех, отгадай загадку!

— Да ну тебя, нашел отгадчика!

— Нет, нет, послушай все же:

Я плоды в лесу увидел — возвышались среди гряд,
Зерна белые теснились, точно перлов стройный ряд,
Их зеленая одежда украшала, как наряд,
Кто загадку разгадает, тот ученому собрат.

Эту загадку-шаири Экоцимили произнес нараспев, как читали в ту пору поэму Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

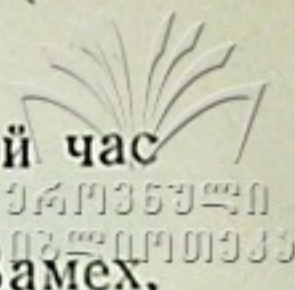
Вамех рассмеялся:

— Ученому собрат! Да это разгадает и ребенок: «зеленая одежда, перлов ряд». Нашел, чем удивить, — кукурузой. Так и посыпал словами. У тебя, верно, в амбарах нет ее столько!

Раздался общий смех, но Экоцимили не сложил оружия:

— Убей меня бог, — до чего дошло дело! Бертемский князек смеется надо мной, знатным лечхумским Гвиргвилиани! Мои амбары полным-

¹ Шаири — в данном случае — шуточный куплет.

полны, дорогой. У меня, как говорится: «На каждый год и каждый час вина и хлеба есть запас».

— Да ну, будет тебе хвастать! — дружески осадил краснбая Вамех, на что тот ответил уже совсем серьезно:

— Как же по-твоему? И не иметь, и не хвастать?

— Ах ты, шутник неугомонный! — напустилась на гостя Нектарина.

Снова грянул хохот.

Иностранцы заметили, что Экоцимили овладел всеобщим вниманием, сделался душой стола.

Но тут поднялся Барам:

— Ну, друзья, хватит с нас. Смотреть на него — не встанем до утра, а нам еще предстоит обойти соседей.

Встала и Нектарина:

— Князь Барам прав, — подтвердила она, — в этот день люди поздравляют друг друга — таков наш обычай. Сегодня, как правило, к обеду не приглашают, ну, а к ужину прошу всех опять ко мне. Сегодня в нашей семье, помимо пасхи, справляется и другое семейное торжество — обручение Толисквами с Леварси Квизиниа. Отдельных приготовлений к этому дню не было, но я думаю, не плохо, если заодно с пасхой мы отпразднуем и это счастливое событие.

Кое-кто из присутствующих знал о предстоящем обручении, но для большинства оно явилось новостью. Раздались удивленные восклицания.

Экоцимили вдруг комично подпрыгнул, повернулся к гостям и, глядя на Толисквами с Леварси, произнес:

Отважен он,
Она скромна,
И в том достоинств их цена.

Гости встали из-за стола. Барам предложил иностранцам и Волкову присоединиться к компании. Рябинина тоже выразила желание пройтись, но княгиня объяснила ей, что по здешним обычаям женщина в первый день пасхи в гости не ходит.

— Зато вечером, — добавила она, — если вы захотите, можете отправиться вместе с молодыми людьми на сельскую площадь, посмотреть на танцы и послушать песни крестьян.

На том и договорились.

В это время Вамех хватился маленького Сквамайи, которого он сам привел сюда. Первое время мальчик вертелся возле гостей, женщины ласкали его, кормили лакомствами, но потом Сквамайа исчез.

А мальчик между тем обошел все комнаты, потрогал все диковинные предметы, до которых дотянулась его маленькая рука, а перед иными вещами постоял в удивлении. Но больше всего поразило его огромное зеркало, висевшее в зале, в простенке между окон. Мальчик впервые увидел себя всего с головы до ног. В зеркале своей матери и в складном зеркале Вамеха он видел только свое лицо, а тут ему очень понравилось разглядывать свое изображение во весь рост.

За этим занятием и застал его Вамех. Он схватил малыша за руку и повлек к выходу, но тот все поворачивался, глядел в зеркало, щебеча:

— Это я, это я!

В этот момент Сквамайа увидел Иеротеоса и как-то разом насупился.

— Он меня так мучил, так мучил, — пожаловался мальчик дяде Вамеху, — хотел отнять у меня хрустальное яичко, но эта бабушка, — Сквамайа указал на Дзилхану, — вернула мне его.

Вамех погладил мальчика по голове, и, крепко взяв за руку, направился к выходу.

Компания, предводительствуемая Экоцимили, шла с громким пением.

Но вот Экоцимили взял под руку двух шедших рядом иностранцев и заговорил с ними. Он недурно объяснялся по-русски, один из иностранцев тоже немного понимал этот язык. Экоцимили спросил их, как им нравится этот край, полюбопытствовал, так ли празднуют в их стране пасху, и, получив утвердительный ответ, пояснил:

— Ну так вот, мы в данный момент заняты тем, что у вас называется визитом.

Иностранцы поняли и кивнули:

— Да, да, визит, визит!

Неожиданно Экоцимили остановил обоих собеседников и попросил их отгадать одну грузинскую загадку, добавив, что она касается вещи, которую они, иностранцы, очень любят.

— Может, я свою загадку передать по-русски не сумею, как надо, но мысль все же вам поясню. А загадка вот такая: «Мир полонит, а кувшин не покроет».

Иностранцы много смеялись, узнав, что, оказывается, это были деньги.

Экоцимили продолжал свои шуточки:

— Вот видите, куда дотянулись ваши денежки — до гор Бертеми, за тридевять земель от вашей страны. А вот малые кувшины с вином, что хранятся у нас в земле, вашим стерлингам не покрыть, хотя, простите, у вас, кажется, франки и луидоры! Я никогда не имел ни тех, ни других, но слышал об их существовании. А сколько всяких денег на земле, а?

Собеседники весело посмеялись замечанию Экоцимили и стали перечислять ему названия европейских денежных знаков.

Иностранцы сочли своим долгом нанести визит Бараму и Вамеху, но в крестьянские дома не пошли. С ними вместе вернулись в усадьбу и Беги с Квизиниа: оба собирались сопровождать вечером девушек на сельское празднество.

27.

Как только стало смеркаться, все женщины, за исключением Нектарины, отправились на сельскую площадь — «джгемарион». Здесь уже собралось много народу: одни играли в мяч, другие пели, третьи плясали под звуки дайры.

Подошедший вскоре Вамех присоединился к игрокам в мяч. Увидя это, пожилые крестьяне с шумом и гиком образовали новый круг. По одну сторону встали холостые парни, по другую — женатые мужчины. Завязалась борьба за мяч. Молодые перешли в наступление, но пожилые под водительством Вамеха не желали уступать первенства. Борьба разгоралась. Вамех, успевший скинуть сюртук, ловил в воздухе мяч и точным броском посылал его в цель, за черту противника. Но молодые очень скоро отбивали мяч обратно.

В кругу пляшущих наступило затишье. Почти все юноши и девушки уже прошли в танце, за исключением Челы и Микэ. Они еще соблюдали траур по отцу и стеснялись танцевать. Заметив это, к Микэ подошел Обишхиа.

— Выходите, родимые, плясать! Погоревали об отце — и хватит! И срок уже не малый прошел с тех пор, как он умер. Теперь веселитесь, пляшите, пойте! Никто вас, молодых, не осудит за это.

Микэ еще колебался некоторое время, но когда его окликнули сверстники, вышел в круг. Увидя это, Чела вздрогнула, но когда брат подошел к ней и вызвал плясать, она смело пошла за ним. Иностранцы заметили, что Микэ и Чела плясали искусно, по всем правилам, но без огня, —

брат и сестра не могли выразить в танце любовного порыва. Тем не менее, пляска Челы привлекла внимание баронессы, и когда девушка вернулась на свое место, та поцеловала ее в лоб. Но вот, в круг, как одержимый, бросился Тада и стал искать кого-то глазами. Нашел: Дэси стояла в группе женщин во втором ряду. Тада поклонился ей. Она стала отнекиваться, но женщины подтолкнули ее. Хороша была Дэси в пляске! Высокая, стройная, миловидная, она плыла, широко раскинув руки, а Тада то обхаживал ее, то, стоя перед ней, искусно выбивал дробь ногами. А она ускользала от него, словно говоря: «Нет, не поймаешь меня, юноша!» Их танец тоже заслужил всеобщее одобрение.

Но вот Беги вывел в круг Леварси Квизиниа: Леварси не умел танцевать, но все же неуклюже заскакал по лужайке и остановился перед Толисквами. Он всегда был противен ей, а теперь... На кого он похож, этот Леварси! Рыжий, с узкими свиными глазками без ресниц. Дрожь отвращения прошла по телу Толисквами. А как он сложен? Настоящий обрубок на коротких ногах, с толстой шеей, с выпяченным вперед животом. Одет в черную чоху, но не из мягкой мегрельской шерсти, так ловко облегающей стан, а из жесткого касторового сукна. И газыри на груди подскочили к самым плечам. На голове сияет круглая лысина, обрамленная рыжими волосами.

Нет, нет, с таким Толисквами плясать не может. И не только плясать! Она ни за что не обручится с ним, не выйдет за него замуж. Что это выдумала княгиня, в самом деле! Видно, она не любит, совсем не любит Толисквами.

Девушка отказалась танцевать, ссылаясь на неуменье. Ее оставили в покое. Мысли, одна лихорадочнее другой, кружились в голове Толисквами. Что ей делать? Расстроить обручение? Отказаться от замужества? Но где искать выход? «Тайа!» — на мгновение мелькнуло в ее сознании, но именно только мелькнуло. А потом — словно мгла поглотила мысли Толисквами.

Но вот, на лужайку, подобно стройному оленю, вылетел Беги Гвиргвилиани и в своих новых щегольских чувяках обошел круг. Дэси выхватила дайру из рук своей соседки и загремела с такой силой, что под этот аккомпанемент мог, казалось, заплясать и мертвый: она это делала, конечно, из желания угодить молодому князю.

У Рябининой при виде пляшущего Беги заблестели глаза, и она шепнула на ухо Дагмаре:

— Наверное, на демоне были такие же чувяки, когда он тайком приходил к своей Тамаре.

— Что, что? — переспросила Дагмара, но Марина не успела ответить: Беги выжидающе остановился перед ней. Танцевать лезгинку Рябина не умела, но будучи очень музыкальной, легко уловила ритм танца.

Марина ничего не перепутала. Широко раскинув руки, она грациозно заскользила перед Беги, увлекая его за собой. Но вот, словно наступила минута размолвки, девушка отвернулась и уплыла вдаль. Когда же Беги снова вырос перед ней, преграждая ей путь чеканной игрой гибких ног, она, как бы в знак примирения, всплеснула руками. Но теперь уже он остался недоволен чем-то и не тронулся с места. Тогда девушка стремительно обошла Беги и, описав большой круг, снова поплыла к нему. Марина точно соблюдала все правила танца, и в финале, пройдясь в паре с Беги, раскланялась с ним и, весело смеясь, вышла из круга.

Иностранцы обменялись мнением относительно Рябининой. Это было, как они говорили, рафинированное исполнение здешнего, поистине чарующего танца. Они восхищенно аплодировали Марине, остальные последовали их примеру. Сельчане не мало удивились тому, что русская де-

вушка сумела так искусно исполнить грузинскую пляску, но люди бы-
валые сказали: она, мол, женщина просвещенная, а просвещенный че-
ловек все может.

— Куда ты пропал? — крикнула баронесса Вамеху, стоявшему по-
одаль, в кругу игроков. Усталый и возбужденный после игры, он, смеясь,
отирал пот со лба. Вамех тотчас подошел к баронессе.

— Ты что, устал? — спросила она.

— Да, немножко тряхнул стариной со своими сверстниками.

— Ну, и как, победили вы? — спросила баронесса.

— Нет, молодежь взяла верх. Но и мы их потеснили порядком.

— Смотри, не простудись, потный ты весь.

— Нет, ничего! — взгляд Вамеха, устремленный вдаль, упал на раз-
валины древнего храма. — Не хотите, Минадора, осмотреть развалины?

— А в самом деле, будет недурно. Который уже раз приезжаю, и ни
разу не видела этих мест. Девочки, — обратилась она к Марине и Дагма-
ре, — пойдем, посмотрим руины.

Идти было недалеко, и все охотно согласились.

По дороге Вамех рассказал гостям, что Джгемарион — это храм,
уцелевший еще со времен идолопоклонства. Позже храм был переделан
в христианскую церковь, о чем говорит надпись на одной из дверей.

— Я приказал очистить место от зарослей, так что храм можно
осмотреть без помехи, — сказал Вамех, когда они подошли к разва-
линам. — Вот это — каменная трапезная, а вот это — алтарь, уцелевший
в центре храма. Здесь находился когда-то жертвенник. В те дикие вре-
мена приносили в жертву и людей.

— Убивали? — с живым любопытством спросила Рябинина.

— Да, представьте себе!

— В Грузии тоже приносили в жертву людей?

— Этого я не могу сказать точно, я не историк, а ученые наши смот-
рят на дело по-разному. Но факт, что здесь был алтарь, на котором за-
калывали в жертву богам, если не людей, то, во всяком случае, животных.

На развалинах пробыли до темноты, с интересом слушая Вамеха.
Когда он умолк, баронесса печально заметила:

— Выходит, что Грузия живет одними воспоминаниями? Наша стра-
на очень напоминает мне Италию — там тоже гордятся одним лишь
прошлым да развалинами.

— Нет, Минадора, ты ошибаешься, у нашей страны большое буду-
щее, — уверенно сказал Вамех.

На этом разговор оборвался и компания отправилась домой.

Во дворе в глубокой задумчивости под старым платаном сидел Эко-
цимили. Все были удивлены его печальным видом, но Вамех объяснил,
что с ним это случается: веселится сам, развеселит и других, поет, танцу-
ет, шутит, а потом вдруг делается необыкновенно печальным и за целый
день не вымолвит ни слова. Причиной тому — трагедия, пережитая им
лет десять назад.

Вамех, по просьбе присутствующих, рассказал эту историю.

— У Экоцимили была жена — красавица и ангел доброты. Десять
лет назад она погибла страшной смертью — сгорела в огне. Вот, как это
было. Она мыла голову в кухне у очага. В доме в этот момент никого не
было, кроме девочки-прислужницы. Случайно уголек упал на подол жен-
щины, платье загорелось. Она попыталась потушить огонь руками, потом
стала срывать с себя одежду, но и это не помогло. Тогда она выбежала из
кухни и начала бегать, как сумасшедшая, по двору. От этого пламя раз-
горалось еще сильнее. Наконец, она упала наземь и стала кататься по
траве, но было уже поздно. Не выручили и соседи — пока они сбежались

на зов маленькой девочки (а в Мегрелии живут хуторами, далеко друг от друга) бедная женщина уже умерла.

Узнав о случившемся, Экоцимили словно помешался, его пришлось держать в комнате связанным. Бедную женщину схоронили так, что муж даже не видел и гроба. А из комнаты Экоцимили доносились душераздирающие крики, более похожие на рев дикого зверя, чем на голос человека.

Так разрушилась эта дружная семья. А как эти два человека подходили друг к другу — характером, внешностью, вкусами! С тех пор Экоцимили махнул на все рукой и повел совсем другую жизнь. Он гуляет, кутит, веселится, проводит время с женщинами. И разве можно осудить его за это?

Уже совсем стемнело. В усадьбу Нектарины стали съезжаться гости. Почти все уже были в сборе, за исключением Беги и Марины.

— Верно, отстали где-нибудь, и Марина рассказывает князю эпизоды из французского романа. Ничего, скоро подойдут, — сказал кто-то.

А Беги с Мариной и в самом деле возвращались домой, тихо беседуя.

Марина прислонилась головой к плечу Беги и слушала его, как зачарованная. Ни о ком и ни о чем она не хотела сейчас думать — ей нужен был только он один, Беги. Сладостная дрожь пробегала по ее телу, но она вполне владела собой и твердо говорила ему:

— Теперь нам остается только одно — пожениться.

— Конечно, Марина, любимая моя! Я же сказал... Поклялся... Марина... Мари, — и он еще раз обнял и прижал к груди трепещущую девушку.

Она посмотрела на него при свете звезд и прошептала:

— Джгемарион... Отныне незабвенно для меня это место... Я... Я жертва, принесенная на алтарь любви, твоей любви, Беги.

— Ты не жертва, божество мое, Марина! — пылко воскликнул Беги.

— Придем домой, — продолжала Марина, — встанем на колени перед баронессой — она ведь моя вторая мать — и попросим ее благословить нас.

Беги с радостью согласился.

Возвратясь в усадьбу, молодые люди сказали баронессе о своем решении и попросили ее в тот же день официально объявить об их помолвке. Баронесса была несколько удивлена, но вполне одобряла решение молодых людей и не замедлила объявить собравшимся о помолвке князя Беглара и Рябининой.

Сообщение вызвало сенсацию. Иностранцы только пожали плечами: здешние князья, видать, ничем, кроме свадеб и пиров, не занимаются. Нектарина была в восторге — Беги принял к сведению ее совет. Теперь уже все устраивалось по ее желанию: Толисквами выходила за Квизиниа — состоятельного человека и большого почитателя самой княгини; Беги женился на Рябининой — богатой русской аристократке.

— Как я хорошо устроила дела семьи! Нет, не оскудеет род великого Отиа!

Нектарина верила в судьбу. Но она не могла предвидеть, куда в ближайшее время повернется колесо ее судьбы.

Дэси, узнав о помолвке Беги, пришла в страшное смятение, начала сновать по комнатам, нигде не находя себе места. В этот момент ее позвали Дзилхана и Кесария — помочь им накрыть стол. Дэси тотчас же принялась за дело, а в голове ее проносились тысячи мыслей: «Дура я, положила на честное слово такого легковверного, как Беги! Да нет, я знала, конечно, что он не женится на мне, но он столько наобещал мне: и участок, и платья, и обстановку».

Выходя из зала, Дэси столкнулась с Гутати. Он посмотрел на нее с насмешливой улыбкой. Она отвела взгляд и прошла мимо.

«Ну уж, дудки, твоим посмешищем я не стану, — думала она. — Что из того, что Беги женится? Такое ли еще случается в жизни! Что помещает мне сохранить с ним добрые отношения? А не выйдет — у меня же есть Тада! Правда, когда он давеча, после пляски, начал любезничать со мной, я стукнула его по башке, но парнишка без ума от меня, готов в огонь и в воду! А чем он плох, спрашивается? Отличным будет мужем. Единственный сын, семья, хоть и крестьянская, зато состоятельная. А если нет, — я знаю, Гутати не оставит меня так легко. Я не буду женщиной, если не отобью его у этой увядшей княгини!»

Размышляя таким образом, Дэси пришла в веселое настроение. Она тоже верила в судьбу, но так же, как и Нектарина, не могла предвидеть пути, по которому поведет ее жизнь.

Вечером начался пир. Молодых посадили друг против друга на двух концах стола. Рядом с Мариной села баронесса, к ней со смехом и шуточками подсел Экоцимили. Возле Беги устроился Вамех, а слева от Толисквами села ее приемная мать Нектарина. Остальные места заняли Волков, Дагмара, отец Тэдорэ, иностранцы, Гутати и остальные гости.

Толисквами была очень нарядно одета, но сидела за столом, точно приговоренная к смерти. За весь вечер она не вымолвила ни слова, ни разу не улыбнулась и только, когда Нектарина в нужную минуту подталкивала ее, вставала и благодарила за тосты и подарки.

Обычно молодым подарки преподносились после свадьбы, но Нектарина пожелала обрадовать их сейчас, ее примеру последовали и другие — хоть для многих сообщение о помолвке явилось новостью.

Княгиня сказала Толисквами:

— Детка моя, твое приданое — за мной. Увидишь сама, какие подарки ты получишь к свадьбе.

Леварси Квизиниа Нектарина подарила дорогие янтарные четки. Рябнина получила от нее старинное кольцо с крошечными драгоценными камнями, вправленными в золото в виде венка.

Поздравив и расцеловав молодых, Нектарина осушила небольшой рог и запела «Мравалжамиер»¹ своим прекрасным, еще не тронутым годами, контральто. Экоцимили вскочил и, схватив за руку Бату, повлек его к месту, где сидела княгиня. Встав за стулом Нектарины, оба подтянули ей, и стройные звуки застольной взвились под самый потолок.

Гости выразили восхищение голосом княгини.

Барам, приняв от Нектарины рог, преподнес Марине седло, когда-то принадлежавшее его жене. Это было старинное, богато украшенное женское седло с посеребренной лукой.

— Какая досада! — воскликнул Экоцимили. — Я ничего не знал и явился с пустыми руками... Но подарки за мной, а сейчас обращусь к молодым со стихами.

— Просим, просим! — закричали гости.

Экоцимили начал:

Помолвку Беги и Марины
Мы ныне празднуем, друзья!
Но без Марины мне отныне
Ничем утешиться нельзя.

¹ «Мравалжамиер» — застольный гимн.

А что Леварси сделал с нами?
Похитил нашу Толисквами.
Вамех, заздравный рог лови
И молодых благослови!

Вамех, приняв рог, встал и, в свою очередь, тоже извинился за то, что пришел без подарка. «Но дело выправится к свадьбе», — добавил он. Потом, повернувшись к Беги, сказал со смехом:

— У Шекспира где-то говорится, что мужчина — апрель, пока он ухаживает, и декабрь после того, как женится. Смотри, как бы и с тобой не случилось того же, а то Марина Ивановна бросит тебя и придет... ко мне.

Все засмеялись, а Рябина живо воскликнула:

— Не будь у меня Беги, с удовольствием вышла бы за вас, Вамех. Отиевич!

В это время к ним подошла, словно чем-то пристыженная, Дэси. Она, по обычаю, поцеловала Марину в грудь, поздравила дрожащим голосом Беги и добавила:

— Если госпожа пожелает, я вышью ей на будущее подушки...

Беги перевел ее слова Марине. Та поблагодарила, кивнув в знак согласия и, внимательно поглядев на Дэси, подумала: «А ведь, в самом деле, какая статная женщина. Дай ей образование — затмит нас всех. И сколько уже сейчас в ней женственного обаяния. Хотя в ее скромность я что-то не верю. А мой Беги ей нравится. Чутьем угадываю. Ну и пусть нравится! Это еще что! Вы поглядите, каким станет скоро мой Беги!»

В это время Волков говорил Дагмаре:

— Слава богу, вы теперь вышли из-под опеки Марины.

— А Марина никогда не была моим опекуном.

— Да, но имела на вас большое влияние. Мне это не нравилось. Как не нравится и она сама.

— Разве? Но вы, по-моему, всегда были заняты ею.

— Вовсе нет. Я, может, втайне, но был занят... и сейчас занят только вами. Мне нравитесь вы.

— О, что вы говорите!

— Говорю истинную правду. Вы мне так нравитесь, что я готов просить вашей руки...

Дагмара ответила, словно желая отделаться:

— Об этом вы должны поговорить с моей мамой.

У Волкова вырвалось:

— Терпеть не могу мамаш и нянек.

— Как вы можете так говорить о моей матери!

— Ах, извините! Ваша мать, конечно, очень умная женщина, но спрашивать в таких делах у матерей совета — это уже устарело, поверьте. Совершеннолетние девушки могут не спрашивать у родителей, за кого им выйти замуж. Ведь вы же совершеннолетняя?

— Да.

— А при чем, в таком случае, ваша мать?

— Прошу вас не говорить так.

— Я не говорю ничего худого. Я только хочу, чтобы современная девушка проявляла больше смелости в жизни. Ведь вы же юридически независимы, являетесь единственной наследницей имущества вашего отца.

«Ага! Вот в чем дело!» — подумала про себя Дагмара. Неискушенная в жизни девушка, она, однако, не была столь наивна, чтобы не понять — Волков интересовался не столько ею, сколько ее имуществом. Она коротко отрезала:

— Пусть все это так, но я замуж пока не собираюсь.

В это время за столом раздался веселый смех. Оказалось, что Дзид-хана преподнесла Марине старинный салоп, какой носили в шестидесятих годах прошлого столетия. Салоп был почти совсем новый, на черной шелковой подкладке, отделан шелковыми же кружевами, но смешным показалось то, что допотопная эта одежда, некогда покрывавшая плечи бабушек, была поднесена молодой невесте, «упавшей с неба звезде», как называл ее Беги.

Салоп стал переходить из рук в руки, все с любопытством разглядывали и щупали его, а иностранец даже одобрительно произнес свое «карасо, карасо».

Рябинина поблагодарила и дружески расцеловала старушку.

А Волков продолжал приставать к Дагмаре:

— Ну, хорошо, скажем, вы не собираетесь замуж. Что ж вы намерены делать в таком случае?

— Учиться.

— Вот как! Уж не думаете ли вы поступить на женские курсы?

— Нет, я хочу поехать учиться за границу.

— А чему именно учиться?

— Меня интересует история.

— Вот уж терпеть не могу ученых женщин со стриженными волосами и очками на носу. Пальцы у таких женщин вечно в чернилах, кофта неглажена, юбка съехала на бок...

— Это было когда-то, — со смехом ответила Дагмара, — а теперь на наших курсисток любо поглядеть. Да и я сама люблю красиво одеться. И я вовсе не собираюсь засесть за одну историю. У меня есть голос, говорят он похож на голос тети Нектарины. Буду учиться пению...

— Ну, это совсем другое дело, — уже несколько печально произнес Волков: вопрос, поднятый им, так и остался открытым.

В это время с рогом в руке встал Леварси Квизиния и обратился к обществу с благодарственным словом, однако понять, что он хотел сказать, было довольно трудно. Он говорил о «благосклонной линии, которую соизволила избрать по отношению к нему княгиня Нектарина», и далее в том же духе, ввернул для вящего эффекта два — три русских словечка, но речь его от этого не стала яснее.

Гутати наклонился к отцу Тэдорэ:

— Оборотистый мужик наш Леварси, жену будет содержать в добре и холе.

На это священник ответил неопределенно:

— Н-да, речист, речист... Ничего не скажешь.

А Экоцимили, скроив жалкую мину, приставал к Минадоре:

— Обрати на меня внимание, баронесса! Разве я плохой парень?

— Отличный парень, но извини, дорогой, я до сих пор не знаю твоего имени.

— Убей меня бог! Евграф Малхазыч, баронесса! Скажи мне лучше, нравлюсь я тебе?

— Как не нравишься, Евграф Малхазыч!

— Умоляю, зови меня просто — Экоцимили.

— Но мне объяснили, что Экоцимили по-мегрельски значит «разболтанный».

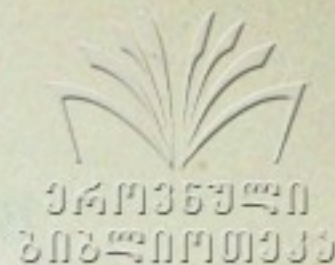
— Я и есть таков — или ты не знаешь? При всем том могу сказать словами Пушкина, что я «душою, ей-богу, добрый человек».

— А ты, значит, помнишь Пушкина?

— Как не помнить — я же бывший гимназист.

Нектарина снова затынула:

У хозяев хлебосольных
Дорогих полно гостей.

Экоцимили вскочил и, встав за ее стулом, начал подтягивать ей басом. Напротив сидел священник, не отрывавший от княгини откровенно-восторженного взгляда. «Ишь, уставился!» — мелькнуло у Экоцимили.

Спустя минуту, он снова подсел к Минадоре.

— Да ну, будет тебе скакать, Евграф Малхазыч! — шутливо заметила баронесса. — Хочешь быть моим кавалером — сиди со мной рядом, а нет — так...

— Сижу, сижу, царица! «Тебе царицей быть пристало, да время гиблое настало». Совсем не отойду от тебя, баронесса, — голову преклоню к твоим коленям. Но поглядите на нашего попа — каков, а?

Экоцимили грянул:

Пусть отныне долгорясы
К нам не ходит на порог,
Не хотим его молитвы
Ни причастья — видит бог!

Пир в княжеском доме становился все оживленней и веселей.

(Продолжение следует)

НА XX СЪЕЗДЕ

Из записной книжки поэта

Перевод с грузинского М. Максимова

ТОВАРИЩУ ЧЖУ ДЭ

Шумят аплодисменты громовые,
И вот тыходишь в озаренный зал.
Тебя сегодня вижу я впервые,
Но я всегда тебе рукоплескал.

Из Грузии далекой долетая,
Неслись рукоплесканья сквозь года
И в такт шагам военного Китая,
И в такт победам мирного труда.

Тебя сегодня вижу я впервые,
Хотя и знаю все черты лица
Прошедшего сквозь годы огневые
Сурового народного борца.

Но между нами были горы, воды,
На полземли раскинутая даль,
А ныне от грузинского народа
Привет тебе я в руки передал.

Нас прочно знамя общее связало,
Стоим под ним у одного древка,
И я тебе рукоплещу из зала,
Как много лет подряд — издавека.

МОРИС ТОРЕЗ НА ТРИБУНЕ

Он измерил нас
Пристальным взглядом по праву,
Улыбнулся — и сразу
Легла тишина,—
Та, что входит в сердца,
Как пред бурей — в дубравы:
Миг — и ливнем приветственным
Хлещет она.
В этом ливне
Мечи революций звучали
И казалось:
Бастилия снова горит,
Шли неслышно маки
Через дымные дали.
И опять тишина.
И — Торез говорит!
Столько сдержанной юности
В каждом движении,
Будто он не седой еще,
Этот боец,
Седина его —
Порох столетних сражений
И Парижской Коммуны
Священный свинец.
И когда он
Приветствовал наши свершенья,
Наш невиданный опыт
Борьбы и побед,—
Нам казалось,
За ним возвышаются тенью
Коммунары
И шлют благодарный привет.
И с Торезом встают
Против тех, кто в хоромах
Замышляет всю землю
Увидеть в дыму.
И —

«Да здравствует новая Франция!» —

громом

Коммунарам ответили мы и ему.

ДОЛОРЕС ИБАРРУРИ

По гостевым и делегатским спискам
Всех стран на съезде —
Пятьдесят и пять,
И большинству из нас,
Пускай не близко,
Но все-таки
Домой — рукой подать.

МАЙСКИЙ ДОЖДЬ

Перевод с грузинского Б. Пастернака

Ни слова пока о дожде.
Все после о нем уяснится.
То просо мешают в воде,
То с веток летит шелковица.

То в капанье слышится треск
Расправленных крыльев павлиньих,
То их переливчатый блеск
Мерещится в молниях синих.

К дождю обратим все мечты.
Прижмемся на улице к зданьям.
Средь давки откроем зонты,
В толпе под платанами станем.

Дождь шлепает по мостовой
И брызжет струями с балкона.
Дождь хлопает над головой
Забытою рамой оконной.

Я сам становлюсь бестолков.
Мне слышится в плеске капли
Твой шаг, стук твоих каблуков
По каменным плитам панели.

Мы встретимся чуть погода,
Душой освеженной воспрянув.
Ведь только и после дождя
Приходят развязки романов.

Ни слова пока о дожде.
Сначала увериться надо,
Что не пострадали нигде
Зеленые всходы от града.

Но ярко блестя зеленыя
И свет отражается в лицах,
И капли, пленяя меня,
Дрожат у тебя на ресницах.

КОЛХОЗНИЦА

С картины художника Г. Чирнашвили

Новые СТИХИ

СТОГА

Снуют пунцовые стрекозы,
Летят шмели во все концы,
Колхозницы смеются с возу,
Проходят с косами косцы.

Пока хорошая погода
Гребут и ворошат корма
И складывают до захода
В стога, величиной с дома.

Стог принимает на закате
Вид постоянного двора,
Где ночь ложится на полати
В накошенные клевера.

К утру, когда потемки реже,
Стог высится, как сеновал,
В котором месяц мимоезжий
Зарывшись, переночевал.

Чуть свет телега за телегой
Лугами катятся впотьмах,
Неспавший день встает с ночлега
С трухой и сеном в волосах.

А в полдень вновь синеют выси,
Опять стога, как облака,
Опять, как водка на анисе,
Земля душиста и крепка.

ЛИПОВАЯ АЛЛЕЯ

Ворота с полукруглой аркой.
Холмы, луга, леса, овсы.
В ограде мрак и холод парка,
И дом невиданной красоты.

Там липы в несколько обхватов
Справляют в сумраке аллей,
Вершины друг за друга спрятав,
Свой двухсотлетний юбилей.

Они смыкают сверху своды.
Внизу — лужайка и цветник,
Который правильные ходы
Пересекают напрямик.

Под липами, как в подземелье.
Ни светлой точки на песке,
И лишь отверстием туннеля
Светлеет выход вдалеке.

Но вот приходят дни цветенья,
И липы за чертой оград
Разбрасывают вместе с тенью
Неизреченный аромат.

Проходят люди в летних шляпах,
Оглядывая каждый ствол.
Как неотступен этот запах,
Открытый пониманью пчел!

На старом дереве громоздком
Завешивая сверху дом
Горят, закапанные воском
Цветы, зажженные дождем.

ТИШИНА

Пронизан солнцем лес насквозь,
Лучи стоят столбами пыли
Отсюда, уверяют, лось
Выходит на дорог развилъе.

В лесу молчанье, тишина,
Как будто жизнь в глухой лощине
Не солнцем заморожена,
А по совсем другой причине.

Действительно, недалеко
Средь зарослей стоит лосиха.
Пред ней деревья в столбъяке —
Вот отчего в лесу так тихо.

Лосиха ест лесной подсед,
Хрустя, обгладывает молодь.
Задевши за ее хребет,
Болтается на ветке жёлудь.

Иван-да-марья, зверобой,
Ромашка, иван-чай, татарник,
Опутанные ворожкой,
Глазеют, обступив кустарник.

Во всем лесу один ручей
В овраге, полном благозвучья
Твердит то тише, то звончей
Про этот небывалый случай.

Звеня на всю лесную падь
И оглашая лесосеку,
Он что-то хочет рассказать
Почти словами человека.

СНЕГ ИДЕТ

Снег идет, снег идет.
К белым звездочкам в буране
Тянутся цветы герани
За оконный переплет.

Снег идет, и все в смятенье,
Все пускаются в полет,
Черной лестницы ступени,
Перекрестка поворот.

Снег идет, снег идет,
Словно падают не хлопья,
А в заплатанном салопе
Сходит наземь небосвод.

Словно с видом чудака
С верхней лестничной площадки
Крадучись, играя в прятки,
Сходит небо с чердака.

Потому что жизнь не ждет.
Не оглянешься, и святки.
Только промежуток краткий,
Смотришь, там и Новый год.

Снег идет, густой-густой,
В ногу с ним, стопами теми,
В том же темпе, с ленью той,
Или с той же быстротой
Может быть проходит время?

Может быть за годом год
Или как слова в поэме?
Следуют, как снег идет,

Снег идет, снег идет,
Снег идет, и все в смятеньи,
Убеленный пешеход,
Удивленные растенья,
Перекрестка поворот.

Зеленая ПЕСНЯ

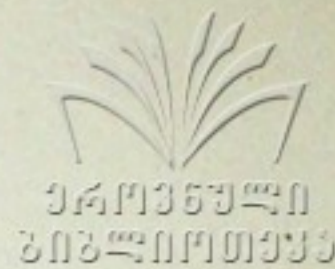
Перевод с грузинского М. Максимова

В мире моём —
Там,
Где зреет пшеница,
Там,
Где искрится горячая сталь,
Там,
Где целинная вспашка ложится,
Там,
Где открыта для подвигов даль,
Молодость песню поёт.

В мире чужом —
Там,
Где ищут работу,
Там,
Где каналы текут по костям,
Там,
Где ручьи каучука и пота,—
Все-таки даже и там
Молодость песню поёт.

Пусть же под солнцем летним, каленым,
Плеском зеленым листвы и волны,
Шумом зеленым, к юным, к влюбленным
Песня летит от страны до страны.

Пусть не похожи оттенками кожи
Сотни для дружбы протянутых рук,
Мышцами, жилами, кровью похожи,
Руки труда, мой ровесник и друг.

Шумом зеленым землю обвили
Мирных и юных лесов пояса.
Разве, ровесник, мы сделать не в силе,
Чтоб на гробы не рубились леса?

Мы — человечества новая смена —
Песнь нашей жизни сумеем сложить,
Важно лишь только знать себе цену,
Силой и дружбой своей дорожить.

Там,
Где ручьи каучука и пота,
Там,
Где каналы текут по костям,
Там,
Где голодные ищут работы,—
Все-таки даже и там
Молодость песню поёт.

Там,
Где в зарницах зреет пшеница,
Там,
Где искрится горячая сталь,
Там,
Где целинная вспашка ложится,
Там,
Где открыта для подвигов даль,
Молодость песню поёт!

БАЛЛАДА *о тушинской шапке*

Перевод с грузинского М. Максимова

Женщина очень была гибка,
Очень лицом бледна.
И на тушинскую шапку мою
Взгляд устремила она.

Шапка из бурки, черный дружок,
На самой макушке кружок,
И женщине, кажется, стало смешно,
И взгляд ее больно ожёг.

Она улыбалась шапке моей
Улыбкою ледяной,
И мне показалось: смеется она
Не мне, а скорей надо мной.

Вокруг меня шумела Рязань,
Рязань и весна над ней.
И я повернулся к той даме спиной,
Чтоб шапка была ей видней.

Правда, она не согреет в мороз,
От зноя не спрячет, увы!
Но мне эта шапка, знайте, мадам,
Дороже самой головы!..

В дворец Ираклия, — было так, —
Вошел я, от робости нем,
С почтеньем взглянуть на червленый щит
И древний плетеный шлем.

И вот я увидел: в шлеме лежит
Шапка, черна и мила,
Но сколько ударов скольких мечей
Она на себя приняла!

И если, бывало, шел воин домой
Шел с целою головой,
Он шапку за это свою целовал, —
За то, что идет живой.

Так что же смешного в том, что я,
Впрочем, не я один,
Круглую шапочку эту ношу
Ратную шапку грузин!

От пули, от бомбы, от мины она.
Уже не спасет никак,
Но я и под каску ее надевал,
Как мужества древний знак...

...Я оглянулся и вижу: идет,
Как тень за спиной идет,
Стройная, бледная женщина та,
Но в глазах ее вовсе не лед.

Так хорошо рассмеялась она,
А вокруг весна, благодать.
«У нас, — говорит, — пословица есть:
Сеньку по шапке видать!

Зачем повернулся ты, старый друг
К молодости спиной?
Вспомни-ка лучше госпиталь свой
Под разбомбленной стеной.

Вспомни свечу в руке медсестры
И грохот издалека.
На-ка, держи, на-ка, взгляни,
Не та ли это рука?

Не та ли, что каску сняла с тебя,
Что рану омыла бойцу...
А шапка та самая, брат, на тебе,
И очень тебе к лицу!»

Рассказ о пушке

Перевод с грузинского И. Даднани и В. Михайлова

Коренные москвичи немало удивились бы радости грузинского мастера. И верно, какой прок в том, что посуровела вдруг московская зима и снега привалило так много? С чего бы тут радоваться мерзляку-южанину, приехавшему в Москву с кахетинским посольством?

Однако у литейщика Джабы имелась на то своя причина.

Уже и снег выпал, а «уважаемая причина» все медлила. И хотя она не была живым существом, мастер Джаба не мог думать о ней, как о чем-то неодушевленном.

...Царь-пушку решено было перевезти в Кремль к Новому году.

Отлили ее еще летом, обточили, отшлифовали на Пушечном дворе, но попробуй-ка, сдвинь такую махину, когда веса в ней — ни много ни мало — две тысячи четыреста пудов. Разве что по большому снегу на полозьях удастся перевезти.

Город полнился слухами о пушке.

Не терпелось взглянуть на нее — «величайшую в мире» — и кахетинцам. Джаба от волнения был сам не свой.

Давно уже обошел он всех русских мастеров-оружейников. Осмотрел новые ружья — они мало чем отличались от крымских и стамбульских. Везде успел побывать старый мастер, только на Пушечный двор не привелось заглянуть: чужеземцев туда не пускали.

А ему более всего хотелось увидеть именно пушки. Ведь и он, Джаба, кое-что смыслил в литейном деле. Спросите-ка, кто отлил знаменитый колокол — «Большой Греми». Правда, в Москве были такие громадины-колокола, что о «Большом Греми» и вспоминать не стоило, но в мастерстве литья Джаба мог постоять за себя...

Наконец, пришел долгожданный день. Белели крыши и колокольни. Лоснился до блеска раскатанный санями, подмерзший за ночь снег. В Китай-городе, у ограды Пушечного двора народу собралось тьма-тьмушная. На бревенчатых помостах перед торговыми и ремесленными рядами плотной стеной стоял московский люд. Тут же, слева от ворот, сгрудились кахетинцы. Они мерзли, зябко кутались в теплые одежды: шутка ли — первое знакомство со знаменитыми крещенскими морозами!

Одному Джабе, казалось, стужа была нипочем. Небрежно накинув бурку, он стоял, не спуская глаз с ворот.

«Чтобы втащить на гору гремский колокол, понадобилось девять пар быков, — рассуждал Джаба, — а тут две с половиной тысячи пудов — целая колокольня по весу!»

Было, от чего волноваться. Наказывал же ему кахетинский царь Александр: «Не оплошай, Джаба. Гляди в оба. Не возвращайся с пустыми руками. На что мы годны без пушек и ружей?! Привези не только новые образцы, но и новое мастерство».

Джаба сам понимал, что в это тяжелое время его родине, как никогда, нужен упорный труд оружейника.

Гремский литец освоил уже производство ружей нового образца и хотя не побывал еще на Пушечном дворе, но обо всем наслышан, даже о том, что главный мастер не чужак, а русский — Андрей Чохов, — такой же, как Джаба, холоп, ремесленник. Так сказал ему старец Зосим — первый кахетинский посол, прибывший за помощью в эту далекую огромную Россию...

Тревожное движение прошло по толпе. Люди заговорили, засуетились и, наконец, замерли в ожидании.

Ворота широко распахнулись. Две первые лошади, сопровождаемые конюхами, ступили на улицу.

И вот уже вторая упряжка... Третья. Потом четвертая... Из ворот выползала большая цепь, и по обе стороны от нее топтали снег копыта бесчисленных коней.

— Сколько их тут! — пробормотал Джаба и принялся считать, но скоро запутался. Да и мысли его были заняты другим.

— Эй, Заза! Возле той короткогрой — двадцать три пары. Считай дальше! — пробиваясь вперед, крикнул он Зазе Кахνιαури, смышленному толмачу, самому молодому из кахетинцев.

А поток лошадей не кончался. Взъерошенные гривы проплывали волнами, и цепь со скрежетом тянулась по снегу.

— Шестьдесят одна, шестьдесят две, — считал Заза.

— Вот дела! Слыхано ли? Кто мне в Греми поверит?! Скажут, заврался старый, — повторял изумленный Джаба.

После девяностой пары сбился со счета и Заза. Он оглянулся назад — голова шествия терялась в конце улицы.

Теперь снег скрипел особенно жалобно. Лошади с трудом выпрямляли натруженные шеи...

Из ворот показались сперва огромные бревенчатые полозья, затем — темно-серая, могучая, словно ствол дуба-исполина, пушка. Надвигаясь, она будто вырастала еще больше.

Вслед за ней выбежал человек с перевязанной рукой, вскочил на розвальни, обнял одной рукой пушку, прижался к махине. Казалось, так их и отлили вместе.

— Неужели Чохов? — воскликнул Джаба, пробираясь ближе.

Рядом со своим детищем Чохов казался совсем маленьким и невзрачным. Высота лежащего на бревнах чудовища доходила ему до плеч. А длиной никак не меньше девяти адли¹. Перекинь ее мостом через Алазань возле Аллаверди — в самый раз хватило бы!

Пушка была отполирована и украшена золотой чеканкой. Джаба заметил на ней даже что-то вроде клейма.

— Вот так мастер! И какая рука могла сотворить такое?! Глянь-ка, человек! Где вы, гремские мастера?! Жаль, не видите это бронзовое чу-

¹ Адли (груз.) — мера длины, немногим больше аршина.

до! Подумать только — коли с виду она так страшна, выпалит — разнесет всю туретчину. — Джаба говорил с таким жаром, что идущие впереди невольно оборачивались, прислушиваясь к незнакомой речи. А он, словно проповедуя, все больше входил в раж. — Что за руки у этого Чохова! Ей-богу, одна только правая целого царства стоит!

— Сказал тоже, правая... Не видишь — спалил он ее, пушке всю отдал, — возразил гонец посольства Тедо Бацацаидзе. Он немного говорил по-русски и уже успел разузнать, что еще летом, отливая пушку, Андрей Чохов сильно обжег руку.

— Да ну! Какая жалость! — Джаба шел следом за пушкой и не мог сдержать желания коснуться ее. — А лекари что же?... Эх, где сейчас бальзам «турманаули»! Живое все прошло бы... Нет, ты взгляни на нее — ведь и каменным и литым ядром выпалит. — Джаба все же дотянулся до чужого детища, уважительно погладил темно-серый ствол, заглянул в жерло ствола. — Дорогая ты моя... А блеснит-то, словно зеркало!

Но тут впереди поднялся переполох. Пушка остановилась.

Передние упряжки, достигнув поворота, уже завернули за угол, когда цепь, натянувшись, словно тетива лука, сбила несколько лошадей. Строй смешался. Ни окрики, ни удары плетей не могли помочь делу: пушка не двигалась с места.

И вновь вспомнил Джаба Гремскую гору. Когда быки не смогли втянуть на нее колокол, впряглись сами гремцы, плечом к плечу встали к упряжкам. Правда, эту пушку не сравнишь с тем колоколом, но ведь и народу здесь куда больше.

— А ну-ка, русские! Аба, гремулад! (По-гремски!) — сочным басом крикнул Джаба столпившимся горожанам, забросил свою бурку на пушку и, став между лошадьми, взялся за цепь. — По-гремски! По-гремски, русо!

— Грянем, да потянем! — подхватил народ, по-своему истолковав непонятную речь.

— Ну-ка вместе! По-гремски! Да быков и буйволов погоняйте! — кричал Джаба, совсем позабыв в азарте, что здесь не было ни быков, ни буйволов — одни кони.

— Погоняй буйволов! — загрохотал Тедо Бацацаидзе. Он стоял рядом с Джабой и что есть мочи тянул цепь. Тедо всегда рад был поскоморошничать, а тут и случай подвернулся.

— Мастер! Пахарь! Ты им по-русски втолкуй, по-русски! Они ведь не знают грузинского. Да и скотину видно не различают, думают — кони это, — не унимался Тедо.

— Понимают, понимают!.. Пошли ведь за мной. Вместе! Вместе!.. Хио! — окрики Джабы терялись в бодром рокоте толпы.

— Ради тебя выучились! А ну, еще... Скажи им что-нибудь... Не лишай своей мудрости... Ну, а тянуть я буду, уж так и быть. Птве-хоо!¹ — шутил Тедо, усердно налегая на цепь.

Общими усилиями миновали поворот и выволокли розвальни на площадь. Караван шел уже безостановочно, но никто не отпускал цепи. С радостными криками, не щадя сил своих, тащили люди громадину-пушку.

Джабе казалось, что не цепь это, а зажженный фитиль, соединивший сердца, и огонь бежит по нему от пушки к началу шествия.

Первопосланник Зосим взирал на эту картину со стороны. Бурный поток чуть было не подхватил и его. Вначале старец не мог ничего разобрать в нескончаемой лавине коней и горожан. Припомнилась виденная когда-то в Афинах старинная роспись... И здесь, словно кентавры, слив-

¹ Птве-хоо! — понукание быков.

шлись воедино, шли люди и кони. Приглядевшись, отец Зосим заметил женщин, впрягшихся вместе с мужчинами.

— Сила единая! Народ с большим будущим... Может быть, в нем наше спасение, — задумчиво произнес он.

У ворот Кремля стража с трудом сдерживала толпу.

Джаба совсем потерял голову — не чувствовал ни холода, ни усталости. Чохов бросил ему здоровой рукой бурку, помахал перевязанной — правой, сильным басом крикнул:

— Спасибо, брат! — и вместе с пушкой исчез в крытых воротах.

— Жаль руку-то! И какой огонь ее взял?! Вот бы «турманау-ли», — вздохнул Джаба.

— Есть у меня этот бальзам... Мать дала с собой, — живо обернулся к нему Заза.

— Хвала всевышнему! Ведь и я свои ожоги этой мазью вылечил! — воскликнул обрадованный мастер.

В тот же вечер Джаба робко стучался в ворота Пушечного двора.

Из-под бурки гремского мастера виднелись край бурдюка и рукоятка кинжала.

Джаба поморщился, поправил бурку. В его движениях чувствовались неловкость и растерянность. О том, что он ушел, кроме посла, знали лишь Заза и Тедо.

Кахетинское посольство с самого начала помещалось в Александро-Невской лавре. Гости отданы были на попечение дьяка Хозникова и пристава посольского приказа Баламутова, которые еще засветло потчевали их вечерней трапезой и ненавязчиво, но точно проверив, все ли на местах, удалялись, пожелав покойного сна. Наружные двери обители тотчас накрепко запирались.

Кахетинцы нет-нет да и нарушали этот жесткий распорядок. Даже степенный Джаба пустился нынче на хитрость: сначала притворился спящим, а затем с помощью друзей благополучно выбрался из монастыря. Теперь до утра не попасть ему в обитель.

Но не это беспокоило Джабу — где-нибудь да перебудет он морозную русскую ночь. Хуже другое. Он, Джаба, страстный любитель поговорить, уважаемый всеми участник гремских сходов, здесь, в России, — немой. Совершенно немой!

Другие запомнили несколько самых необходимых слов и могли кое-как объясняться с русскими. Ведь времени-то было достаточно. На одну только дорогу ушло полгода, да и здесь порядком задержались в ожидании аудиенции у царя Федора Иоанновича и из-за переговоров с Борисом Годуновым.

Заза — тот живо выучился. Старый Зосим тоже может коротко ответить на любой вопрос. Болтун Тедо Бацацаидзе без стеснения «парускает», ломая язык. Только Джаба, будто его оглазил кто, никак не выучился русской речи.

В воротах показался сторож...

— Чохов! — самозабвенно крикнул Джаба. — Андрей Чохов!.. — И пока сторож силился понять его, шагнул во двор.

— Лекарь, что ли? — сторож указал на низенькое бревенчатое строение.

— Да не лек¹! Грузин, кахетинец из Греми, — ответил Джаба по-грузински.

Кто знает, долго ли еще продолжался бы этот разговор, если б его не прервал страшный крик. Джаба узнал голос Чохова. Одним прыж-

¹ Лек — лезгин.

ком он достиг двери. Дернул ее. Вошел. Очутился в узком проходе. Еще одна дверь, и, наконец, — освещенная комната, стол, на столе — обнаженная рука Чохова. Двое мужчин держали ее, а лекарь, орудуя длинными щипцами, отдирает сморщенную, пузырившуюся кожу.

Чохов сидел весь потный и глухо стонал. А у открытой печи бабы с заплаканными глазами держали над огнем еще одни щипцы.

Когда-то и Джабе привелось испытать боль ожога. Но тут было похуже — ковыряли старую рану! Мастер из Греми разгневался: такую руку калечить, безбожники!

Сбросив бурку, он положил на стол бурдюк и с силой оттолкнул щипцы. Железо обожгло его. Разъяренный еще более, не умея объясниться, Джаба прибег к «языку силы» — заставил лекарей отпустить изуродованную руку Чохова.

Все разом загалдели, задвигались. Только Чохов молча и с удивлением поглядывал то на странного гостя, то на пузатое чудище, лежащее на столе.

Джаба достал склянку с бальзамом, врученную ему Зазой, и показал ее сначала больному мастеру, а затем и встревоженным лекарям. Но эти болваны все еще о чем-то спорили с ним, позвали сторожа, взялись за дубины.

Джаба обнажил кинжал и решительно шагнул вперед. Те отпрянули и будто языки прикусили. Джаба удивился — он ведь не для удара это — так только легче объясниться.

— Сам вот этим выкованным мною кинжалом руку себе отсеку, если за месяц не вылечу тебя, — с жаром произнес он, подкрепляя свою грузинскую речь такими выразительными движениями, что Чохов все понял.

— Кто ты?! — спросил Андрей. — Басурман?

Джаба догадался:

— Христианин я, грузин! — буркнул он, но видя, что его не понимают, умолк, и, повернувшись к висящим в углу иконам, перекрестился.

Бабы тотчас усадили гостя. Андрей оглянулся на своих мучителей и заговорил. Джаба все понял. На месте Чохова он, наверное, так бы и сказал: «Ну, что ж, попробуем и это! Вы уже четыре месяца пытаете меня. Того и гляди — всю руку спалите. А он — собственной ручается. Разве вы решитесь на такое?! Вижу — человек мне добра желает. И там помог, у пушки. Узнал я его!»

Да, Джаба все понял. Так неожиданно «выучился» вдруг русскому! Ведь только так и мог сказать Андрей, а то к чему бы тогда встали и вышли вон неудачливые лекари.

Джаба подошел к печи, отыскал горшок с кипящей водой и, накрыв его крышкой, вынес остудить в снегу. Попутно припоминал действия гремского лекаря — Манасэ Джигаури, лечившего его ожоги.

Когда Джаба снова вошел в комнату, бабы успели уже утереть слезы и, едва сдерживаясь от распиравшего их смеха, разглядывали бурдюк — чудище с деревянной затычкой вместо пупа. Андрей здоровой рукой пробовал лезвие кинжала. На стол успели поставить хлеб-соль и русскую водку.

Превозмогая боль, Чохов наполнил чарку гостя, но тот вспомнил, как однажды разгневался на него Манасэ, учуяв во время лечения запах водки. Лекарь разрешал ему пить только вино, и то в меру — не более пол-литра в день. Но как объяснить это Андрею? Не долго думая, Джаба выхватил из рук хозяина чарку и выплеснул водку в печь. Затем одним взмахом кинжала так ловко сбил горлышко бутылки, что основание ее даже не сдвинулось с места. Тут уж Джаба поймал сразу двух зайцев: нагляд-

но запретил Чохову пить водку и блеснул перед ним качеством гремской стали.

— Ты что? — удивился Андрей.

— Какое там «пишто»¹, гремский кинжал! — с гордостью сказал Джаба.

Чохов оставил обезглавленную бутылку, и, взяв у Джабы кинжал, с интересом разглядывал клинок.

Бабы примостились в углу, подперли руками подбородки, уважительно и с опаской посматривая на «лекаря», говорившего лишь «языком кинжала».

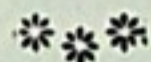
Джаба принес охлажденную воду, чистым гусиным пером осторожно обмыл руку Андрея. Немного подсушил рану. Тонким слоем нанес на нее белую мазь «турманаули». И все вспоминал: так ли проделывал это лекарь Манасэ? Потом, щедро пропитав бальзамом чистую тряпочку, наложил ее на ожог и обвязал руку полотенцем.

Боль приутихла. Андрей удивленно улыбался, глядя на гостя, а тот, словно хозяин, расхаживал по избе, разыскивая что-то. Наконец, нашел большую чашу, развязал бурдюк, слегка подул в него, и полилось красной струйкой саперави². Бабы, вытаращив глаза, дивились на новое «колдовство» лекаря. Но, когда Джаба протянул Чохову полную чашу, заголосили и, схватив своего Андрея, попытались оттащить его назад.

Тогда Джаба благословил их по грузинскому обычаю, пожелал Андрею скорого исцеления и, перекрестившись, чтобы успокоить их, выпил. Блаженно провел рукой по усам. Давно уже не приходилось ему пить вина. Это был неприкосновенный запас, принесенный в дар русскому мастеру. Джаба снова налил чашу, подал ее Андрею. И тот, поверив руке, с удовольствием погладившей усы, — слегка пригубил неведомое питье, да так и не смог оторваться.

Приумолкли и бабы, увидев, как расплывается в улыбке лицо Андрея. Приятное лекарство было испробовано еще дважды, и Чохов больше не сомневался в его назначении. Только бабы все еще не могли понять, почему целебную кровь этой «безголовой твари» так охотно пьет сам лекарь, ведь у него-то не было ожогов. Лишь немного погодя, когда Андрей и Джаба вразброд затагнули свои родные песни, и они уразумели суть «лекарства».

Четыре месяца эти стены не слышали ничего, кроме стонов. А теперь... Андрей пел, то поднимая больную руку, то обнимая за плечи своего исцелителя. Чудное творилось с ними — недавно еще их разделяло незнание языков, а теперь, проникшись одной радостью, они даже подтягивали друг другу. После третьей чаши Джаба вновь вспомнил наставления Манасэ Джигаури и завязал бурдюк.

Русско-кахетинские переговоры о дружбе и покровительстве проходили благоприятно для кахетинцев. Успешно шло и лечение. Раз в три дня Джаба навещал своего нового друга. Три запрета наложил он на Чохова: не пить водку, не ходить в баню и не разглашать имя лекаря.

Бурдюк уже не так распирало. Чохову полегчало, к нему вернулись богатырский сон и вкус к еде. Крепкая дружба соединяла теперь мастеров. Степенно беседуя каждый о своем, они мало смущались, если иногда и выходило совсем невпопад, и смеялись от души. Джабе удалось втолковать Андрею, что и он мастер. Это еще более сблизило их.

¹ Пишто (груз.) — пистолет.

² Саперави — сорт красного грузинского вина.

Однажды, любуясь выделкой кинжала, осматривая его придирчивым глазом мастера, Чохов похвалил работу, выразительно подняв кверху большой палец.

Джаба тотчас подарил ему кинжал, пояс и кожаную баклажку.

Андрей повел своего друга в оружейный цех и показал ему различные ружья. Кахетинцу особенно приглянулось одно, с кремневым курком, и Чохов отдал ему ружье вместе с кожаным чехлом.

На третьей неделе Джаба еще раз снял повязку. Рука зажила — нежная, словно шкурка инжира, кожа затила рану. Радость Андрея была безгранична — мастер снова мог владеть рукой. Домочадцы с любовью и надеждой глядели на Джабу, а тот опять приложил к ране бальзам, перевязал руку и сказал, выразительно двигая растопыренными пальцами:

— Через семь дней сведу тебя в баню, и кончено! Потом уже — сам знаешь.

В конце недели Джаба зашел к старцу Зосиму и почтительно попросил отпустить с ним толмача Зазу Кахнияури.

— Только возвращайтесь вовремя! — предупредил посол. — И знайте, — мы находимся в стране чудес. Что увидите — запоминайте, все важно, все пригодится.

...Ну и в переделку попал молодой толмач! Он сидел между двумя пушкарями, и каждый из них кричал свое, стремясь сразу узнать все об ожогах и лекарстве, о пушках и колоколах, о России и Иверии. Заза даже вспотел от натуги. Беседу Годунова и Зосима переводить было куда легче. Бабы, гляючи на эту картину, помирали со смеху. Но не выдержала сердобольная хозяйка, пожалела Зазу. Широко раскинув руки, нагнулась она всем своим дородным телом на муженька.

— Дайте вздохнуть кудрявому. В чем он провинился перед вами? Разорвать парня готовы...

Чохов вначале осерчал было на жену, а потом рассмеялся, хлопнул Зазу по плечу и вдруг предложил:

— Ну, а теперь пошли, я покажу вам, на что способны эти руки! — и увлек Джабу и Зазу за собой.

...На просторном дворе расположились два литейных сруба, кузница, формовочная, склады, здесь же лежала гряда железного лома, громадные весы, виднелся колодец с воротом. А в стороне, на бревенчатом помосте лежали пушечные стволы. Одни походили на опрокинутые виноградные давильни, другие распластались, словно сверкающие рыбыны, выброшенные на берег.

И почудилось Джабе, будто все эти пушки ожили и, повернувшись в сторону захватчиков-басурман, грянули единым залпом. «Эх, матушка родная! Народу бы нашему эту силищу!» — подумал Джаба.

Напротив стояли новенькие колокола. Словно цыплята к наседке, жалась они к огромному колоколу. А другие — надбитые — лежали вверх дном, напоминая вынутые из земли сломанные кеври — глиняные кувшины для хранения вина.

При входе в формовочную глаза резанул блеск расплавленного металла, лившегося из печи.

— Колокола и пушки малого размера мы теперь и зимой отливаем, — разъяснил мастер, с гордостью взглянув на своих многочисленных учеников.

Другую печь только заправляли металлом. Здесь же была и доска с нанесенными на нее весовыми соотношениями сплавов.

— Писать не позволю, не положено. А коли что так запомните — на здоровье, братья-христиане, — сказал Чохов и, пока Заза переводил, до-

бавил: «Не отпустят меня, а то хотел бы я побывать в вашей стране. Вот поглядели бы вы тогда на колокола и пушки».

— Ну и человек! — воскликнул Джаба. — Заза, учи наизусть... Клянись усами, пригодится. — Он оставил Зазу у доски, и сам принялся внимательно разглядывать печь, стараясь не пропустить самую малость.

И еще раз пришлось Зазе «учить наизусть», когда попали они в пороховой цех.

— Гляди-ка, видать, русский порох-то из другой смеси, — удивился Джаба, взглянув на цифры. — Попробуем и так. Эх, матушка! Может пригодится в будущем для гремской пушки.

А Чохов все объяснял гостям, как пользоваться «огненным боем» в борьбе против общего врага...

В кузне Джаба скинул чоху и, прикрывшись кожаным фартуком, показал хевсурский способ закалки холодного оружия, в ружейном цехе поделился гремским секретом воронения дула.

— Долг платежом красен! — Джаба скинул фартук и с сомнением спросил Зазу. — А выйдет все это у тебя по-русски, парень?

— Справлюсь! В точности «так на так» выведу!

— Ну, давай, не подведи. А уж пушку гремскую я сделаю.

День кончился. Поздно вечером возвратились довольные гости в избу Чохова. Здесь ждало их обильное угощение: щи, сало, дичь, различные пироги, сырники, ватрушки... Джаба в последний раз надул бурдюк и наполнил чаши. Ели долго. В ознаменование выздоровления Андрея и бабам налил «чёртовой крови».

Джаба развязал руку мастера, снял с нее тряпицы, мазь, и, оросив зажившее место кахетинским вином, сказал:

— На счастье, северный брат! Тысячу колоколов и пушек! Не забывай в своих молитвах и делах виноградный сок Грузии и добрую силу «турманаули».

...Но Андрей счел это «омовение» неполным. Он приказал принести простыни, полотенца, березовые веники и повел кахетинцев в русскую баню.

Во дворе, у входа в баню высился огромный сугроб. Низенькая дверь казалась пушечным жерлом. Она то и дело отворялась, и оттуда в клубах пара, впрямь, как ядро, вылетал докрасна распаренный человек и, вздымая снежную пыль, с хохотом прыгал в сугроб...

— Это пушкарки мои резвятся, — пояснил русский.

— Посмотри ты на этот народ! Подстать Царь-пушке. С ними не пропадешь! — Джаба вспомнил свою терзаемую многочисленными врагами родину. — Разве поверят всему этому в Греми? — задумчиво проговорил он.

— Поверят, обязательно поверят, — ответил Заза.

Олег и Ленька

РАССКАЗ

Лодка наискось перерезала Егорлык, накренилась и, шурша и вздрагивая, поползла плоским животом по мокрому песку.

Олег выпрыгнул на берег, накинул веревку на куст и затянул петлю. Трусики на нем были грязно-серые, цвета ила. На поясе, как кинжал, болтался нож в матерчатом чехле. Упругое тело, обласканное солнцем, водой и ветром, было сплошь покрыто темной бронзой загара. Нос шелушился, как спинка ящерицы во время линьки. Рыжий чуб выцвел на солнце и был лихо зачесан кверху — не гребенкой, а струей воды. Ресницы вымокли, поредели; маленькие, как смородинки, глаза шурились. Разлатые брови сбежались на переносье, придавая обветренному, худощавому лицу излишнюю суровость и деловитость. Подтягивая ремень, Олег посмотрел на сидевшего в лодке Леньку и рассмеялся.

— Эй, мокрая ворона! — крикнул он хриплым, ломающимся баском. — Выходи, причалили благополучно!

Ленька нехотя поднялся. На нем — красная рубашка, разорванная на плече. В доверчивых голубых глазах блестят слезы. Печально-молчаливый, с льняной челкой на лобастой голове, он готов был расплакаться: жалко рубашку. Да и как не жалеть? Ни у кого такой рубашки не было и нет. Один воротник чего стоит! Вся грудь открыта, как у матроса. Тут же два кармашка, а на них пуговики — белые, как горошинки. А какой цвет — не рубашка, а пламя! Вся красная, как огонь. В солнечный день на нее больно смотреть.

Ленькина мать купила рубашку в Ставрополе, на базаре. Когда Ленька надел ее и вышел на улицу, его сразу увидели все мальчишки, и даже те, кто жил на краю Грушовки. Подумали, что это знамя. Сбежались, подняли крик, завидовали Леньке. Пришел и Олег, молча пощупал пальцами материю, причмокнул губами.

— Где взял?

— На базаре.

— А ничего, дальновидная, — сказал Олег, как всегда рассудитель-
но. — Как флаг! И выгодная. При случае такой рубашкой можно любой
поезд остановить.

И вот такая рубашка была загублена. На плече дыра, рукав
мокрый, болтается. Нет, не надо было Леньке надевать ее на рыбалку!
Ехал бы, как Олег, в одних трусиках. И всему виной Олег. И зачем он
погнал лодку в камыши? Ничего там хорошего не было — одни комары да
стрекозы. А тут еще и лодка у ребят была какая-то удивительная. По
Егорлыку плавала исправно, спокойно, а забрались в камыш — и сразу
перевернулась. И отчего? Только оттого, что юркий черношейный нырок мя-
чиком выпрыгнул из воды. Олег загорячился, потянулся к нему, хотел
схватить рукой за хвост и — бултых! Леньку чуть лодка не накрыла. Он
рванулся в сторону, а тут, как назло, коряга. И как она ловко резанула
рубашку — самым острым ножом так не распороть. И все! Рукав болта-
ется, плечо лезет в дырку. А Олег усмехается. Насмешник! Разве так дру-
зья поступают?

Да, трудное это было плавание. Олег и Ленька кое-как подтащили
лодку к островку, перевернули ее, выплескали воду. Не всю, конечно. На
дне и сейчас темнела лужа, в ней, сонно раскрывая округлые рты, лежали
нанизанные на шнур десятка полтора усачиков. В сетке, сухо потрески-
вая клешнями, копошились раки. Лучше бы усачи и раки уплыли, а ру-
башка была цела!

Вытирая кулаком слезы, Ленька не мог смотреть ни на Олега, ни на
раков. Он думал о том, как придет домой и как покажется на глаза мате-
ри. Хорошо, если отец вернулся с фермы. Человек он смирный. Может, и
побурчит, пожурит. Ему тоже будет жалко рубашку, но бить не станет.
А вот мать? Очень она сердитая. От одной мысли, что ему с полуоторван-
ным рукавом придется войти в хату, по телу у Леньки поползла зябкая
дрожь.

— Видишь, как я дрожу, — сказал Ленька. — Может, заболел. Мно-
го купался и что-то мне сильно холодно. Тебе тоже холодно, Олег?

— Тю, дурной! — возразил тот. — У меня и в привычке нету, чтоб
мерзнуть или болеть. Да разве от купанья можно заболеть? Ты перепу-
гался там, в камышах, — это факт!

— Да, факт! Тебе хорошо.

— Что — «тебе хорошо»?

Олег вдруг вскочил в лодку, цепкими руками схватил Леньку и зара-
ботал кулаками.

— Ты чего дерешься? — обиделся Ленька. — Полез в камыши, ныр-
ка не изловил и рубашку погубил... Смотри — пропала рубашка! И еще
дерешься!

— Леня, разве я хотел? Честное слово — не хотел. И откуда вывер-
нулся тот нырок? Будто из-под лодки! Если бы не нырок, все было бы хо-
рошо. Но ты не горюй, мы твой рукав в одно мгновение пришьем. Только
вот беда — нету иголки и нитки.

Они вылезли из лодки и уселись на прибрежный песок, мягкий и еще
теплый. Солнце только что скрылось за бугром, бросив на Егорлык жар-
кий отблеск.

— Ну, как я пойду домой? — тихо сказал Ленька. — Знаешь, какая у
меня мать?

— Знаю. Но ты ее не бойся. Я тебя выручу из беды!

— Ты? А как?

— Вот этого я пока и сам еще не знаю.

— Не знаешь! А чем хвалишься?

— О! Хочешь сразу? Я еще не придумал, но придумаю. — Олег сочувственно положил руку на голое плечо друга, покачал головой, хмуря брови. — Да, трудно тебе. Послушай, что я придумал. Мы просидим здесь дотемна. Ночью не будет видно, какого цвета твоя рубашка. В темноте мы пройдем ко мне. Хитро придумал, а?

— Не очень. Новый день наступит, тогда что? Не будет же все время ночь?

— До утра мы что-нибудь сообразим.

Вечер наступал быстро. За Егорлыком, где-то далеко-далеко в холмистой степи потух закат. Густели сумерки, меркли краски. В чистом бледно-синем небе одиноко мерцала звезда. Потемнела река, ее берега сделались низкими, чуть приметными.

Олег пошел в лодку, взял удилица, нанизанную на шнур рыбу, сумку, в которой все еще шумно двигали клешнями раки. Позвал Леньку. Вдвоем они вытащили лодку на песок, понадежнее привязали к кусту веревку. Снова уселись.

— Вот коряга так коряга тебе попалась! — сказал Олег, помахивая удилицем. — И как это она так неудачно на тебя налетела? Просто смех!

— Не она на меня, а я на нее, — ответил Ленька, тяжело вздыхая.

— Леня, а почему ты не хочешь со мной поступать в техникум? — вдруг спросил Олег. — Знаешь, как это будет здорово! Учителя там не такие придиры, как в школе, и вообще...

— Что — вообще?

— Есть прямой расчет поступать в техникум. Три года поучимся — и готово! Станем специалистами.

— По овечкам? Нашел специальность.

— Не только по овечкам. По всем животным.

— Будешь лошадей и коров лечить? — Ленька усмехнулся. — Мне такое занятие не подходит. Хватит, что мой отец всю жизнь с бугаями возится. Знаешь, какие они страшные?

— Боишься, Лень?

— Нет, а просто не нравится мне это дело.

— Кем же ты будешь? Думал?

— Еще не очень... Может стихи буду писать, как Лермонтов.

— Глупость! Куда тебе, Лень, до Лермонтова. Давай, будем всегда вместе. Я твердо решил — в техникум. От учителей побыстрее избавлюсь. Вот только, Лень, как быть? Не комсомолец я и не знаю, примут ли меня в техникум.

— Подавай заявление в комсомол. На экзаменах у тебя двоек не было.

— Зато троек много, а пятерки ни одной. — Олег вздохнул. — Думаешь, без пятерок примут?

— А почему не принять? Сам по себе ты боевой.

— Это-то да! За это, конечно, могут принять. — Олег лег на спину, раскинул руки. — Эх, смотрю я в небо, на эти звезды, а в голове, знаешь, Лень, что у меня? Не знаешь? Хочется что-то сделать, а вот что — не придумаю. — Олег закрыл глаза, помолчал. — Леня, знаешь что? Поплывем на лодке! Нет, правда, поплывем по Егорлыку? Какая это будет красота! Ночь, вот как сейчас, звезды над нами, а мы одни — плывем и плывем...

— И куда?

— А куда вода понесет, туда и поплывем, — не задумываясь, ответил Олег. — Далеко от Грушовки причалим к берегу, разведем костер, сварим обед, и снова понесемся по Егорлыку! Хочешь? А?

— Хочу, — поддаваясь тому же мечтательному настроению, сказал
Ленька. — А как же наши?

— Кто — наши? — Олег привстал. — Ты это о ком?

— Ну, мать, отец? Они будут знать?

— Удивляюсь, Лень, какой же ты мамкин. Мы уже взрослые, самостоятельные. Уплывем — и все!

— Олег, слышишь, как в животе бурчит? — неожиданно спросил
Ленька. — Есть хочется — страсть. А тебе тоже хочется?

— Еще как! С утра ничего не ел. Только я терпеливый. Могу и два
дня терпеть. Надо, Лень, силу воли вырабатывать. В жизни пригодится.

— Пробовал. Не получается. Пойдем домой? А?

— Уже стемнело, теперь можно, — согласился Олег, взглянув на не-
бо. — Ну, встали! Посмотри на свою рубашку? Какого она цвета?

Ленька промолчал. Друзья забрали удилица, рыбу, раков и напра-
вились в Грушовку. Шли напрямик по выгону. Олег — впереди, шагал
крупно, Ленька — следом, еле поспевая. Ленька спешил, спотыкался —
под босые ноги попадались то колючки, то кротовые курганчики, то кочки.
«И чего он так летит — не угонишься, — думал Ленька, прибавляя
шаг. — Не может идти нормально».

Когда показались рассыпанные по пригорку хаты Грушовки и в окнах
светлячками заблестели огоньки, Ленька снова вспомнил о рубашке и за-
грустил — рукав лежал у него в кармане.

— Придумал! — крикнул Олег так, что Ленька остановился. — Зна-
ешь, что мы сделаем? Ни за что твоя мать не догадается! Я отдам тебе
свою рубашку! Понял? Вот здорово! Ну, что ты молчишь?

— Да, знаю я твою рубашку. Она не красная. А нужно красную.

— Это точно, она не очень красная, но зато розовая. — Олег поду-
мал, почесал затылок. — А ночью не распознать. Наденешь и пойдешь к
матери. Не узнает. Давай поспорим! А свою рубашку ты оставишь у нас,
и ее моя мать починит. Она все умеет... Ну, хочешь?

— Что мне теперь делать, — грустно ответил Ленька. — Хочу.

* * *

В тот предвечерний час, когда наши рыболовы вытащили лодку на
берег, сухой треск мотоцикла нарушил тишину крайней от Егорлыка гру-
шовской улицы. В седле горбился мужчина в ветровых очках и в паруси-
новом, нараспашку, пиджаке — ветер рвал полы, трепал и раздувал их,
как крылья. Усатое его лицо, крупная, повязанная косынкой голова бы-
ли припудрены пылью. На багажнике подпрыгивал тощий рюкзак.

Наклонясь вперед и держа руль в сильных руках, мотоциклист про-
тянул по улице ровную строчку пыли и подкатил ко двору матери Оле-
га — вдовы Анастасии Гребенковой. Калитку толкнул передним колесом
и, опираясь ногами о землю, подрулил к порогу. Поставил машину на ро-
гатки, снял очки, сорвал с чубатой головы повязку и, вытирая ею лицо,
осмотрелся.

— Эй, хозяйева! — крикнул он и постучал в дверь. — Настенька!
Олежка! Племянницы! Да есть тут живые люди?

— Кто такой шумливый?

Из сарайчика, нагибаясь в дверях, с ведром вышла Анастасия. Сле-
дом за ней появился телок, слизывая молоко с шершавых губ. Анастасия
увидела приезжего и уронила пустое ведро.

— Гриша? Братушка! — всплеснула она руками. — Откуда ты при-
летел?

— Прилетел — это верно. — Григорий подошел к сестре, обнял ее. —

Лечу в Ставрополь получать стригальные аппараты. Вот и завернул в Грушовку. Завтра пойду к Ярошенке просить грузовики. Жаркая у нас наступила пора, Настенька. Отмахал степью километров триста и вот приземлился возле твоего порога.

— То-то весь побелел. — Анастасия пригладила ладонью чубрину брата, потрогала усы. — От пыли, Гриша?

— От нее, — с улыбкой ответил Григорий. — Сухошей у нас гуляет. Жжет все. Ну, сестренка, дай воды седину смыть.

Анастасия пошла в хату, принесла ведро с водой, кружку, тазок, мыло, полотенце. Григорий снял пиджак, рубашку. Умывался охотно, старательно. Сестра поливала из кружки на широкий коврик его ладоней, на, словно просмоленную, шею. Вода, стекая с плеч, мочила волосатую, как клочок овчины, грудь, струйками сочилась по мускулистой спине.

Анастасия смотрела на жилистую мужскую спину, на ленточки стекавшей по пояснице воды и вспомнилось ей, как вот так же, посреди двора, июльским вечером сорок второго года умывался ее муж. Сапоги на нем были истоптаны, изъедены грязью. На пороге лежал автомат, прикрытый побуревшей от пыли и пота гимнастеркой. Полк, в котором служил Андрей Гребенков, без боев отступал за Маныч. На короткий привал полк остановился в соседнем селе — Кугульте. Андрей забежал домой на часок. Успел умыться и повидаться с семьей. Он вытирал полотенцем смуглую шею, смотрел на Анастасию, державшую на руках ребенка. Глаза у Андрея глубоко ввалились, в глубине их теплилась невысказанная тоска. Надел гимнастерку и взял на руки сына. Развернул пеленку и остановившимся взглядом рассматривал крохотное личико. Вглядывался в тонкий карандашный след бровей, в несмышленные черные глазенки. Брал губами нежные пальчики, улыбался молча. Две старшие дочери — Ольга и Соня — стояли тут же, поджидая отцовской ласки. Свободной рукой Андрей привлек к себе и дочерей...

В сумерках, прощаясь за воротами, Андрей обнял Анастасию, ладонью вытер слезы у нее на щеках, торопливо поцеловал.

— Спасибо тебе, Настенька, за Олежку — славный у меня сынишка... Только ты его сбереги. Может, случится, не вернусь... Ну, не надо, не плачь. Олег весь в меня. Пусть продолжает мой род. Ну, что ты, Настенька! Слезами нашему горюшку не поможешь... Ну, прощай.

Ушел в заведеревшую даль и не вернулся...

— Настенька, ты чего такая грустная? — спросил Григорий, беря из рук сестры полотенце. — Или не рада гостю?

— На тебя засмотрелась и Андрея вспомнила, — вздохнула та и, желая переменить разговор, спросила. — А пыль-то у тебя, Гриша, не отмывается? Ой, братушка, как же ты постарел.

— Да, седину не смоешь, — отшутился Григорий. — А может тебе показалось? Редко я у тебя бываю. Сколько это мы не видались?

— Кажется, второй годок.

— Ну, рассказывай, как живешь? — спросил Григорий, когда они вошли в хату и Анастасия угостила брата парным молоком. — Вижу, корова у тебя отличная, молоко свое. Есть телок, свинья, куры. Работаешь все там же — дояркой?

— На ферме, привыкла, — ответила Анастасия, глядя на брата и подперев щеку кулаком. — О своей жизни я тебе писала. Дочек выдала замуж — одну зимой, другую весной. Просила тебя приехать на свадьбу, не приехал.

— Не могу от отар оторваться. А где ж наследник?

— Ох, горе мне, Гриша, с этим наследником.

— Что так?

— Какой-то он растет чудной. Непоседа!

— Чего удивляешься? Знать, в отца пошел. Помнишь, каким был Андрей в молодости?

— Помню, как же! А тут еще в наш Егорлык пришла Кубань. То, бывало, в эту пору Егорлык пересыхал, а теперь живет. Хорошее дело — Кубань, вода своя, а только разбаловались на воде дети — удержу нету. Как что — на Егорлык купаться или рыбачить. Мой Олег все дни пропадает там. Непослушный, неласковый. Где-то раздобыл лодку. На зорьке уходит со своим дружкой Ленькой, а вечером заявляется. Беда!

— В школе как у него? Не провалился?

— С грехом пополам семилетку кончил.

— Что решаешь дальше? Будет десятилетку кончать?

— Ты его спроси. Самонравный стал. — Анастасия тяжело вздохнула. — Я уже с ним вела разговор, да что толку. Влезло ему в голову быть специалистом по овцам. Рвется в техникум. Тут, у нас в районе. Но какой из него будет ученый?

— Кем же он намеревается стать? Зоотехником или ветеринаром?

— Разве он скажет? Узнал, что его отец был чабаном. Буду, говорит, ученым по овцам — и все. Потолковал бы ты с ним, Гриша. Отговори его от овец, пусть бы лучше кончал десятилетку.

— Я тебе, сестра, так скажу: что к овце его тянет — хорошо, — одобрил Григорий. — Но перед тем, как поступить в техникум, пусть он поживет у нас, в Сухой Буйволе, походит за отарами — это ему было бы на пользу.

— Чабаном хочешь его сделать? — удивилась Анастасия. — И не думай, Гриша.

— Ну, что ты! В чабаны он не годится. — Григорий улыбнулся, погладил усы. — Ветеринаром же собирается быть в отаре, а настоящую овцу и в глаза не видал. Да и тебе с ним трудно. Вот и пусть поживет в Сухой Буйволе. Егорлыка у нас нет, вода в прудах. Но зато какие овцы! А что за трава! Шелк, а не трава! Глянешь в даль — сплошное море. Подойдешь поближе, а море отступит. Ты к морю, а оно от тебя, ты к морю, а оно от тебя, — так и манит, так и манит. И по этому морю идут отары. Правда, в этом году у нас сушь, суховеи всю траву съели. Шерсть сухая, обезжиренная. Через то и стрижку затянули на неделю.

— Красиво толкуешь, братушка, о травах, о степях. И мне эта красота знакома. — Анастасия грустно посмотрела на Григория. — Только не вздумай при Олеге расхваливать эти свои степи да степные моря.

— А то что ж?

— Сманишь парнишку. Сбежит.

— Да и пусть бежит! — засмеялся Григорий. — Вот я возьму его и увезу. Что тогда?

— И не думай, Гриша, — с обидой в голосе сказала Анастасия. — Он у меня один, и я его не отпущу от себя никуда.

— И в техникум?

— Ну, то тут, близко. Покойный Андрей наказывал, чтоб Олег всегда был со мной. Дочек повыдавала замуж, а сына не отпущу. Да и мал он еще.

— Эх, наседка! Парню четырнадцать годов, а ты — мал? Не заметила, как птенец подрос и под твоим теплым крылышком ему стало тесно. Почему ж дочек не удерживала?

— То дочки.

Анастасия не договорила. За окном, поджидая хозяйку, повизгивали поросята, мычал телок. Она ушла управлять по хозяйству. Вернувшись сказала, что ей пора на ферму, — скоро коровы придут с пастбища и

начнется вечерняя дойка. Помыла руки, повязала голову косынкой, взяла на руку халат.

— Побудь, Гриша, один. Я скоро вернусь. Да и Олег вот-вот зайвится с рыбалки. Только не заводи, Гриша, с ним разговор о Сухой Буйволе.

— Хорошо, сестра, не буду.

В хату заползли сумерки. Поджидая племянника, Григорий прошелся по двору, вкатил под навес еще теплый мотоцикл. Возле стены — толстый настил сена, раскинутое рядом, две смятые подушки и байковое одеяло. «Надо полагать, тут ночует главный хозяин», — подумал Григорий и прилег на сухо хрустевшую постель. Вытянул ноги, заложил руки за голову. Только теперь ощутил усталость во всем теле. Из-под навеса был виден темный небосклон, и на нем одиноко горела вечерняя звезда. Незаметно ложилась на село теплая южная ночь.

Стукнула калитка. Григорий услышал шаги босых ног и приподнялся. Во двор входили рыболовы с удищами на плечах и с уловом. Олег — впереди, а Ленька — сзади. Смело, как и подобает хозяину, Олег направился в хату, зажег свет. Ленька остался возле порога.

— Леня, чего стоишь? — крикнул Олег, распахнув рамы. — Не бойся, матери нет.

— А рубашка? — спросил Ленька, заглядывая в окно. — Как же мы ее найдем без тети Насти?

— Отыщем и сами. Иди сюда! Давай сперва рыбу поделим.

— Да ну ее, эту рыбу!

— Иди, иди в хату.

Через некоторое время друзья появились возле калитки.

— Ну, вот ты и в рубашке, — сказал Олег. — Будто и не цеплялся о корягу. Не тесная?

— Ничего, в самый раз. Только не очень красная.

— Кто ее ночью разберет! Да и временно она на тебе, пока мать починит твою. — Олег проводил друга за калитку. — Леня, отнесешь домой рыбу, приходи ночевать, а? Буду ждать!

— Ладно, приду!

Когда Григорий вошел в хату, Олег потрошил на столе рыбу.

— Ну, как, парнище? — спросил Григорий. — Уху будем варить или поджарим усачиков? Ты чего так смотришь? Или не узнал?

— Дядя Гриша?

— Он самый. — Григорий взял Олега за плечи, приблизил к себе. — Ох, и вытянулся ты! Смотри, какой стал длиннющий.

— Мне, дядя Гриша, еще тянуться и тянуться. У нас есть ребята и выше меня. Ленька, правда, пониже. А ты как к нам попал?

— Случайно.

— Слушай, дядя Гриша, поедем завтра на рыбалку? У нас теперь рыба кубанская...

— Еще, чего доброго, и я лишусь рубашки. — Григорий хитро сощурил глаза.

— Это ты насчет Леньки? — Олег насупил брови, шмыгнув носом. — Так он ее вообще не лишился, а только рукав оторвал. За корягу зацепился. Сам я удивляюсь, как он наскочил на эту корягу.

Ужин готовили вдвоем. Растопили печку, сложенную из камня посреди двора. Солома горела шумно, пламя из короткой черной трубы вырывалось жарким столбом. К приходу Анастасии на столе сладким паром дымилась уха, на сковородке лежали зажаренные усачи. Олег проголодался, похваливал уху и ел с завидным старанием, вылавливал разваренные куски рыбы, обсасывал косточки. После ужина, смеясь и крас-

нея, он рассказал о случае в камышовых зарослях и попросил мать починить ленькину рубашку.

— Только это, мама, строго секретно. Ладно?

— Ладно, ладно. Чего уж там.

Анастасия поставила на стол швейную машину и занялась ленькиной рубашкой. Олег пригласил дядю Гришу спать под навесом. Он взял подушку, одеяло и ушел готовить дяде постель.

— Рано уедешь, Гриша? — спросила Анастасия, пристрачивая рукав.

— Надо подняться с зорькой, чтобы Ярошенка застать дома. Как бы не проспать.

— Не бойся, Олег разбудит. Ты только ему скажи, — Анастасия улыбнулась и вытерла концом косынки глаза. — Верись, другие дети любят утром поспать. Вот хотя бы и мои дочери. Утром, бывало, не добудишься. А Олег — нет, сам подымается с петухами.

Боясь, как бы сын не уехал с Григорием, она просящим взглядом посмотрела на брата и еще раз попросила не говорить с Олегом о Сухой Буйволе, о травах и овцах.

— Да и с кем же я буду разговор вести? — Григорий усмехнулся. — Твой рыболов так намаялся на Егорлыке, что давно уже затянул храпка. Да и мне что-то спать охота. Дорога дальняя, тряская. Пойду отдыхать.

* * *

Григорий ошибся. Олег и не собирался спать. Он встретил Леньку и участливо спросил:

— Ну, как? Все благополучно?

— Полный порядок! Мать даже похвалила за рыбу.

— А ты струсил! Со мной, Леня, ничего не бойся! — Олег присел на постель, усадил рядом Леньку и таинственным голосом проговорил: — Леня, есть одна важная идея. Ты знаешь, что такое Сухая Буйвола?

— Впервые слышу. А что?

— Так запомни: Сухая Буйвола — это наша конечная остановка. Теперь все, решено и подписано: мы плывем по Егорлыку и причаливаем к сухо-буйволинским берегам.

— Это что, приснилось тебе?

— Чудак! Это мое окончательное решение!

— Ну, причаливай один. Я не поплыву.

— Вот чудак! Ты ж еще не знаешь, что к нам приехал дядя Гриша из Сухой Буйволы. Ты понимаешь — дядя Гриша? Он был у нас, когда мы еще учились в пятом. Такой усатый. Неужели не помнишь? Так вот этот дядя Гриша — главный чабан над всеми чабанами! И мы поедем к нему, будем ходить за отарами. Это нам в техникуме пригодится. Ты, Леня, только подумай: степь, ночь темная. Немного, конечно, страшновато. Но вокруг нас чабанские собаки — надежная стража. Сухая Буйвола! — мечтательно произнес Олег. — Красиво, а? Сухая Буйвола! Стоит село, а вокруг — степь и степь. Трава — в рост человека. Чего ты смеешься? Не веришь? А я точно знаю, трава растет — во! По плечи! И цветов много. По траве идут отары — тысячи овец! А какие собаки! Волкодавы! Чуть где появится волк — они сразу туда. Находят, смело бросаются и — в клочья! Ни за что не уйдет волк. Вот это, Леня, собаки. Не то, что твой Черныш.

— Черныш совсем другой породы, — возразил Ленька. — Черныш

— пес умный, умнее любой собаки. Он только что не умеет говорить, а понимает все. Ему бы в цирке выступать.

— Сухая Буйвола! — не слушая Леньку, сказал Олег.

— Почему такое название? — спросил Ленька. — Сухая — это еще понятно. Значит, сушь кругом, село степное, без воды. А почему еще и Буйвола?

— Там много буйволов, — смело ответил Олег. — Знаешь, что такое буйвол? Похоже на корову или на быка, только красоты не имеет. Сухая Буйвола — это, Лень, такое красивое место! Поплывем, а? Хочешь?

— Не хочу, — ответил Ленька. — Да и дядя не разрешит.

— Кто не разрешит? Дядя Гриша? Да он еще и обрадуется. Тихо. Он идет.

Олег и Ленька укрылись одеялом, притаились. Думая, что ребята спят, Григорий молча отыскал в темноте свое место, сел. Начал раздеваться. Снял сапоги, уложил под подушку пиджак. Лег и, шумно зевая, заложил руки за голову. Олега душил смех. Он толкнул Леньку в бок и крикнул:

— Дядя Гриша! А мы еще не спим!

— Что ж так? — спросил Григорий. — Или бессонница у вас?

— Да нет, какая бессонница!

Григорий поглаживал усы, улыбался. Под навес лезли усиленные темнотой ночные звуки. В соседнем дворе таякала собака. Тяжело вздыхала корова в базу. Над крышей прошумела сова. Майский жук загудел и шлепнулся, как орех, о землю где-то тут, у входа.

— Дядя Гриша, — заговорил Олег, — возьми нас с Ленькой в Сухую Буйволу.

Григорий ответил не сразу: не ждал такого вопроса.

— Куда ж я вас посажу? — спросил он. — На моем мотоцикле не уместитесь, а пешком до Сухой Буйволы и за месяц не доберешься.

— А мы своим транспортом уп... уедем.

— Каким?

— По Егорлыку!

— По воде в Сухую Буйволу не приплывете. — Григорий поднялся на локоть. — Нету до нас водного пути. Да и что вы будете там делать?

— Овец пасти, — смело отвечал Олег. — И вообще... Мы все умеем делать. Возьми, дядя Гриша.

— Нет, не возьму, — решительно заявил Григорий. — Надо еще подрасти.

— Да мы уже подросли!

Ленька толкнул Олега в бок и шепнул ему на ухо:

— А что, обрадовался твой дядя?

Олег погрозил Леньке кулаком. Тот отвернулся и умолк.

— Дядя Гриша, — не унимался Олег, — а далеко от Грушовки Сухая Буйвола?

— Она стоит аж на краю света.

— И неправда. Нет, скажи, далеко? На лодке в Сухую Буйволу можно доплыть?

— Эх, лодошник! Я говорил тебе, что реки и близко у нас нет. Пруды — это да, имеются. И много прудов.

— Дядя Гриша, а какое село на Егорлыке самое близкое от Сухой Буйволы?

— Самое близкое? — Григорий подумал, помолчал. — Ежели от Сухой Буйволы пойти степью напрямки, то попадешь в Журавку.

— Сколько километров? — допытывался Олег. — Хоть приблизительно?

— Может сто, а может и побольше.

— А от Грушовки до Журавки? Ежели идти по Егорлыку?

— По Егорлыку не ходил, не знаю, — неохотно ответил Григорий.

И чего ты пристал с расспросами. Спи!

Ленька согнулся калачиком и в разговор не вмешивался. Его окутывал такой сладкий сон, а подушка была такая мягкая и так хорошо на ней было лежать, что он с трудом приоткрывал отяжелевшие веки. Ему хотелось понять, о чем Олег говорил со своим усатым дядей, но голоса их сливались. Засыпающий Ленька слышал: «Журавка...», «Сухая Буйвола...». Звуки рождались и пропадали. «И на что Олегу эта Журавка, — сквозь сон думал Ленька. — Сам не спит и другим не дает... Журавка, Журавка... Там живут журавли... Или буйволы... Некрасивые коровы... А что такое Сухая Буйвола? Ты знаешь, что такое...» И уснул.

— Дядя Гриша, — сказал Олег, смеясь. — И это называется друг?

— А что?

— Засвистел носом, сонуля! Прямо, как маленький. До того любит спать — беда!

— А ты?

— Меня тоже сон иногда берет, но я с ним борюсь. Закаляюсь. — Олег помолчал. — Я вырабатываю в себе стойкость.

— Что ж, правильно, — поддержал Григорий. — Стойкость, закалка для жизни необходимы. — И он потянулся рукой к племяннику, погладил его по голове. — Мать мне говорила, что ты хочешь поступить в техникум...

— Такое решение давно принято.

— А Ленька?

— И он тоже. Мы всегда вместе!

— Одобряю, — сказал Григорий. — Практикуйтесь, Олежка, по овцам. Почему? Потому, что овца — это же для народа золото. Она дает людям шерсть, и какую шерсть? Без овцы трудно жить... Костюм, пальто — все это дает овца. Твой батько, Андрей Игнатьевич, был примерным овцеводом. Мы с ним вот такими же, как ты, подростками пришли в отары и взяли ярлыги. Сколько исходили, истоптали нехоженных тропочек и дорожек! Твой дедушка тоже всю жизнь чабановал. Иди, иди, Олежка, и ты той же дорогой. Это хорошо, я одобряю. У батька твоего и у деда не было знаний — все они делали на ощупь, как впотьмах. А ты будешь овцеводом ученым.

— И буду, — уверенно заявил Олег. — Дядя Гриша, возьми меня и Леньку в Сухую Буйволу. Правда, Ленька — сонливый, но это ничего, пройдет. А я любую ночь могу быть возле отары — ни за что не усну! Возьми...

— Я-то взял бы, хлопцы вы бедовые, а только есть одна причина...

— Какая?

— Секретная. — Григорий вздохнул. — Ты вот что, Олег, сперва поучись, окончи техникум, познай в теории всю чабанскую науку. Когда кончишь курс, — просись в Сухую Буйволу.

— А разве нельзя сперва поработать? — спросил Олег. — Побуду год или два в отаре чабаном, а тогда поеду учиться. Я еще очень молодой.

— Это верно — молодой, — согласился Григорий, — и пока молодой — учись. Да и чего тебе сейчас ехать в Сухую Буйволу? Баклуши там бить? Ведь чабановать все одно не сможешь. А тогда приедешь ученым. Лечить у нас есть кого. Более шестидесяти тысяч мериносов ходят по степям. А какие у нас степи! А травы! А озера! Куда ни глянь... — Григорий умолк, вспомнив наказ сестры. — А вообще, говоря по совести, место у нас некрасивое. Ну, посуди сам, что это за место? Ни тебе речки, ни де-

ревца. Суховеи подуют, выпьют воду в прудах, сожгут траву. А зимой завоюют степные вьюги, подымутся снежные бураны...

Олег слушал и не заметил, как уснул. Во сне он видел Егорлык под горячими лучами солнца. Река лежала широкая, как море, а по ней неслась лодка — это плыли Олег и Ленька. Видят: на берегу стоит большое село — это Журавка. Лодка причалила к берегу. И вдруг послышались частые выстрелы. Олег поднял голову и улыбнулся. Нет, его не обманешь и во сне! Это не выстрелы. Это дядя Гриша завел мотоцикл. Но вставать Олегу не хотелось. Через минуту он все же поднял голову. Дяди Гриши рядом не было. Белел восток, просыпалось село.

— Ленька! — крикнул Олег, вскакивая. — Вставай, уже день наступил! Надо собираться в дорогу.

— И чего ты горячишься? Кипяток! — Ленька не вставал и не открывал глаз. — Кто нас ждет в той Сухой Буйволе? Слышал же, дядя Гриша не желает, чтобы мы к нему ехали. А мы заявимся. Здравствуйте, приехали!

— Ты плохо еще знаешь дядю Гришу, — стоял на своем Олег. — Это он хочет нас испытать, понял? Есть такие люди — любят других испытывать. Если тебя пригласят да еще посадят на машину и увезут — так всякий дурак может попасть в Сухую Буйволу. А вот ежели тебе не дозволяют, а ты рвешься и своего добиваешься — вот это да! Ты вот спал, а я с дядей Гришей всю ночь разговаривал. Он мне сказал, что мы вообще подходящие, а только у него есть какой-то секрет и через это нельзя нам ехать с ним. Он наше решение пойти в техникум одобрил!

— Твое решение, — поправил Ленька. — Я не решал.

— Я сказал, что мы всегда вместе. Дядя Гриша хороший, он во всем за нас. Говорит, кончите техникум и проситесь ко мне, под мое руководство. Он в душе и сейчас за то, чтобы мы приехали в Сухую Буйволу. Да поднимайся ты, сонуля!

* * *

На зорьке Григорий взбудоражил грушовских собак, с «ветерком» пролетел по улице и затормозил возле домика правления колхоза. Поставил мотоцикл у калитки и, стуча сапогами о ступеньки крыльца, направился в дом. Спросил у сторожа, есть ли кто в правлении. Сторож кивнул на дверь, сказал:

— Ярошенко тут... Еще с темна заявился.

— Не спится председателю?

— Должность бессонная.

Ярошенко услышал стук мотоцикла и быстрые шаги в коридоре.

— И кого это нелегкая принесла в такую пору? — сказал он, щуря немного косивший левый глаз. — Не иначе — гонец от трактористов.

Григорий распахнул дверь, поднял руки.

— Это я, Кузьма!

— Гриша! — Ярошенко вышел из-за стола. — Здорово, чабанский главарь! Удивляюсь — из Сухой Буйволы, и в такую рань? Или ты всю ночь гремел по степи?

— Зачем же мне греметь всю ночь? — весело отвечал Григорий. — Я ночевал у сестры. Нарочно поднялся с петухами, чтобы тебя застать в селе.

— И правильно сделал... Через час уеду.

Они закурили. Григорий говорил, что ему необходимо сегодня перебросить из Ставрополя в Сухую Буйволу недостающие стригальные аппараты, и нужны грузовики для вывозки шерсти. Ярошенко слушал, наклонив бритую голову, потом спросил:

— Давно начал стрижку?

— Позавчера.

— Сколько понадобится грузовиков?

— Пять.

— А меньше нельзя?

— Да ты посуди сам, Кузьма...

— Что мне судить, я не суд. Дам, чего там.

— Еще есть просьба к тебе, Кузьма. Выручай! Помоги племяша переправить к чабанам.

— Олега?

— Его. Пусть побегает сакманщиком.

Ярошенко рассмеялся, бритая его голова порозовела.

— Нашел сакманщика, нечего сказать! Это же не хлопец, а сорви-голова! Ему не за овцами ходить, а быть предводителем шайки — это да! Удивляюсь, в кого только уродился, сорванец! Отец у него смирный был человек. — Ярошенко развел руками. — Уволь, Гриша! Тут я тебе не помощник. Боюсь, чтобы не получилось у тебя, как у той безрассудной бабуси: жила себе, старая, тихо-мирно, и вдруг пришло ей в голову купить поросся. Смотри, Гриша, переправишь в Сухую Буйволу племяша себе же на горе.

— Не просил бы тебя, да есть одна важная причина, — доверительно заговорил Григорий. — Вчера я поговорил с Олегом. Парень решил овцеводом стать. Я одобрил. Пусть выходит на дорогу своего отца и деда Гребенкова.

— А хитер ты, Гриша, — с улыбкой сказал Ярошенко. — О смене беспокоишься.

— И о смене, — согласился Григорий. — Да и Настеньке с ним тяжело. Весь день она на ферме, а Олег по Егорлыку плавает. Ему дело нужно найти. Тесно Олегу в Грушовке, а у нас, сам знаешь, какой вокруг стелется простор.

— Приобщить парня к овцам — дело хорошее, — рассудительно заговорил Ярошенко. — Да отпустит ли Анастасия? Это же, я знаю, такая насадка, что беда!

— В том-то и вся штука, — не отпускает. — Григорий положил руку другу на плечо. — Тут, Кузьма, без хитрости нам не обойтись. Олега надо послать в Сухую Буйволу по путевке, и не одного, а с его дружкой Ленькой Завьяловым. Кузьма, прошу тебя, как друга, выдай им путевки или какое решение правления. Нужен документ, и тогда самая сердобольная мамаша, вроде моей сестры, не станет возражать. Ты чего скалишь зубы?

— Смешно! Похоже на детскую игру.

— Нет, все делай всерьез. Скажи, что я дал заявку на сакманщиков. Это — первое. Второе — вызови Олега и Леньку к себе и без всяких шуток потолкуй с ними по-взрослому. Вручи им бумагу с печатью, с первой же попутной машиной направляй в Сухую Буйволу, так сказать, в полное мое распоряжение.

— Ладно, Гриша, соглашаюсь только ради нашей давней дружбы. — Ярошенко махнул рукой. — За успех не ручаюсь, но попробую. А теперь пойдем в гараж и скажем шоферам, чтобы снаряжали в дорогу полуторки.

Через час взошло солнце. Две полуторки выехали на улицу и двинулись к шоссе. Впереди пылил на мотоцикле Григорий. Ярошенко стоял на улице и смотрел вслед уехавшим машинам. К нему подошел отец Леньки — Трифон Завьялов, в белом фартуке, похожий на дворника.

— Доброго здоровья, Кузьма Кузьмич! — сказал он, тронув пальцем козырек выцветшей на солнце фуражки.

— Привет, Трифон Савельевич! Ну, как там поживают твои кра-
савцы?

— А что им? Живут да люцерну жуют. — И кивнул на оседавшую
по улице пыль. — И полуторки укатили за лесом?

— Сухо-буйволинский чабан угнал.

— Гришка? По какому делу он сюда заявился?

— Грузовики понадобились.

— Шерсть возить?

— И шерсть, и в Ставрополь прибыли стригальные машины. В Су-
хой Буйволе уже началась стрижка, пора горячая.

— Машиной шерсть снимают? Без людей?

— Без людей не обойтись. Григорий просил сакманщиков в отары.

— Есть охотники?

— Пока нету. Как думаешь, Трифон Савельевич, кого из мальцов
можно послать к чабанам? Сказать, твой сынишка мог бы согласиться?

— Мой Ленька? — Трифон Савельевич снял фуражку, почесал за
ухом.

— А что?

— Да ты и палкой туда его не загонишь, — со смехом ответил Три-
фон Савельевич. — Мы хлеборобы, а наши детки на овечек или там на
коров что-то не поглядывают. Норовят пристроиться к городской жизни,
на асфальт их тянет. Костюм, к примеру, им нужен, молоко, сметану им
подавай, а овца и корова не нужны. По своему семейству вижу. У меня
их было шестеро, а остался дома один, и тот временно. Как подрастет,
постреленок, вберется в перья, окрепнет, так — порх-порх, улетел, только
его и видал. И Алексей улетит, это я точно предсказываю. Как же, этот
даже стишки пишет, на Лермонтова косится. Так что вскорости оконча-
тельно опустеет завьяловское гнездо.

— Вот это, Трифон Савельевич, плохо.

— А я и не говорю, что хорошо. Каково родителям? Вскормили, обу-
чили, а они разбежались, кто куда.

— Не приучаем, Трифон Савельевич, детишек сызмальства к кре-
стьянскому труду.

— Да как же его приучишь? И рад бы... Скажу тебе, Кузьма Кузь-
мич, у меня хранилась надежда насчет Леньки. Думал, что хоть этот, пос-
ледышек, приохотится к моему занятию и заменит меня в бугаятне. «Ле-
ня, — говорю, — может станешь бугаятником? Ухаживать за бугаями —
дело тонкое, оно требует умения и вообще душевности».

— А он что же?

— Смеется.

— Побеседовал бы ты с ним сурьезно, по-отцовски.

— Пробовал. Куда там — и гладиться не дается. Он же еще ни разу
не был в бугаятне. Черного, простого труда побаивается.

— Вот теперь я вижу, — твоего последыша непременно надо коман-
дировать к чабанам! Пусть приглядывается к жизни. Согласен, Трифон
Савельевич?

— Что меня спрашиваешь? Его проси, он уже окрылился. — Три-
фон Савельевич надел фуражку, поправил фартук. — Ну, я пойду. Меня
дело ждет...

Критика и публицистика

Георгий Маргвелашвили

ПОДЛИННОЕ БОГАТСТВО ПОЭЗИИ

(СТАТЬЯ ВТОРАЯ)

Крупнейшими представителями группы грузинских символистов «Голубые роги» были Паоло Яшвили — ее глава и организатор, Тициан Табидзе — признанный ее теоретик, поэзия которого, однако, и в те годы выходила за тесные рамки символистских принципов, и Валериан Гаприндашвили — наиболее ортодоксальный проводник поэтики символизма. К этой же группе принадлежали Шалва Апхаидзе и Николай Надирадзе — тонкий лирик, один из мастеров грузинского стиха.

Как мы знаем, под влиянием новой, советской действительности поэты эти вскоре отошли от своих былых декадентских позиций и вышли на широкую дорогу полнокровного реалистического искусства. Их поэтический мир обогатился новыми значительными темами и проблемами, образами жизни советского народа. В их поэзии отразились ломка старого уклада и быта, строительство новой жизни и новых человеческих отношений (характерны в этом смысле стихи о Колхиде Тициана Табидзе и Паоло Яшвили). Тициан Табидзе от отвлеченной романтики своего раннего цикла «Халдейские города» закономерно пришел к воспеванию своей родины, ее природы, ее быта, ее людей. Сильный, драматизированный поэтический голос определил звучание лучших его новых стихов. Для Тициана Табидзе становится характерным активное, страстное отношение к миру, к действительности. В

этом он видит цель и назначение поэзии, ее внутреннюю природу. Такая эстетическая программа поэтически декларирована им в замечательном стихотворении «Не я пишу стихи»:

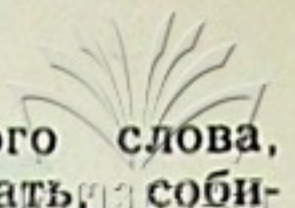
Не я пишу стихи. Они, как повесть,
пишут
Меня, и жизни ход сопровождает их...

Да, он целиком, без остатка, подчиняет себя поэзии, как бы растворяясь в ней, но поэзия его в свою очередь подчинена самому высокому и дорогому в жизни — родине:

Не грезу ли Грузии целой
Я в песне своей берегу?
Я словно тростник неумелый,
Поющий без помощи губ.
Доверься мне. Если б горели
В груди моей сотни сердец, —
Все б вырезал их, как свирели,
На радость тебе твой певец.
И горы Кахетии рады,
И тысячи дудочек хор.
И если мне смерть — награда,
Принимаю твой приговор.

Патриотическая и любовная лирика Тициана Табидзе, отличающаяся глубиной чувств, целомудренностью и проникновенностью, богатством и свежестью поэтических образов и ассоциаций, является подлинным украшением грузинской литературы.

Поэзия Паоло Яшвили в советский

период его творчества обогатилась ораторской интонацией, что частично сближало его с Маяковским. Эта особенность его поэзии наиболее ярко проявилась в прекрасном стихотворении «На смерть Ленина».

Однако диапазон творчества Паоло Яшвили был весьма широк. Он был тончайшим лириком и пробовал, вместе с тем, свои силы в области поэтического эпоса. Такие лирические шедевры Паоло Яшвили как «Стол—Парнас мой», «Событие сада», «Утро», «Обновление», навсегда останутся жемчужинами грузинской поэзии. Из этих и многих других стихов поэта встает человеческий образ исключительной чистоты и цельности — мужественный, искренний, благородный, образ подлинного рыцаря дружбы и любви.

Паоло Яшвили был также большим мастером яркого поэтического пейзажа—картины его всегда зримы, красочны, рельефны. Вообще поэтика его отличается четкостью рисунка, чеканностью формы, подлинной народностью, живостью и сочностью языка.

Валериан Гаприндашвили талантливо разрабатывал революционную и историко-революционную тему. Его привлекали те страницы мировой истории, в которых была запечатлена летопись восстаний и мятежей, народной борьбы за свободу. Большое место занимает в его творчестве тема искусства, тема поэзии. Валериан Гаприндашвили первоклассный лирик со сложным и богатым духовным миром.

Мы здесь не станем подробно рассматривать творческое наследие этих трех замечательных грузинских поэтов, так как в нашу задачу на этот раз входит анализ творчества тех писателей, поэтическая биография которых охватывает и два последние десятилетия жизни нашей страны.

Русский поэт, много и вдохновенно переводивший Георгия Леонидзе, запросто чувствующий себя в его поэтическом мире, сумевший подобрать ключи к самым заветным ларцам его творческой сокровищницы, назвал его «самобытнейшим поэтом, больше всех связанным с тайнами языка, на котором он пишет, и потому меньше всех поддающимся переводу». Эти слова Бориса Пастернака указывают на первооснову поэтического своеобразия Леонидзе. И, действительно, у него могут найтись достойные соперники в построении, архитектонике образа и лирической композиции стихотворения, с ним могут потягаться мастера сложных ритмико-синтаксических фигур, ассоциативные связи его образов могут быть не такими уж обширными, но редко кто, как он, умеет вспахивать целины родной речи, поднимать не-

тронутые пласты грузинского слова, осваивать его залежи, отбирать, собирать, находить, воскрешать, обновлять, наконец, изобретать слова. А так как язык в литературе является первоосновой национальной формы, то именно это качество, эта особенность делает Георгия Леонидзе одним из самых национально-самобытных грузинских поэтов.

Одно необходимое разъяснение или предостережение: когда речь идет об особенностях того или иного поэта, о специфических чертах его поэтики, когда выделяется какой-нибудь ее определяющий признак, то это вовсе не означает, что этого признака лишены все остальные поэты или что данный поэт лишен всех остальных признаков. Поэтика — богатейший комплекс выразительных средств, и индивидуальную специфику создает не уникальность того или иного приема, не монополия поэта на ту или иную сферу в мире поэтической выразительности, а характер взаимодействия, взаимоотношения компонентов стиля, доминирующее положение того или иного элемента и, главное, их обусловленность «душой» поэзии — мыслями и чувствами писателя, его миропониманием и мироощущением. Никто не упрекнет поэта за то, что он не признает монополии своих собратьев по перу в какой бы то ни было области поэтического творчества. Вопрос этот ясен, и к нему не стоит возвращаться.

Когда мы говорим о самобытности языка Леонидзе, о глубочайших связях поэта с тайнами родного языка, то отнюдь не имеется в виду какая-то самоцельная увлеченность словом. Наоборот, именно потому столь глубок интерес поэта к языку, что он представляется ему надежной путеводной нитью, которая может привести его (и приводит) к душе родного народа, к его мечтам и воспоминаниям, к радости и горю, к его любви, ненависти, страсти, к его жизни, к его бытию.

Все помыслы и всю любовь свою
Я, не жалея отдал строчке каждой,
Прославить песней родину свою
Обуреваем неизбытной жаждой.

Я корневищами прирос к земле
родной,
И пусть она мне умереть прикажет —
Ни часа, ни минуты ни одной,
Не попрошу взаймы мгновенья даже.

Пусть, как поток, на языке стихий,
Неудержимо, страстно, горделиво
В честь родины звучат мои стихи
На подлинно грузинские мотивы.

Тобой озарены мои мечты,
О, Грузия! Ты вся как вдохновенье!
Ты — сердца моего биеенье, ты —
Название моего стихотворенья!

Это, если можно так выразиться, автопортрет музы Георгия Леонидзе. И это программа, которой следует поэт с тех пор, как стих его научился шагать самостоятельно.

Да, это гражданская программа поэта-патриота, его этический кодекс. Каков же его эстетический символ веры?

А вот и ответ на этот вопрос:

Мы прекраснейшим только то зовем,
Что созревшей силой отмечено:
Виноград стеной, иль река весной,
Или нив налив, или женщина.

Все, что дышит сейчас на путях земли,
Все что жизни живой присуще:
Облаков ли мыс, человек и лист —
Ждут улыбки стихов цветущей.

И в стихи твои просится рев, грозя, —
Десять тысяч рек в ожидании.
Стих и юность — их разделить

нельзя,

Их одним чеканом чеканили.

Предельная полнота жизни и ее вечная молодость — вот эстетический идеал Леонидзе, его любовь, его пристрастие. И он не знает меры в этой своей любви, он не собирает себя сдерживать, вводить свое чувство в берега. Могут возразить, что и полнота жизни и ее неувядаемая юность не составляют монополии леонидзевского вкуса. Разумеется. Но это — его единственная любовь. Ведь есть поэты, любящие дождливый рассвет или сумерки, а не жгучий полдень, зеленые побеги нивы, а не ее налив, зимний, летний, осенний речной пейзаж, а не весеннее половодье? Ведь есть поэты, в стихи которых не просится грозный рев десяти тысяч рек, а ждут своего поэтического воплощения скромные ручейки, зеркальная гладь озер, чистые родники, плавно и гордо несущая свои воды полноводная река или горный поток, одиноко пробивающий себе путь через скалы? А тут именно десять тысяч сумасшедших рек застыли в грозном ожидании, еле сдерживая рев, готовые ринуться, хлынуть — все вместе — в поэтову строфу.

Не подумайте, что поэзия Леонидзе бездумно оптимистична. Да, она создана для опьяняющей радости, буйного веселья, праздничного торжества, но тем отзывчивее она на людское горе, тем легче ранить ее несчастьем, уязвить бедой, оскорбить неблагородством. И во всем предельность, полнота выражения чувств: радость — так безмерная, горе — так неумное. В этом отношении очень характерен поэтический цикл Леонидзе, посвященный историческому прошлому Грузии — «Жизнь Картли». Одна за другой оживают перед читателем трагические страницы истории маленькой страны, с поразительным мужеством и

стойкостью отражавшей гибельные натиски римлян и византийцев, монголов и хазар, арабов и персов, турок и дагестанских феодалов. Трагическая тема варьируется из стихотворения в стихотворение (Леонидзе — мастер поэтической вариации), и такова сила переживания поэта, такова ошеломляющая подлинность страданий истекающего кровью народа, что образы, которые формально можно было бы отнести к разряду гипербол, не воспринимаются как таковые, кажутся реалистически точными — живой искрой, высеченной в тех боях, каплей крови, пролитой тогда, отблеском пожарищ, тогда полыхавших, пеплом тех древних руин.

В одном из стихотворений этого цикла, заглавие которого повторяет сводное название древних грузинских летописей — «Жизнь Картли», поэт находит образ поразительной глубины и емкости, передающий всю трагическую суть темы:

Быль об убиенье Картли —
«Жизнью Картли» названа.

Смерть названа жизнью. Только ли горькая ирония это? Нет, образ этот шире, многоплановее. Нельзя не увидеть в нем и немного восхищения жизнестойкостью, огнеупорной выдержкой народа, нельзя не увидеть в нем того исторического оптимизма, носителем которого всегда является народ и только народ. Вот, что хотел подчеркнуть Леонидзе, и смело можно сказать, что чувством этого исторического оптимизма проникнуты все, даже самые трагические строки его стихов, посвященных «бедам Грузии».

Что ж удивительного, если поэт, в беспросветной исторической мгле провидящий лучи света, в самой смерти угадывающий торжество жизни, что удивительного, если он взрывом буйной радости, ликующим кличем встретит дни, несущие счастье народу, свободу родине, победу разуму и человечности? И если цикл «Жизнь Картли» можно назвать торжественным реквиемом, «вечной славой», пропетой героям прошлого, если цикл лирических пейзажей, жанровых зарисовок и ярких натюрмортов, объединенных в книге «Тбилиссские рассветы», можно считать своеобразной романтической сюитой, то уже настоящей патетической симфонией звучат стихи поэта, рисующие облик цветущей Советской Грузии:

Плуг целину поднимает пластами,
Как не откликнуться сердцем на зов,
Если отчизна ликует над нами
Тысячью тысяч своих голосов?

Лейся, вода! Расступайтесь, граниты!
Взрывы, бушуйте! Вгрызайся, кирка!
Счастьем отчизны своей послужи ты,
Бурная Иори, родная река!

Все деревья, что ты насадила вокруг,
Все дороги, что ты исходила.
Каждой темной морщинкой
натруженных рук
Я клянусь тебе: ты победила!

Это великолепный гимн народу —
творцу истории, гимн безымянной кре-
стьянской женщине, матери хлебопаш-
цев и воинов, каменотесов и зодчих...

Поэма «Портохала» названа автором
лирической поэмой. Этим объясняется
своеобразие ее композиции — кажущая-
ся фрагментарность, частая смена инто-
наций, чередование повествовательных
и лирико-публицистических мотивов.
Поэт не ставил перед собой никаких
«эпических задач» в обычном понимании
этого слова. И для лирической поэмы,
посвященной глубокому и, я бы сказал,
философскому осмыслению прошлого
Грузии, вполне закономерен тот услов-
ный поэтический прием, к которому при-
бегает автор, показав своей героине
Грузию сегодняшнего дня. И столь же
органично звучит в лирической поэме
Леонидзе непосредственный голос авто-
ра — вспоминает ли он прошлое роди-
ны, говорит ли о ее настоящем, или с
грозным предупреждением обращается
к темным силам, мечтающим ввергнуть
ее в пучину новых страданий...

Теперь, Колхида, ты для нас отрада,
А не тобой ли, немощной, владея,
Жирели Рим и древняя Эллада,
Когда была похищена Медея?
Припомни, как разбойники Язона
Твое добро везли в свои чертоги,
Как на костях народных легионы
Прокладывали римские дороги...
...Но то, что раньше вражеская сила
Похитила у древнего колхидца,
Теперь тебе стократно возвратила
Твоих сынов могучая десница.
Ты, заново отстроенная нами,
Цветущею становишься землею,
И Родины развернутое знамя
Победоносно реет над тобою.
А если вновь попробуют явиться
Язоновцев заморские армады,
Их встретит всенародная десница
С литым мечом, не знающим пощады.

Таковы вкратце некоторые основные
идейно-художественные особенности поэ-
зии Георгия Леонидзе, его литературная
позиция и круг его творческих интере-
сов.

* * *

Мы знаем, что Симон Чиковани вы-
шел из футуристической группировки.
Путь его в поэзии был достаточно слож-
ным. Не обошлось и без «голового экспе-
риментаторства» и «любования само-
цельным звуковым образом», не всегда

удавалось поэту «сочетать с картиной
звук», не всегда его образ был «порож-
ден щедрым сердцем», эксцентричность
метафор и сравнений тормозила, за-
трудняла порою восприятие его стихов,
но во многих из них (за исключением
нескольких самых ранних опытов само-
цельной оркестровки слова) несомненно
заключались живая и острая мысль,
подлинное чувство, хотя, может быть, и
выраженные часто с нарочитой, полеми-
ческой несуразностью. Многие и многие
стихи Симона Чиковани, созданные в
двадцатых годах, были по-настоящему
реалистичны, а отдельные сучки и задор-
ринки в них были сравнительно легко
устранимы. И действительно, несколько
позже небольшая, часто еле заметная,
ретушь помогла автору доработать мно-
гие ранние произведения. В русские
сборники обычно включается только од-
но стихотворение Симона Чиковани этой
поры — «Дорога», но и оно дает нам
достаточное представление об идейной
зрелости и поэтическом мастерстве ав-
тора:

Ты родина всех человеческих стран.
Ты родина Грузии. Здравствуй,
Россия!
Какими дорогами ни колеси я,
Найду по морям, по полям,
по кострам,

По горным тропам, за Азовом
и Понтом
Глаза золотые от хлеба твои,
И кожу, покрытую бисером потным,
И чащу, где льются в ночи соловьи,
Где рельсы и свищут, и льются,
и стелют
Огни по уже пролетевшим огням.
Где конь мой Мерани ныряет в метели
В безжалостной жадности к будущим
дням.

Но если в двадцатые годы даже луч-
шие образцы лирики Симона Чиковани
носили в какой-то степени отпечаток аб-
страктности и умозрительности, то по-
следующие поиски поэта привели его как
раз к большей конкретизации образов,
к подчеркнутому эпизму описания и рас-
сказа, даже к чрезмерной, порою, про-
занзации стиха (не случайно, что в эту
пору Симон Чиковани выступает часто
и в качестве автора оригинальных очер-
ков). Как сильно отличаются, например,
по своей поэтике от «Дороги» уже пер-
вые строфы стихотворения Симона Чи-
ковани «Вечер застает у Хахмат»
(1932 г.):

Вот уж на тропах видим: хевсуры.
Значит, в предгорьях конец пути.
Завтра возьмем мы хребет
темно-бурый, —
Легче сказать о нем, чем перейти.

Вечер навстречу — идем, нахмурясь,
Усталость качает, шли дотемна.
В Хахматах стали у Аладаури,
Кудиа будет хозяин наш.

Плоская крыша. Овчины горою.
Хахматы! Водкой полошем рот.
Об этом гнездовье древних героев
Достойную Кудиа речь ведет.

Это стихотворение, так же, как и другие стихи этого периода («Ушгульский комсомол», «Стада в Рошке», «Сванская колыбельная», «Девушка из Рошки», «По следам Важа Пшавела»), знаменуют собою приход поэта к полнокровному реалистическому изображению современности. Следует особо подчеркнуть, что в эту пору Симон Чиковани проявляет себя как прекрасный пейзажист и жанрист. Именно в эти годы оттачивает поэт и самое любимое свое поэтическое оружие — яркий метафорический образ. Поэзия — мышление образами. Знаменитая фраза эта стала достоянием критиков и литературоведов, и мы всегда обращаемся к ней, решая спорные теоретические вопросы. Но так ли часто вспоминаем мы ее, перечитывая поэтов? Всегда ли мы оцениваем стихи, памятуя об этой истине истин? Как часто «безобразная безобразность» претендует на звание поэтического слова, а мы молчаливо пропускаем ее мимо ушей или смотрим сквозь пальцы, как лжепоэтическая образина теснит подлинный поэтический образ! Мышление образами — счастливый дар, и этим даром в полную меру обладает Симон Чиковани. Но кроме широкого значения слова «образ», охватывающего весь мир поэтической выразительности (включая интонацию и мелодику стиха), существует и более узкое его толкование, при котором образность предполагает живописность, картинность, зрительную осязаемость, образность стиха и требует не только мышления образами вообще, но, в первую очередь, именно метафорического мышления. Вот область, в которой Симон Чиковани может смело состязаться с любым из своих поэтических собратьев. Он полностью владеет умением открывать в предмете новые и новые его грани, видеть его не только в одной плоскости, а во всех измерениях. Взгляд поэта, казалось бы, проникает и сквозь предмет, замечает все, что стоит за ним или рядом с ним и что скрыто от обычного глаза. Предмет, явление для Симона Чиковани — источник множества ассоциаций, они питают и мысль, и чувство, и мечту и воспоминание, порождают и острое умозаключение и глубоко драматизированное переживание.

Каждому из нас доводилось любоваться ночным Тбилиси, но едва ли кто замечал, что мелькающие и как бы пере-

бегающие с одного места на другое огоньки похожи на светящихся стрекоз, а дома, прилипшие к горным склонам, — на раскрытые птичьи клетки. А замечали ли вы, что Кура, вбегая в город, рассекает его с размаху, разбивая себе бока? Вот «миллионом бубенчиков» прогремел дождь по улицам Тбилиси и скрылся украдкой, как ни в чем не бывало. Народ вновь запрудил улицы, а поэт застыл, словно замороженный, он видит вокруг чудеснейшие метаморфозы: чинары стали еще стройнее и держатся с особым достоинством. А если издали взглянуть на Мтацминду, то нетрудно различить, что вскарабкавшиеся на нее дома похожи на альпинистов, которые остановились, решив передохнуть. И как хорошо в такую пору распахнуть двери, еще влажные от дыхания дождя, выбежать на зов мальчишек во двор и обсыхать вместе с ними под лучами свежеумытого солнца («Тбилиси после дождя»)! А вот ночной мегрельский пейзаж, полный изумительных открытий:

Нисходит ночь. Звезды вечерней ртути
Зазыбилась. Такая тишь в просторе,
Что страх дохнуть. Такая тишь,

что жуть
Встревожить поседельный мрамор моря.
Лишь всплеску ненасытному не лень
Сосать песок. Лишь тополя предгорий,
Как девушки мегрельских деревень,
Толпясь вдали, толпою тянут к морю.
Такая ночь. Так вольно. Час такой.
Теперь дано обняться в единенье
Звезде и лесу с пеною морской.
Природе, натерпевшейся гонений,
Отныне обещается покой.
В смарагды моря падают сапфиры,
Как будто ночь блаженной вязью слез.
Связала сноп из всех сокровищ мира.
Вдали вдоль моря гонит паровоз.

Юрий Олеша заметил как-то, что смысл метафоры в том, что художник как бы подсказывает читателю определенное сходство, которое читателю и самому приходило на ум, но не оформилось. С этой точки зрения он критикует некоторые свои метафоры, кажущиеся ему слишком изысканными. Возможно, Олеша и прав, отдавая предпочтение метафорам первого рода, но разве так уж плохо, если метафора доставляет не только радость узнавания, но и радость открытия? Если она не только «возвращает свежее восприятие мира», но и сообщает его? Симон Чиковани — большой мастер метафоры, доставляющий читателю и радость узнавания и радость открытия. Он ставит себе лишь два условия, необходимые для того, чтобы найти отклик в сердце читателя: образ должен быть порожден действительным переживанием поэта и «звук» должен «сочетаться с картиной», заключенной «в единый строй».

следует подчеркнуть, что Симону Чиковани никогда не было свойственно поэтическое верхоглядство, увлечение поэтическим галопом. По его твердому убеждению, «для написания стихотворного цикла недостаточно впечатлений, полученных во время путешествия... Каждому путешествию, которое в будущем должно стать предметом поэтического воспевания, должна предшествовать предварительная духовная подготовка, и только в этом случае путевые впечатления органично входят в духовную биографию поэта. Без этого нельзя создать стихотворение большого общественного звучания... Даже для маленького лирического стихотворения требуется зрелость впечатлений, взятых из жизни и выношенных в глубине души. Если высокие чувства и мысли не успевают пустить корни в душе поэта, то вместо лирического раскрытия действительности мы часто видим только восклицательные знаки». (Симон Чиковани — «Высокая простота»).

Да, если поэт стремится посвятить свою песню «пятнадцати сестрам», то и у его свирели должно быть «пятнадцать ладов».

Только такая творческая установка может обеспечить поэту истинную широту кругозора, даст ему возможность лирического раскрытия действительности, не ограниченной какими-либо условными пределами, поможет ему увидеть также и подлинную безграничность своей родины, даст ему право сказать об этом во всеуслышание:

Кто сказал, что будто бы мала
Моя отчизна, Картли дорогая,
Что словно малый диск она легла?
Кто выдумал: мала земля родная?

А ну, поставь-ка скалы сверху скал,
В их серебре, в туманной пене,
Орлиных крыльев шелест у виска
Послушай-ка и трубный крик оленей.

И крепостей на всех вершинах мощь
Измерь-ка мастера глазами,
Все собери ты краски наших роц,
Их в тьме времен уже сиявший
пламень.

Измерь-ка крылья ураганов гор
Ущельями зажатых и ревущих,
Измерь-ка рек клокочущий костер,
Льда купола, вонзившиеся в тучи.

Рукою, что в бою закалена,
Коснись ворот Дербентских,
взятых в сече,
Тогда откроется она —
Моей отчизны бесконечность!

★ ★ ★

В 1923 году вышел первый сборник стихов Алио Мирцхулава (Машашвили).

В сборник были включены произведения, написанные в 1921 — 1923 годах. Рождение поэта совпало с рождением Грузинской Советской республики.

Я дверь открыл в поэзию, охвачен
Революционной мыслью и мечтой...
Я оглушил покой хрустальных башен
И озарил стихами мрак ночной.

Я шел, знаменным блеском осененный,
Неся в груди неукротимость бурь,
В стихах моих колышутся знамена,
Немолчно славя подвиг и борьбу.

Эти слова поэта хорошо характеризуют деятельность того поколения литературной молодежи, к которому принадлежал Алио Мирцхулава и которое с твердой волей и непоколебимой верой в победу взяло в руки эстафету революционной поэзии. Наиболее талантливые представители этого поколения — Алио Машашвили, Карло Каладзе, Константин Лордкипанидзе — принесли в грузинскую поэзию молодой комсомольский задор, они вели активную борьбу с буржуазно-декадентским лагерем в литературе. В процессе творческого становления они не избежали и ряда ошибок (комсомольский авангардизм, неправильное решение вопроса о традициях, влияния формализма), но ошибки эти преодолевались (они были лишь болезнью роста), и в их творчестве неизменно побеждало здоровое реалистическое начало.

Творчество этих молодых писателей вдохнуло новый дух в грузинскую поэзию, оно наиболее органично отразило новую действительность, явилось первым примером передачи нового содержания соответствующими ему, адекватными поэтическими средствами. Именно благодаря этому выпала на долю Алио Мирцхулава почетная и исторически значительная роль одного из основоположников грузинской советской поэзии.

Но несмотря на всю поэтическую новизну, которой были овеяны стихи Алио Мирцхулава, он, разумеется, не был безродным в грузинской поэзии. При всей горячности полемики, которая велась им со своими литературными предшественниками, на деле он и его друзья продолжали в новых условиях лучшие революционно-демократические, гуманистические традиции грузинской литературы. Громадную роль в формировании Алио Мирцхулава как поэта сыграла и молодая поэзия Советской России, и в первую очередь, творчество пламенного трибуна революции — Маяковского. Таким образом Алио Мирцхулава не действовал в «безвоздушном пространстве». Революционное и поэтическое чутье указало ему верный путь, помогло ему найти и надежных союзников. Это обстоятельство стоит лишней раз подчеркнуть, ибо

в атмосфере напряженной и ожесточенной литературной борьбы тех лет волны поверхностной полемики часто делали невидимыми более глубокие течения. Так было в России, так было и в Грузии.

На первых порах главным содержанием литературной борьбы, которую вел Алио Мирцхулава, была полемика с теми антиреалистическими, декадентскими направлениями и школками, которыми пестрила грузинская литература в те годы. Поэзия Мирцхулава была теснейшим образом связана с задачами дня. Ее революционный пафос целиком определялся новыми задачами:

К чему мне стих
Бесцветный, бесхребетный,
В крупицах пота от пустых потуг.
Ты должен быть вождем когорт
победных —

Поэт и большевик,
В ком жив гражданский дух.

Эти строки как нельзя лучше раскрывают те качества поэзии Алио Мирцхулава, которые присущи были ей со дня рождения и которые в дальнейшем созрели, определились, выкристаллизовались. Поэт мог в чем-то ошибаться, увлеченный полемикой, он мог впасть в ту или иную крайность, в поисках новых форм он мог иногда оступиться, но стих его никогда не был бесцветным, бесхребетным, безжизненным, поэт никогда не утрачивал ясности цели, воля его не ослабевала, вера не блекла, он всегда оставался большевиком и гражданином. Страстный, напряженный, энергичный, экспрессивный стих, политическая и поэтическая острота, боевая, публицистическая, ораторская интонация — все эти качества были присущи лучшим произведениям поэта, определяя в его творчестве мощную струю революционной романтики. Поэт имел право сказать о себе, что стих его всегда «бился, как возбужденное сердце», имел право сравнивать свое слово то с «молнией» и «громом», то с «кирпичом», принесенным им на всенародную стройку, то с «бомбой, начиненной порохом». Каждая его строка была рождена в сердце революционера. Поэтические мотивы, связанные с этим чувством, переданы во многих лирических исповедях поэта:

Да, я в строю
Восставших против мрака,
Народ —
Моя твердыня и заслон.
Мой стих, как меч,
Алкавший в ножнах влаги,
Кровавыми строками окроплен.

Алио Мирцхулава отстаивает необходимость органичности, предельной искренности и непосредственности восприя-

тия новой, революционной действительности поэтом. Но он хорошо сознает, что ни гражданский пафос, ни человеческая искренность, ни самое активное, страстное отношение к действительности не могут сами по себе родить новую поэзию. Передовая идея, острая мысль и глубокое переживание требуют нового слова, новаторского воплощения:

К чему мне стих,
Бодрящийся, бедовый,
Но весь в заплатах обветшалых слов?

И Алио Мирцхулава не знает устали в поисках нового, свежего, яркого слова, он завоевывает все новые и новые тематические участки, вторгается в гущу жизни, «пером корёжит груди гор и рек», «прокладывает путь сквозь лабиринты чувств»...

К станку несую
Стихов железных грудую,
В погоне за ударной строчкой
Мчусь,
Чтобы в ряду
Всех боевых орудий
Наладить выпуск
Большевицских чувств.

Мысль, метафорически выраженная в этих строчках, красной нитью проходит через все произведения Алио Мирцхулава. Идею воспитание человека, «воспитание чувств» читателя — вот главная задача, которую ставит перед собой поэт. Тематический диапазон его поэзии расширяется вместе с углублением и обогащением содержания самой жизни. Индустриализация, коллективизация — эти политические и экономические понятия указывают на сложнейшие жизненные процессы, не только на перестройку экономики страны, но и на рост, закалку, духовное обогащение живых людей. Эти волнующие и ответственные темы воплощены поэтом во всей их сложности и жизненной многогранности.

Однако сама жизнь требовала от поэта новых красок. Боевая и полемическая интонация, которая мастерски была использована им в первые послереволюционные годы, уже не отвечала всем задачам, которые были выдвинуты жизнью в последующие годы. Социалистический реализм — вечно развивающийся, ответственный творческий метод. Он не терпит канонизации какой-либо одной определенной манеры письма, подразумевает неустанные поиски новых выразительных возможностей, дабы голос поэта, его интонация, поэтические краски, которыми он пользуется, весь пафос его творчества находились всегда в гармонии с духом времени. Алио Мирцхулава никогда не сдавал своих революционно-романтических позиций, но наряду с этим он

смог сделать большой шаг вперед по пути к реалистически изобразительной лирике. В тридцатых годах он создает лучшие свои произведения — «Гимн Родине», «Ударным бригадам», «Ленинскому комсомолу», «Весна», «Хорга», «Годы» и многие другие. Произведения этих лет отмечены растущей конкретностью в изображении действительности. Именно в эти годы входят в лирику Мирцхулава пейзаж и жанр — пластичное и рельефное описание природы и быта родной страны. Тяга к эпическому изображению, давшая себя знать в поэзии Алио Мирцхулава, нашла логическое завершение в лирико-эпическом полотне — в поэме «Энгури», созданной в 1937 году. В предвоенные годы поэту еще в одном направлении удалось расширить рамки своего творчества — он взялся за разработку сложного и ответственного жанра философской лирики. В этой области он также достиг успешных результатов: в значительной части его «Миниатюр» и примыкающих к ним стихов поэт в лаконической форме и с подлинным мастерством раскрыл богатый духовный мир нового человека, его нравственный и эстетический кодекс. И если в годы Великой Отечественной войны поэту вновь пригодился его опыт пламенного трибуна революции, «приравнявшего», подобно Маяковскому, «к штыку перо», то в послевоенные годы он не менее успешно смог развить свои достижения в сфере глубоких лирических раздумий. Насколько большую эволюцию претерпела поэтика Алио Мирцхулава (при поразительной внутренней цельности лирического героя его стихов), легко заметить, сравнивая знакомые нам уже поэтические декларации первой половины двадцатых годов и его последние стихотворения на те же темы — «Тополь», «Лето» и др.

От прямого публицистического воплощения темы, от ораторской декларации Алио Мирцхулава переходит в ряде случаев к сложному метафорическому решению поэтической задачи. Так, например, знакомая нам уже по довоенным и военным стихотворениям Алио Мирцхулава тема гражданской, боевой нацеленности поэзии решается теперь автором весьма своеобразно, через метафорическое сравнение поэта с могучим тополем, который, как часовой, стоит на страже неприступного утеса — Родины:

О, Родина! Я часовой,
Не убаюканный веками.
Я врос корнями в берег твой,
В твой ветер впился я руками.
Над кроной — над моей главой,

Над перебитыми суками,
Над каждой раной пулевой,
За дождевыми облаками
Колышется рассвет живой.

Я отстоял тебя, земля!
Утихла боль. Закрылась рана.
И молодые тополя
Столпились возле ветерана.

Это уже не ораторский призыв к поэту занять свое место в рабочем строю, приравнять к штыку перо, а лирическое раздумье, поэтическое осмысление места и роли искусства в жизни народа. Обе формы выражения одной и той же по существу идеи одинаково закономерны, ни одной из них нельзя отдать предпочтение, но они знаменуют собой различный творческий подход поэта к теме, подход, который в свою очередь определяется духом времени, продиктован задачами дня, своеобразием каждого данного этапа в жизни народа. Цитированное стихотворение «Тополь» написано после войны, но в нем дается осмысление военной судьбы поэта и его творчества. Ясно, что та же тема решалась автором иначе в период самой войны.

Вот одно из лучших стихотворений Алио Мирцхулава — «Лето»:

Мой сад смежить не разрешает веки —
В трудах и муках он велит мне жить,
Чтоб вдохновенья нежные побег
На холоду не смел я обнажить.

Рассаду букв всегда храню от стужи,
Как борозду, веду строку свою.
Потом вдохну словам незрячим души,
Горячей кровью книге их привью.

Но и у лета труд того же рода —
Оно рисует кистью золотой,
Чтобы немая, темная природа
Заговорила с полной прямою.

Оно в земные проникает недра
И, открывая жилы теплоты,
Слагает книгу, где шумят от ветра
Весь мир разрисовавшие цветы.

Пучина зноя. И пучина света,
Под нашей кистью — краски без числа.
И мы сгораем оба — я и лето —
В огне искусства, а не ремесла...

Идейная концепция здесь та же, что и в цитированных нами выше строчках, написанных в первые послереволюционные годы, но заметно изменилась образная система поэта, поэтика его отразила новый этап в жизни народа, а, следовательно, и в жизни лирического героя его поэзии.

ГРУЗИНСКОЕ ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО

Серьезное изучение и критическое освоение лучших традиций народного зодчества необходимо не только для плодотворного развития современной архитектуры, но и для развития всего советского искусства. Это изучение основывается на ленинских принципах бережного и вдумчивого отношения к культурному наследию, имеющему огромное значение в строительстве социалистической культуры. Следуя известным указаниям В. И. Ленина, мы должны хранить наследство, но не ограничиваться этим, а идти дальше, применяя и в соответствии с требованиями современности творчески развивая его наиболее ценные черты и особенности.

Народное зодчество имеет большую историко-культурную ценность, как слагающийся на протяжении столетий коллективный творческий опыт масс. Народные архитектурные памятники различных эпох помогают историку определить характер и уровень, достигнутые материальной культурой, глубже изучить отраженные в архитектуре социально-экономические отношения и народный быт определенного исторического периода. Перед искусствоведами они раскрывают самобытность народного творчества, его художественные принципы, высокое мастерство. Архитектор при изучении памятников народного зодчества знакомится со своеобразными строительными приемами, способами обработки материала, обнаруживает оригинальные конструкции, формы и детали, интересные решения таких задач, как планировка и застройка населенных мест.

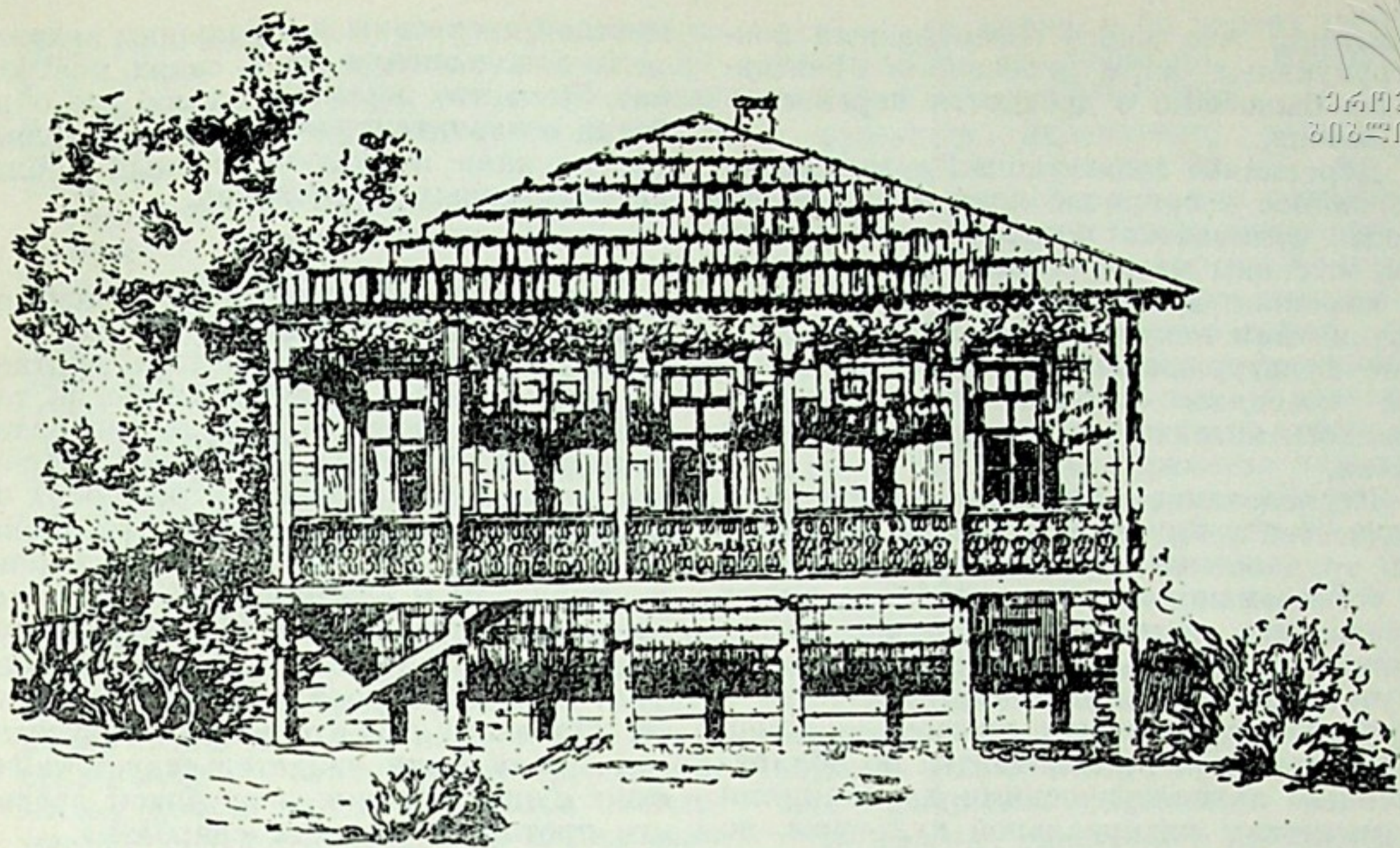
Для успешного развития советской истории и теории архитектуры необходимо также изучение национальной специфи-

ки народного зодчества, которая, к сожалению, еще не находила достаточного отражения в нашей науке. XX съезд КПСС подчеркнул, что социализм не устраняет национальных различий и особенностей, а обеспечивает расцвет экономики и культуры всех наций и народностей. Изучение национального своеобразия зодчества дает возможность определить вклад каждого народа в общую сокровищницу культуры и искусства и тем самым помогает осуществлению многообразия и богатства форм советской архитектуры.

При исследовании национальных архитектурных традиций мы основываемся на ленинском учении о двух культурах внутри каждой национальной культуры, о восприятии и развитии ее передовых, демократических элементов, отчетливо проявившихся и в грузинском деревянном зодчестве. В народной архитектуре Грузии передовые национальные традиции выявились чрезвычайно ярко, и ценность их тем очевиднее, что они органически сочетались с освоением опыта других народов.

Изучение народной архитектуры и, в частности, деревянного зодчества Грузии чрезвычайно важно и для решения большой практической задачи, стоящей перед советскими архитекторами, — строить быстро, экономично, прочно и вместе с тем красиво, без каких бы то ни было излишеств, подвергнутых критике партией и правительством¹. Опыт народных

¹ Об устранении излишеств в проектировании и строительстве. Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 г., Москва, Госполитиздат, 1955.

Деревянный жилой дом в дер. Чквалери (Самегрело).

мастеров дает много примеров верного, разумного сочетания практической целесообразности (простые конструктивные приемы, логичность плановых и объемно-композиционных решений) со строгой красотой сооружений. Народные строители уделяли много внимания производительному использованию местного строительного материала, применяли оправданные и разумные приемы планировки и застройки, выработали сумму доказавших свою жизненность строительных приемов и способов обработки материала. Творческое применение этого опыта с учетом современных требований и возможностей, сочетание традиций народного мастерства с достижениями постоянно развивающейся строительной техники будет содействовать дальнейшему прогрессу нашего строительства. Вместе с тем исследование тесной связи грузинского деревянного зодчества с окружающей природой помогает учитывать особенности различных краев и областей при решении современной задачи типового строительства, выявлять лучшие, подлежащие освоению и дальнейшему развитию прогрессивные черты народного зодчества. Те же черты и особенности его, которые не могут быть практически использованы, важны для более полного исследования традиций народной архитектуры в процессе ее исторического развития. При решении вопроса о практической применимости идей и приемов грузинской народной архитектуры все отсталое, примитивное, устаревшее должно быть преодолено.

* * *

Архитектурное наследие Грузии богато и многообразно. Однако, если широко известные памятники грузинского монументального — культового и дворцового — зодчества средневековья неоднократно привлекали внимание архитекторов и искусствоведов и изучены с достаточной полнотой, то деревянная архитектура Грузии до самого последнего времени оставалась почти вне поля зрения ученых. Совершенно не исследовались планировка и застройка сел и усадеб, без изучения которых нельзя понять и особенности народной, в частности деревянной архитектуры. До последнего времени для изучения истории развития деревянного зодчества не привлекался такой важнейший материал, как народная строительная терминология.

Многолетнее исследование деревянного зодчества убеждает нас в том, насколько ошибочен взгляд на Грузию, как на страну исключительно каменной архитектуры. Недооценка народной деревянной архитектуры Грузии тем более неоправдана, что эта архитектура создавалась и совершенствовалась в неразрывной связи с каменной. Оба вида зодчества развивались в рамках одних и тех же социально-экономических формаций, в одинаковых природных условиях, являясь плодом творчества одного и того же народа. Их взаимное влияние друг на друга определило разнообразие конструктивных приемов и форм, характер декоративной обработки обоих видов народного строительного искусства. Не-

сомненно, что много своеобразных конструктивных форм деревянной архитектуры было еще в древности перенесено в камень.

Деревянное зодчество в Грузии, тесно связанное с природой края и бытом народа, отличается большим своеобразием, высоким мастерством. В деревянной и каменной архитектуре, как и во всем грузинском искусстве, проявились давние культурные связи Грузии со своими соседями — Арменией и Азербайджаном, а также с народами Малой Азии.

Исследование истории деревянного зодчества в Грузии сопряжено со многими трудностями. Деревянные постройки в большом количестве гибли во время вражеских нашествий. До нас дошли лишь сооруженные не ранее XVIII века. Путь развития деревянного зодчества в Грузии с древнейших времен до конца XVII века восстанавливается по обнаруженным археологическими изысканиями памятникам материальной культуры, по историческим документам, произведениям литературы грузинского средневековья и народного творчества, разнообразным свидетельствам в многочисленных общих трудах историков, этнографов, путешественников, лингвистов.

Особенно ценный материал для изучения древнейших эпох развития грузинского деревянного зодчества дает народная строительная терминология. Многие термины, отличающиеся яркой образностью, помогают восстановить давно забытые архитектурные приемы и формы.

Большая часть материала, положенного в основу работы по изучению деревянного зодчества Грузии, получена в результате произведенных обмеров и фиксаций многочисленных и разнообразных памятников (жилых домов и хозяйственных построек, крестьянских усадеб, культовых сооружений, мостов, архитектуры «малых форм» и т. д.). Обмеры, зарисовки с натуры и фотографирование сопровождалось детальным изучением конструктивных приемов и архитектурных форм. Все это дало широкую возможность всесторонне разобраться во многих приемах народного деревянного строительства, обнаруживающих оригинальные творческие решения архитектурных задач. Интересные дополнительные данные были почерпнуты нами из бесед со старыми мастерами-плотниками — «хит-хуро», носителями исконных традиций деревянного строительства, прекрасными знатоками своего дела. Опыт лучших народных строителей чрезвычайно ценен, так как это были мастера мыслящие, чуждые рутине, постоянно совершенствовавшие свое искусство и охотно применявшие доступные им технические новшества своего времени. Народные мастера-строители отлично изучили свойства разнообразных пород

местной древесины и с большим знанием дела использовали их в своих постройках. Качество дерева и способ его обработки в значительной мере определили конструкции и художественный облик архитектурных сооружений.

* * *

Еще в период энеолита и бронзы обнаруживаются деревянные предметы и инструменты плотничного дела, подтверждающие давнее существование на территории нынешней Грузии деревообрабатывающей культуры. В античный период мы встречаем сведения о деревянных перекрытиях, завершающихся черепичной кровлей, которые являются простейшим в плановом и объемно-композиционном отношении прототипом наиболее распространенного в Грузии жилища «ода-сахли». О высоком уровне древнегрузинского народного строительного искусства, его своеобразии свидетельствует также факт существования в глубокой древности прототипа жилища «дарбази».

Строительное искусство древней Грузии совершенствовалось в тесной связи с ростом ее государственности и культуры. Уже в древнейших государственных образованиях первого тысячелетия до нашей эры — Иберии и Колхиде, отличавшихся относительно развитым земледелием, скотоводством, ремеслами, торговлей, имелись благоустроенные города. В период I — IV вв. н. э. связь Грузии с другими государствами содействовала новому подъему ее производительных сил, дальнейшему прогрессу строительного дела, а также связанных с ним обработки камня, дерева и ряда других ремесел. В IV—V вв. (к которым относятся древнейшие памятники грузинской литературы и письменности) искусство местных мастеров становится известным далеко за пределами Грузии.

С IV до XVIII вв. Грузия прошла сложный исторический путь, перенесла нашествия сасанидского Ирана, арабов, монголов, Турции. Завоеватели разрушали памятники, угоняли в плен народных мастеров по камню и дереву. Однако каждый раз грузинский народ, свергнув иго захватчиков, энергично восстанавливал разрушенное. Изучение эволюции строительного искусства обнаруживает несомненный прогресс деревянного зодчества. В X—XI вв. упорно развиваются поиски нового стиля на почве сочетания национальных элементов с творчески воспринимаемыми заимствованиями. В период борьбы за объединение Грузии широко разворачивается строительство жилых, общественных, гражданских и культовых зданий, а также мостов, дорог. В XI—XIII вв. создаются такие выдающиеся памятники зодчества, как Мцхетский и Аллавердский соборы, Гелатский монастырь и другие. В каменной архитектуре этого периода высоким

совершенством отличается орнаментальная резьба, в которой проявилось влияние резьбы по дереву, достигшей новых успехов в условиях общенационального подъема.

Относительно спокойный период исторического существования грузинского народа наступил только в начале XIX века, когда Грузия, еще с XV в. пытавшаяся установить связи с русским государством, полностью объединилась с ним (1801 г.). Помощь русского народа оградила Грузию от иноземных вторжений и спасла ее народ от грозившего ему физического уничтожения. Несмотря на тяжкий национальный гнет царского самодержавия общение грузинской культуры с русской благотворно сказалось на развитии Грузии и, в частности, на некоторых формах народного деревянного зодчества. Влияние русского классицизма конца XVIII — начала XIX веков проявилось в архитектуре грузинских жилых домов города Тбилиси и близлежащих к нему деревень, в планировке садово-парковых ансамблей ряда помещичьих усадеб, притом неизменно в органическом сочетании с традициями грузинского народного искусства.

Многообразие климатических и природных условий на сравнительно небольшой территории Грузии вызвало к жизни специфические ансамбли застройки, определенные композиционные и конструктивные приемы, большое разнообразие архитектурных форм и деталей. Живописная природа Грузии служила выразительным художественным фоном, с которым народные строители соотносили композицию, формы и масштаб своих архитектурных произведений.

Данные археологических изысканий в окрестностях Сухуми, Триалети, Зугдиди, Сачхере, Сталинири, Майкопа, Геби, Армазис-цихе, Квалони и особенно важные для исследования деревянной архитектуры — в Багинети говорят о наличии в древней Грузии домов с многочисленными деревянными конструкциями, формами и деталями.

Гиппократ, Ксенофонт, Аполлоний Родосский, Страбон, Арриан, не говоря уже о более поздних византийских и арабских писателях, давали высокую оценку строительным качествам зданий и сооружений, возведенных из камня и дерева на территории древней Грузии. Витрувий в I в. до н. э. зафиксировал прототип распространенного и по сей день в Грузии древнейшего типа жилого дома «дарбази». Давность традиций плотничного искусства засвидетельствована также и в первом грузинском переводе Библии (IV в.), где мы встречаем указание на строгое профессиональное разделение строительных специально-

стей — по камню и по дереву (термины «хит-хуро» — древодел, плотник и «квит-хуро» — каменщик).

Традиции деревянных конструкций последующих веков (от III до XI в. н. э.) запечатлены в камне сохранившегося поныне древнейшего памятника зодчества — пещерного города Уплисцихе. В отдельных его пещерах потолок расчленен вырубленными в самой скале балками, имитирующими деревянные архитектурные перекрытия. Влияние народного орнамента резьбы по дереву ощущается на резном убранстве капителей, столбов и пилястр храма «Болнисский Сион» (конец V в. — начало VI в.), а в памятнике мирового значения — храме Джвари (конец VI в. — начало VII в.) в оригинальных решениях арки и свода крестово-купольных зданий с трюмными переходами сложной системы от квадрата основания к кругу купола своеобразно воплотилась идея архитектурных перекрытий «дарбази».

Множество сведений о средневековом грузинском деревянном зодчестве мы находим в богатой средневековой литературе: в житиях святых, жизнеописаниях выдающихся людей, светских исторических и поэтических произведениях, эпиграфических памятниках, в исторических документах — сигелионах и гуджарах (указах и грамотах), в переводных произведениях армянских, византийских и персидских историков, в записках путешественников.

Наряду со всеми вышеназванными материалами исключительное значение, как источник знаний о деревянном зодчестве в древности и средневековье, имеет и народно-поэтическое творчество. В грузинских песнях, пословицах и загадках подчас сохраняются весьма древние архитектурно-строительные термины и описания старейших типов жилищ, помогающие восстановить композиционные и конструктивные особенности деревянного зодчества и строительные приемы прошлого.

Комплексное изучение всех приведенных выше материалов позволяет нарисовать общую картину становления древнего зодчества, начиная с древнейшей эпохи его существования, проследить истоки ряда архитектурных форм, планировочных и конструктивных приемов, не утративших своего значения до наших дней.

Рассмотрение истории деревянного зодчества на отдельных этапах исторического развития Грузии говорит о том, что уже в древнейшую эпоху возникают архитектурные элементы, которым суждено было прогрессировать в последующие периоды. Таковы, в частности, конструкция сруба, система наклонных стропил под черепичные кровли, постройки с плетеными стенами, положив-

шие начало мастерству грузинского орнамента в этой области.

В начале нашей эры встречаются жилища (изображения на чаше из находок в Багинети), повидимому, явившиеся первоисточником типа «ода-сахли» — открытого, легко разбираемого и переносимого с места на место здания. К тому же времени относятся первые свидетельства о жилище типа «дарбази» — закрытого помещения с деревянным перекрытием «гвиргвини», опорным столбом «деда-бодзи» и свето-дымовым отверстием «эрдо» вверху. Все это свидетельствует о том, что деревянное зодчество Грузии формировалось еще в глубокой древности.

Облик грузинского села в первую очередь определялся социально-экономическими условиями, характером общественных отношений. В земледельческих, скотоводческих, лесных районах страны, находившихся на различных стадиях экономического развития, намечались разнообразные планировочные решения, которые определялись потребностями хозяйства, обороны, а также художественными вкусами строителей.

Различные типы застройки сел складывались и под воздействием разнообразных природных условий. Народные строители всегда придавали большое значение выбору места для поселения, умело использовали окружающий ландшафт, в результате чего формировались традиционные приемы планировки.

Изучение дошедших до нас старых сел, материалов археологических изысканий и данных средневековых документов приводит к выводу, что в практике народных строителей в XIII веке существовали определенные санитарно-технические требования (медицинские книги XIII и XVI вв. «Цигни саакимой» — Ходжа Копали и Иадыгар Дауди).

Издавна в различных районах страны поселения отличались специфическими особенностями застройки. В низменных местах постройки усадьбы представляли собой самостоятельные элементы генерального плана. В горных же районах пахотные земли были отделены от населенных пунктов, а хозяйственные помещения объединялись, включая часто в одну постройку два, три и более вида хозяйственных строений. Таким образом рассредоточенной застройке в низменных районах в горных и высокогорных противостоит компактная, на характер которой в первую очередь влияли ограниченные размеры земельных участков.

В Восточной Грузии, где лесов относительно мало, селения располагаются скученно, чаще всего на склонах гор, под защитой горных выступов, заслоняющих поселения от ветра. Недостаток

пригодной для обработки земли обусловил здесь отвод лучших земельных участков под посевы. Для этих сел характерна тесная, нерегулярная застройка, извилистость улиц, приспособленных к пересеченному горному рельефу.

Селам низменной, лесистой и отличающейся более мягким климатом Западной Грузии присуща совершенно иная планировочная структура: они широко разбросаны, в поселения вкраплены поля, посевы и сады. Для подобных сел характерна относительно регулярная уличная сеть с широкими проездыми путями.

В богатых лесом гористых районах отдельные усадьбы отделены друг от друга угодьями, что вызвано спецификой лесного промысла и скотоводства. Как правило, в этих местах первоначально создавались оборонительные сооружения — крепость или замок, затем — церковь с площадью, служившие впоследствии организующим центром композиции возникавшего вокруг них села. На площади в прошлом происходили народные сходы, суды, отмечались традиционные народные празднества. Однако, демократическое значение площади, как центра села, было ограничено ритуальным характером многих народных сборищ, стремлением церкви использовать их в целях распространения своего влияния.

Народные строители сознательно согласовывали зеленые насаждения с общей композицией населенного места, либо принаравливались к уже существующим насаждениям при выборе места для застройки.

Важнейшим композиционным элементом планировки и застройки населенного места уже в самые отдаленные времена являлся родник, а также протоки, которые использовались для мельниц, поливки огородов и кукурузных полей и вместе с тем значительно оживляли вид села и усадьбы, дополняя их художественный колорит.

Отличительной чертой большинства грузинских сел является целесообразность планировочного решения, его соответствие с практическими потребностями села, органическое сочетание архитектуры с окружающей природой, свидетельствующее о глубоком понимании народными строителями роли пейзажа в создании высокохудожественного архитектурного образа.

Своеобразный тип расселения и планировки отдельной усадьбы складывался при различных социально-исторических условиях и в значительной степени под влиянием рельефа местности.

Материал обмеров многих усадеб как в горных, так и в низменных районах Грузии, анализ народных строительных терминов, дали возможность четко просле-

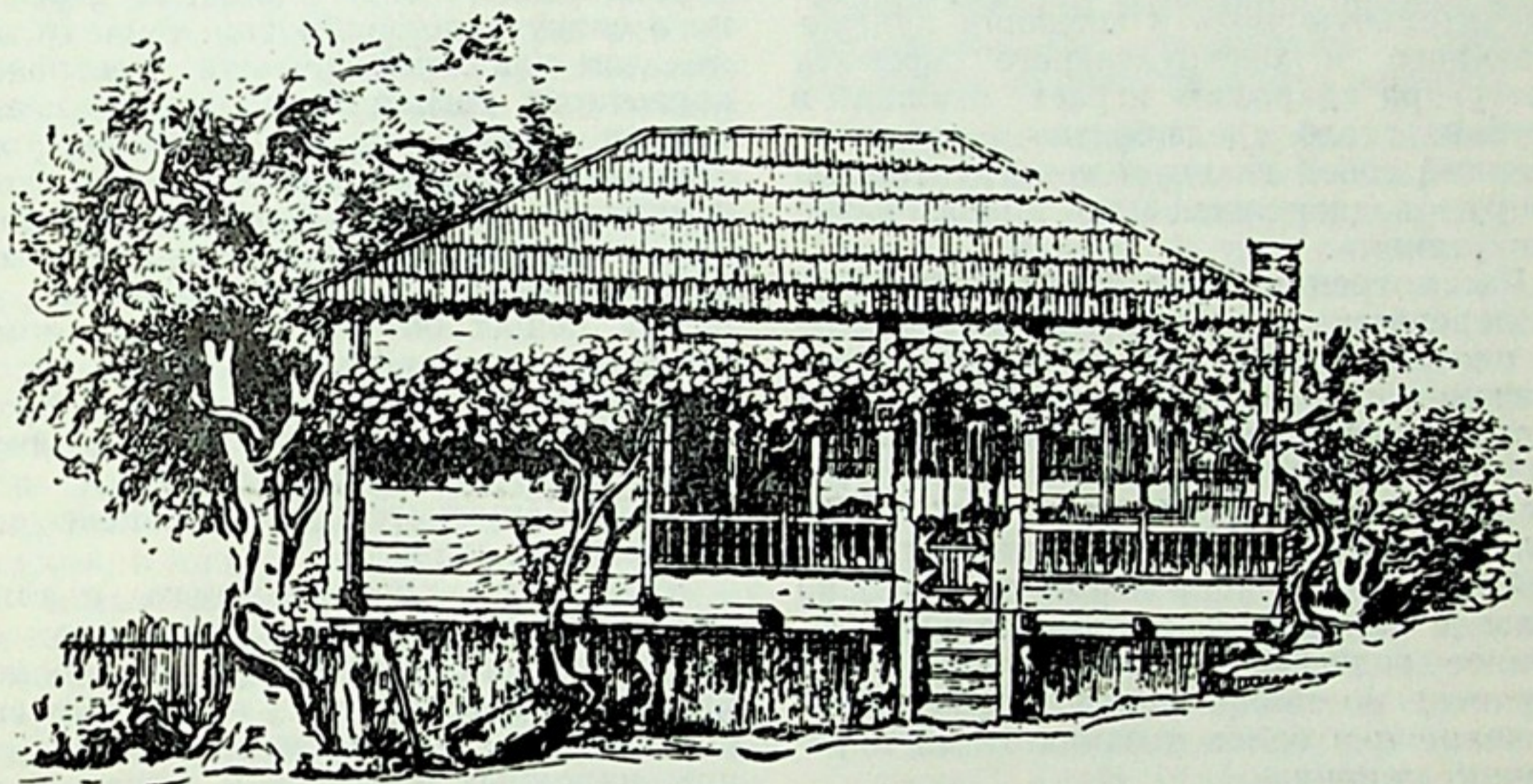
дить историю формирования разных типов, произвести сравнительный анализ их площадей, установить обычный состав угодий, построек и выяснить вопросы их взаимосвязи.

Заслуживает внимания принцип деления территории усадьбы в низменных и в ряде горных районов Грузии на хозяйственный и чистый двор. «Самеурнео эзо» — хозяйственный двор — включает в себя такие постройки, как хлев, мякинник, амбар, свинарник, птичник и т. п., а также угодья — огород, виноградник, кукурузник, посе́вы. На территории «супта эзо» — чистого двора — кроме жилья находятся колодец, беседка, переголы¹, а также фруктовые и декоративные растения. Это деление полезно учитывать и в современной практике колхозного строительства, так как оно отвечает санитарно-гигиеническим требовани-

определялось здесь кратчайшими внутренними подъездными путями. Наименьшая протяженность границ усадьбы диктовалась характером горного рельефа.

Ценными особенностями сельской усадьбы являлись ее ориентация, обеспечивавшая наилучшую инсоляцию жилого дома, взаимосвязи хозяйственного комплекса с жилым домом и хозяйственных помещений между собой, продуманная система использования усадебной и приусадебной территории. Следует отметить композиционную трактовку роли дерева, отдельно стоящего на площади перед домом или группы деревьев и зелени.

Особый интерес представляет роль «малых архитектурных форм» в комплексе усадьбы. Сюда входят ворота, калитки, заборы, ограды, перелазы, плетни со своеобразными и остроумными

Деревянный жилой дом в дер. Чхари (Имерети).

ям и помогает наиболее целесообразно решать планировку крестьянской усадьбы.

При выборе места для строительства усадьбы, в целях создания наилучших санитарных условий, народные мастера руководствовались определенными требованиями, представляющими интерес и для нас. В современном строительстве целесообразно воспринять композиционный метод расположения жилого дома с отступлением от уличной межи вглубь территории, который был общераспространенным в большинстве низменных районов Грузии.

В народной архитектуре немалое значение придавалось решению формы усадьбы, особенно в специфических условиях горных районов. Удобное расположение построек и внутренних площадок

приемами конструктивного решения, со всевозможными рисунками орнаментального плетения, колодцы и т. п. Они имели не только практическое, хозяйственное назначение, но и являлись важным художественным элементом усадьбы, придающим всему селу характерный национальный колорит. Ярким художественным элементом крестьянских усадеб низменных, западных районов Грузии при большой экономичности была и поныне остается живая изгородь — «цоцхали гобе».

Соединение большой экономичности со строгой художественной формой, живописный и жизнерадостный облик — характерные черты большинства грузинских сельских усадеб.

На протяжении длительного времени развития в различных исторических обстоятельствах деревянное жилище, сохранив основные отличительные особен-

¹ Перегола — своеобразная беседка.

ности, вместе с тем приобретало и новые черты.

Анализ обмеров показывает, что деревянные жилища Грузии имеют в плане два основных исходных типа — квадратный, типа «дарбази» и прямоугольный, типа «джаргвали» или «ода-сахли», часто приближающийся к квадрату.

«Дарбази» имеет несколько видов с присущими им своеобразными композиционными, конструктивными и художественными особенностями. Особый интерес представляет, в частности, характерное для этого типа жилища ступенчатое перекрытие «гвиргвини», отличающееся конструктивной логикой и большой выразительностью. Основной эффект этого перекрытия проявляется в самой его конструктивной сущности, исключающей необходимость какого-либо дополнительного декоративного оформления. Значительную роль в создании художественного и конструктивного эффекта интерьера «дарбази» играет стоящий в глубине столб «деда-бодзи», представляющий собой главную конструктивную опору, поддерживающую перекрытие «гвиргвини».

Рассмотрение этого древнейшего типа деревянного жилища Грузии позволяет сделать вывод, что в процессе его создания и совершенствования был впервые применен весь комплекс технических знаний и художественного мастерства, которым обладали его строители — народные мастера «хит-хуро».

Архитектура «дарбази» не только оказала влияние на монументальное каменное зодчество (что известно было и ранее), но также нашла частичное отражение и в более поздних типах деревянного жилища.

Эти более поздние типы характеризуются прямоугольной формой плана. Сравнительный анализ собранного нами материала дал возможность классифицировать деревянные жилища подобного рода и свести их многообразие к трем основным видам: 1) однокомнатный дом; 2) дом с однорядным расположением комнат; 3) дом с двухрядным расположением комнат. К этому виду относится наиболее распространенный ныне сельский жилой дом «ода-сахли».

Подробное рассмотрение этих видов деревянного жилища позволяет выявить свойственные каждому из них специфические особенности и вместе с тем общие принципы планировки, организации внутреннего пространства и компоновки объемов. Анализ площади (функциональной взаимосвязи и характера размещения в плане комнат, соотношений их сторон), длины, ширины и высоты жилых построек помогает не только классифицировать отдельные типы жилища, но и определить общие композиционные

принципы, выяснить своеобразные традиционные «нормативы», которых строго придерживались народные строители.

Исследование различных типов жилищ устанавливает, что народные мастера-строители при компоновке плана и внутреннего пространства дома исходили из задач обеспечения наилучшей, функциональной связи между отдельными помещениями в зависимости от их назначения и роли, весьма продуманно решали вопросы ориентации здания, освещения и вентиляции, до мельчайших деталей учитывали специфику быта и нужд крестьянина. Анализ пропорций многих помещений свидетельствует о том, что везде, где только это было возможно, строители стремились свести пропорции как отдельных комнат, так и всего здания, к наиболее удобной форме квадрата.

Для каждого вида народного деревянного сооружения в Грузии, будь то жилой дом или хозяйственная постройка, характерна тесная связь между назначением здания и его идейно-художественным содержанием. Это соответствие подчинено наиболее распространенному художественному приему — симметрии и четкому ритму. В композиционном решении общих объемов жилых домов замкнутость «дарбази» уступает место пространственности «ода-сахли». Как в одном, так и во втором типе жилища при асимметричности отдельных объемов не нарушается закон равновесия в композиции здания.

Результаты сравнительного анализа многих домов этого типа позволили обнаружить в них единый принцип пропорционального построения плана, что свидетельствует о вдумчивом подходе лучших народных мастеров к решению архитектурных задач. Суть этого плана заключается в том, что за единицу измерения принимается квадрат со стороной, равной пролету между соседними столбами балкона; не только площадь всего дома, но и отдельные помещения укладываются с большей или меньшей точностью в целое число этих квадратных модулей. Подобная же система пропорционального построения находит свое отражение и во внешних формах лучших образцов грузинского деревянного зодчества, с его простыми и лаконичными формами, приятными для глаза пропорциями, умеренно применяемым убранством.

Таким образом на основании дошедших до нас домов XIX века можно утверждать, что народные строители «хит-хуро» пользовались найденной опытным путем системой пропорциональных соотношений, четкость и законченность которой предполагает наличие давних традиций в этой области. Особенно необходимо подчеркнуть строгую

экономичность планировки большинства крестьянских жилых домов, при которой не остается неиспользованным ни один квадратный метр жилой площади. Здесь сказались свойственные крестьянину-труженику практичность и бережливость, усугубленные ограниченностью материальных возможностей дореволюционного сельского населения Грузии — фактор, постоянно учитываемый народными строителями. Взаимосвязь отдельных помещений в жилой ячейке обусловила специфические черты объемно-пространственной композиции крестьянского жилища в Грузии.

На основе выяснения главных принципов, заложенных в архитектуре народного деревянного жилища, можно заключить, что многоквартирный дом «ода-сахли» отражает в себе тот же принцип расположения входящих в него комнат, что был и в период существования усадьбы в виде отдельных однокомнатных строений. Гостиная — «састумро» и часть столовой — «сасадило», обычно выходящие на широкий балкон, составляют вместе с ним единую площадь, максимально используемую почти в течение всего года.

Характерной является установка жилого деревянного этажа на своеобразный каменный цоколь, так называемый «палати», который часто используется под жилье или под хозяйственные помещения, а иногда под то и другое вместе.

Немаловажную роль в формировании типов жилища сыграли разнообразные условия рельефа различных областей Грузии. Так, если в низменных районах жилая ячейка нормально развивалась во все четыре стороны, то рельеф горных районов, вынуждающий экономить ширину застройки, выразился в увеличении длины и этажности здания.

Изучение композиционных особенностей интерьера жилых домов и анализ элементов убранства, из которых складывается его облик, помогает выявить композиционную сущность встроеной в стены мебели и раздвижных перегородок, необходимых для наиболее рационального использования жилой площади, а также определить характер и значение очагов и каминов, как важнейших элементов композиции интерьера. Интересный материал для исследования представляют древнейшие приемы организации интерьера жилого дома типа «дарбази», внутреннее убранство которого органически увязывается с конструктивной сущностью постройки. Композиция «деда-бодзи», являющегося основной опорой перекрытия ступенчатого свода «гвиргвини», определяет конструктивные и художественные особенности самообытной формы интерьера «дарбази».

В итоге анализа внешнего образа жилого дома, где центром композиции фа-

сада всегда служит балкон с разнообразными художественными приемами его обработки (столбы, тимпаны,¹ перила), устанавливается богатая творческая фантазия и тонкий вкус лучших народных мастеров «хит-хуро».

Размещение на территории усадьбы большинства хозяйственных сооружений, разнообразных по назначению и формам, подчинено тому же принципу целесообразности и экономичности, который свойственен планировке жилого дома и своеобразно воплощается в различных районах Грузии.

В небольших сооружениях сугубо утилитарного назначения также проявилось высокое мастерство народных строителей, свойственное им сочетание здравого смысла с художественным вкусом, знание свойств материала, позволяющее минимальными средствами добиться большого художественного эффекта.

В средневековой Грузии (особенно в западных ее районах) было широко распространено строительство деревянных церквей. Многие из них по схеме своего плана подобны базиликам, но вместе с тем отличаются рядом специфических черт. Помимо этого широко распространенного типа позднегрузинской архитектуры (XVI—XVIII вв.) изредка встречаются деревянные церкви и с крестообразным планом. Изучение деревянных культовых сооружений обнаруживает влияние навыков и приемов их строительства на формы каменного культового зодчества, причем, не только в области декоративной обработки стен, но и в области конструктивных приемов.

Анализ архитектурных форм деревянных церквей в различных районах Грузии выявляет ряд интересных особенностей. Так народные мастера-строители своеобразно, с учетом местных условий, использовали древнюю форму периптера.² Архитектура этих культовых сооружений отличается широтой творческого замысла: используется оригинальный деревянный «ордер», сводчатые и конховые деревянные перекрытия, многогранные в плане колонны.

Совершенно не исследованную область народной архитектуры представляют аджарские мечети — «джаме». Их изучение свидетельствует о прямом влиянии на архитектуру этих сооружений форм аджарского жилого дома типа «ода-сах-

¹ Тимпаны — в грузинской архитектуре — дощатое заполнение архитравного или арочного очертания между колоннами балконов, в его верхней части представляющее собой часто орнаментированную прорезь на разнообразные сюжеты.

² Периптер — здание (в особенности античный храм), со всех сторон окруженное колоннадой.

ли». Так анализ убранства молитвенной ниши — «мейраба» («михраб») и ее окружения говорят о том, что эта специфически культовая часть здания воспроизводит композицию камина жилого дома и окружающую его систему встроенных шкафов и полочек. Аджарские мечети отличаются вместе с тем и некоторыми характерными своеобразными чертами: внутренний кубический объем с трехсторонней колоннадой и хорами на ней, более широкое, чем в жилом доме, использование резного декоративного убранства, своеобразные формы карнизов, плафонов и т. д.

Совершенно вне поля зрения исследователей оставались доселе деревянные мосты. Между тем эта область народного строительного искусства представляет несомненный интерес. Большую ценность представляют несправедливо забытые в современной мостостроительной практике Грузии экономичные, простые и вместе с тем оригинальные конструкции мостов, которые заслуживают изучения и практического использования в соответствующих условиях.

Комплексное использование обмерного, исторического и филологического материала дает возможность всесторонне исследовать и понять разнообразные формы грузинских деревянных конструкций и отдельные конструктивные узлы и детали, как например: типы врубок, которые включают в себя ряд оригинальных способов сращивания, наращивания по вертикали, соединения под углом и т. д., а также соединения, в которых применено в большей или меньшей степени железо. Конструкция венчающих частей зданий, их влияние на тесно связанные с ними архитектурные формы, в частности на оформление некоторых своеобразных типов фронтонов жилых зданий, также представляют большой интерес. Характерной чертой грузинского деревянного зодчества является также применение особого вида деревянных каркасных стоек — «апра», разграничивающих стены деревянных сооружений на своеобразные секции. Использование этих вертикальных стоек создает множество разнообразных вариантов планировочных и объемно-пространственных решений грузинских деревянных строений. Применение «апра» способствовало определенной стандартизации сооружений и скоростному методу их возведения. Ряд самобытных конструктивных приемов возник в народном зодчестве в связи с решениями вопросов антисейсмичности деревянных сооружений. К числу этих приемов относятся бесфундаментное строительство, деревянные неразрезные пояса, система стропильных ног, широкое применение облегченного кровельного материала — драни,

многие детали сплачивания, сращивания и наращивания отдельных конструкций. При значительном разнообразии конструктивных решений в различных типах деревянных строений Грузии подавляющее большинство их характеризуется экономичностью, простотой форм, удобством монтажа и эксплуатации, возможностью быстрого переноса и возведения на новом месте, относительной долговечностью. Все эти качества — результат глубокой продуманности каждой конструктивной детали, учета природных условий, а также достоинств и недостатков материалов. В руках народных строителей ничем не украшенная и не замаскированная конструкция нередко приобретает столь большую силу художественной выразительности, что по праву становится органической частью архитектурного образа.

Эти и другие конструктивные приемы, заключающие в себе немало самобытных технических и художественных идей, поддаются дальнейшему развитию и обогащению на базе современной строительной техники. Их критический отбор и освоение явится серьезным подспорьем в колхозном строительстве, будет способствовать сооружению дешевых, удобных и прочных домов в богатых лесом районах Грузии.

Наряду с большим количеством интересных конструктивных решений в народном деревянном зодчестве Грузии имеются и существенные недостатки: крайняя бедность грузинского крестьянства в прошлом нередко заставляла строителей очень скупно подходить к выбору материала и толщине ограждающих конструкций, часто даже с некоторым ущербом для санитарно-гигиенического режима жилища, не говоря уже о его художественной выразительности.

Материалы обмеров показывают органическую неразрывность закрытых (комнат) и открытых (балконов) помещений жилого дома, связанных с условиями народного быта и климата. Площадь балконов в некоторых случаях даже равна закрытой жилой площади дома и во всяком случае составляет не менее ее трети.

Натурные обследования позволяют произвести классификацию балконов жилых домов, а привлечение исторических материалов и народной архитектурно-строительной терминологии дает возможность установить их происхождение и выявить путь развития. В частности, следует отметить, что своеобразное сочетание народных традиций обработки балконов в сельских жилищах, расположенных близко к городу, перекликается с некоторыми элементами убранства деревянных балконов городских домов XVIII—XIX веков, во многом идущих от русского классицизма.

В равной мере заслуживают внимания и применения в соответствующих естественно-климатических условиях такие целесообразные приемы и формы народной архитектуры, как далеко нависающие крыши, встроенные в балкон лестницы, каменные и кирпичные цоколи в виде ритмично чередующихся арок или опор, вполне отвечающие требованиям бесфундаментного строительства. Важнейшие детали внутренней и внешней архитектуры различных типов деревянных зданий представляют собой камин, раздвижные перегородки, потолки, двери и окна, карнизы и наличники. Все это, несомненно, может найти широкое применение в проектировании современного жилища.

Камин, являющийся композиционным центром интерьера жилого дома типа «ода-сахли», обычно либо встроен в стену, либо целиком выдвинут в помещение. В последнем случае по бокам камин размещаются встроенные шкафы и полочки.

Особого внимания заслуживает искусство народной резьбы по дереву, имеющее многовековые традиции и отличающееся большим разнообразием форм и приемов. На примерах внутренних и наружных частей и элементов зданий, предметов домашнего обихода выявляются самобытный характер резьбы, тематическая и художественная сторона орнаментального искусства народных мастеров. Главный принцип, лежащий в основе их художественного метода, — это органическое включение орнамента в композицию формы, детали и всего жилища в целом, его соответствие характеру окружающей природы. При этом народная резьба по дереву отличается исключительным богатством творческой фантазии, обусловившей неповторимость орнаментального мотива (ряд новых изысканий в деревнях Салхино и Добразени в Самегрело).

Детальный анализ принципов построения геометрического народного орнамента показал, что он может явиться основой для обогащения искусства Советской Грузии бесчисленным количеством новых орнаментальных сюжетов и форм. Наряду с резьбой в грузинском деревянном народном зодчестве имеют распространение такие виды декоративного искусства, как лозоплетение, вышивка, ковроткачество, набойки, керамика, обработка металла и т. п., создающие в конечном счете художественный облик внутреннего пространства здания в его композиционном целом, общности орнаментальных сюжетов и характеров орнаментов, в единстве масштабного и гармоничности цветового решения.

★ ★ ★

Исследование грузинского деревянно-

го зодчества — этой многообразной области художественного и технического творчества народа — в его историческом развитии, выявление его специфических черт и особенностей имеет большое теоретическое и практическое значение.

Разумеется, многие черты деревянного зодчества в наше время устарели и сохраняют ценность только в плане исторического изучения народной архитектуры.

Но прогрессивный характер целого ряда принципов и приемов народной жилой архитектуры убедительно свидетельствует о необходимости их дальнейшего развития и внедрения в современную строительную практику, что, несомненно, благотворно отразится на росте мастерства грузинских архитекторов и будет содействовать подъему массового строительства в городе и деревне.

Некритическое использование традиции деревянного зодчества проявлялось в слепом копировании старой планировочной схемы для вновь застраиваемых деревень и усадеб без учета изменившихся условий быта, трудовой деятельности и культурных запросов сельского населения. Нередко встречается и традиционное размещение хозяйственных построек без должного анализа их современной взаимосвязи, которая также радикально изменилась по сравнению с до-революционной сельской усадьбой Грузии. Наблюдаются случаи механического перенесения устаревших типов конструкций, форм и пропорций деревянной и каменной архитектуры в иной материал и в иную масштабность, ведущие к потере связи между формой и содержанием архитектурного произведения. В декоративном оформлении должна быть осуждена также лишняя мера и тактика практика использования принципа неповторимости орнаментальных мотивов.

Нельзя забывать, что всякий прием, всякая архитектурная форма есть продукт своей среды и своего времени; прежде чем переносить их в современность, необходимо вдумчиво и критически разобраться в их сущности, понять заложенную в них закономерность, определить степень их жизненности.

Метод творческого освоения наследия грузинского деревянного зодчества лишь тогда может быть признан принципиально правильным, когда мы, вместо механического заимствования старых форм, будем следовать от общего к частному, от идей и принципов — к их конкретному выражению. Именно таким образом можно и нужно выявить и применить в народном деревянном зодчестве Грузии то, что принесет наибольшую пользу делу проектирования и строительства населенных мест, колхозных усадеб, жилых и хозяйственных сельских построек, проектирования го-

родского жилища, а также развитию декоративного и прикладного искусства.

Внимание советских архитекторов-планировщиков должно привлечь свойственное народному деревянному зодчеству Грузии умелое использование рельефа, воды и зелени, правильная организация внутрисельской сети дорог и площадей, придающая каждому селению свою логическую структуру в конкретных микроусловиях. Следует также учитывать установленный опытом возможный выбор ориентации как для всего населенного места, так и для отдельной усадьбы и жилого дома, в зависимости от природно-климатических факторов.

Специфической национальной особенностью деревянного сельского жилища в Грузии, сообщающей исключительную целостность всем деталям построек, является легкость, свобода, пространственность всех сооружений архитектурного комплекса, сочетаемая со строгостью и четкостью отдельных форм. Это качество обусловлено рельефностью пейзажа, в который как бы вписано здание, и особенностями климата, выдвигающими на первый план балкон, составляющий 20—25% жилой площади. Несомненную ценность представляют также конструктивные приемы народного мостостроения: некоторые из них совершенно незаменимы в горных районах Грузии.

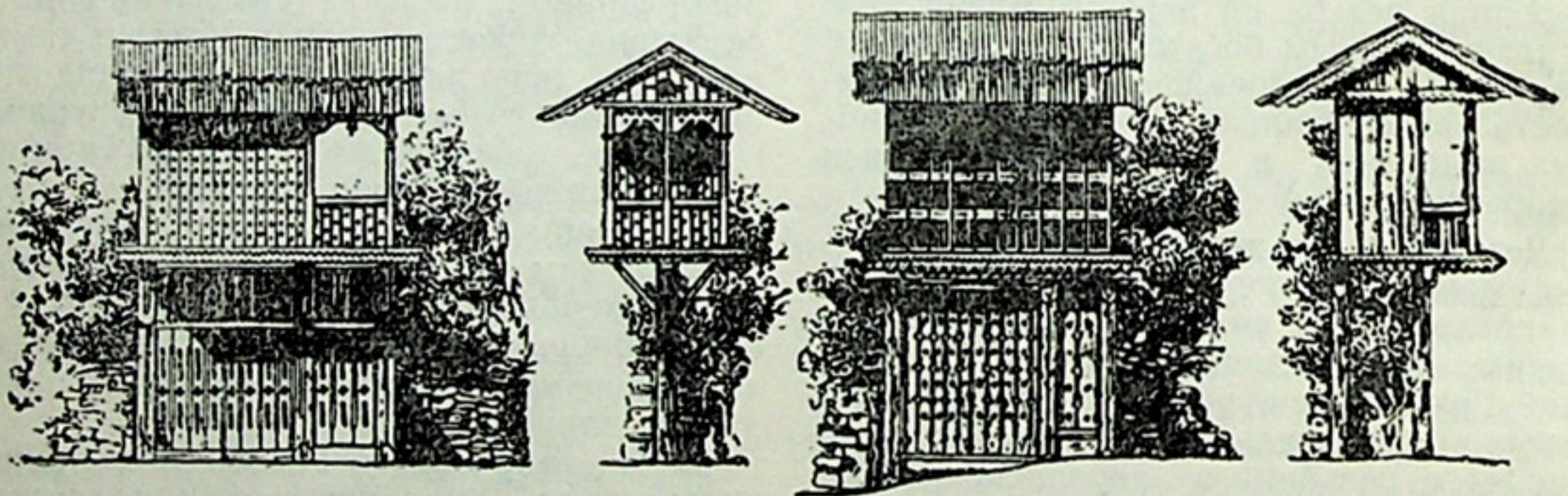
Все эти особенности обусловлены целесообразностью и здоровым эстетическим чувством народа. В результате сельская усадьба с ее доминирующим элементом — жилищем — и по органической связи с окружающей природой, и по

четким пропорциям, и по архитектурным формам и деталям, и даже по интерьеру, лишенному какой бы то ни было помпозности, создает впечатление жизне-радостного, светлого и ясного отношения к жизни, столь характерного для оптимистического мироощущения, свойственного народу даже в пору тяжелых испытаний. Выражение этого оптимизма в зодчестве можно сравнить с отражением народного мироощущения в песне, в героическом эпосе.

Перед архитектурной общественностью Грузии, таким образом, стоит почетная задача — критически и глубоко усвоить наследие народной архитектуры, не растеряв ни одной полезной крупы из накопленного веками богатства, использовать народный опыт в строительстве наших дней.

Таким образом разработка проблемы освоения наследия прошлого на материале деревянного зодчества дает возможность выделить сумму прогрессивных композиционных приемов — плановых, объемно-пространственных, художественных, конструктивных, которые могут быть плодотворно освоены в современном, особенно колхозном, строительстве, а также в прикладных искусствах.

В условиях бурного социалистического строительства меняется лицо городов и деревень Советской Грузии. Использование всего прогрессивного, художественно ценного, что выработало и накопило искусство народного деревянного зодчества Грузии за многие века своего развития, является важным условием нового расцвета грузинской советской архитектуры.

Типы дощатых резных кукурузников в Раче (Западная Грузия).

ВЫДАЮЩИЙСЯ ДЕЯТЕЛЬ РУССКОЙ СЦЕНЫ

«Кто свяжет со своим делом в одно целое свою жизнь, кто с ним сольется всем своим существом, тот все может, все одолеет...».

А. И. СУМБАТАШВИЛИ-ЮЖИН.
«Иринина община».

Прошло сто лет со дня рождения выдающегося актера и театрального деятеля, одного из корифеев московского Малого театра — Александра Ивановича Сумбаташвили-Южина.

А. И. Сумбаташвили родился 4 (16) сентября 1857 года, в России. Первоначальное образование он получил в тифлисской классической гимназии, где зародился интерес Сумбаташвили к театру. Вместе со своими гимназическими товарищами, будущими известными театральными деятелями — Васо Абашидзе и В. И. Немировичем-Данченко он неоднократно участвовал в любительских спектаклях. Связь Сумбаташвили с театром не прекращалась и в Петербурге, здесь зародилось и сценическое имя актера — «Южин».

В 1881 году он играл в труппе А. Бренко в Пушкинском театре, а в 1882 г. дебютировал в роли Чацкого на сцене московского Малого театра.

Простота, такт и душевное благородство Южина завоевали ему доверие актеров, творческий же успех принесла роль Карла V в пьесе В. Гюго «Эрнани».

В этом спектакле (бенефис Горева) вниманием зрителя завладел Южин. Как вспоминает Михайловский, «самые стихи Гюго звучали правдивой разговорной речью, ни разу Южин не подбежал к рампе и не устраивал бросающихся в глаза уходов со сцены. Едва упал зана-

вес после первого акта, весь театр дружно потребовал Южина, встреченного громом рукоплесканий». По словам одного из зрителей, успех был огромный, публика неистовствовала в единодушном восторге и полчаса не давала начинать последний акт спектакля. Это было всеобщее признание. За роль Карла V Южин был удостоен знака академических палм Французской республики.

Немалый успех выпал и на долю другой роли — Южин блестяще сыграл Рюи Блаза. В обстановке царившей в те годы в России реакции, по отзывам современников, эта роль в исполнении Южина звучала, как «молниеносный, сжатый обвинительный акт по адресу продажной русской бюрократии».

Во время гастролей в Сербии в 1900 году за роль Рюи Блаза Южин был награжден орденом, получил звание почетного режиссера белградского Королевского театра.

Сербский критик Милош Цветич, давая высокую оценку игре русского актера, писал: «Каждое движение Южина — это красота, это искра света, вся его речь — это одна музыка. Когда он объясняется в любви, он любит; когда он проклинаяет, — он ненавидит. Его красота не есть только одно пластическое совершенство, это не красота окаменелой поэмы — это красота жизни».

За годы своей сценической деятельности Южин сыграл 255 ролей. В его репертуаре западно-европейская (Шекспир, Шиллер, Гете, Лопе де Вега, Гюго, Бомарше, Ибсен) и русская (Грибоедов, Пушкин, Островский, Ал. Толстой, Сухово-Кобылин) классика, произведения современных актеру русских писателей (Невежин, Шпажинский, В. Крылов, М. Чайковский и др.) и западно-европейских авторов (Зудерман, Шницлер, Бакко, Пинеро, Уайльд, Сомерсет и др.). Много ролей сыграл он также в собственных пьесах.

Актер необычайно широкого диапазона, подлинный творческий успех Южин имел в героико-романтических и трагедийных ролях.

Южин всецело отдавался своему любимому искусству. Играя с подлинным творческим вдохновением, он был очень требователен к себе, каждый созданный им образ был не только проявлением большого таланта, но и результатом упорного, кропотливого труда. «Трудно назвать, — писал театральный критик С. Васильев, — другого артиста, который в такой степени нес бы на своих плечах тяжесть репертуара за целый ряд последовательных сезонов. Бывают недели, когда Южину приходится играть почти каждый вечер подряд, а такие недели превращаются по временам в целые месяцы непрерывной работы. Но этого мало. Южин не просто трудится. Он сознательно работает над своим талантом и совершенствует его. Взвзвись за какую-либо большую и ответственную роль, Южин уже не отстает от нее».

Разностороннее дарование Южина получило восторженную оценку современников. Для одних он был «первым трагиком русской сцены», «воплощением музыки русской трагедии» (Михайловский), другие видели в нем замечательного актера романтических ролей (Н. Эфрос), а для некоторых он был мастером комедийного репертуара.

Разнообразны были эти оценки, но, в сущности, каждая из них была правильной, так как особенностью актерской природы Южина была широта творческого диапазона, такое полное перевоплощение, что, казалось, именно в этой роли полностью раскрылась его индивидуальность. Возникла та гармония, та целостность в реалистическом построении образа, которая была характерна для Южина-актера.

Многие исследователи отмечали романтическую природу искусства Южина. Но следует заметить, что его романтизм был особый, по определению самого Южина, «реалистический романтизм».

В своей книге «А. И. Южин-Сумбатов» Э. Бескин пишет: «В общественное

содержание термина «романтизм» Южин вкладывает смысл, отгораживающий подлинный реализм от пресного бытовизма, фотографичности мелкого жанризма и требует от художника и художественного образа больших исторических обобщений окружающей жизни в ее внутренней сущности».

Южин был принципиальный противник дагерротипного, натуралистического изображения жизни, с этих позиций он воспринимал и Островского. В статье «Романтизм и Островский», касаясь особенностей драматургии Островского, Южин указывал, что великий драматург «заставляет плакать не нервами, а сердечными слезами, смеяться не утробным, гогочущим, а светлым и оздоравливающим смехом. Этот смех сметает с души зрителя насеившую за день пыль, слезы, смывает облепившую ее грязь».

Создав своего романтизированного Островского, он в этом плане играл Мурова и Грозного, Агишина, Бакина и Шаброва.

Так же романтизированы были образы пушкинского Отрепьева и Дон Жуана, Лаврецкого (инсценировка «Дворянского гнезда» Тургенева) и другие.

В трагедийные романтические образы Южин вносил большое благородство, его игру характеризовала «приподнятость, была видна склонность к выразительной читке» стиха, его увлекала романтика «слова», главного орудия воздействия на зрителя, с наибольшей полнотой раскрывающего идейное содержание пьесы. Играя в трагедии, Южин старался выявить в каждом образе общечеловеческое, не боялся даже облекать своих героев в театральные одежды стиля «плаща и шпаги».

В комедийных ролях Южин достигал полного перевоплощения. В соответствии с традициями Малого театра он создавал глубоко реалистические, полные внутренней психологической правды образы. Пластичность движений, выразительность рук, мимика, игра глаз (именно «игра глаз», а не «игра глазами»), вся зрительная сторона каждой роли шла от внутреннего ощущения образа. Один из лучших знатоков творчества Южина — В. А. Филиппов так определяет особенности его игры: «Среди современных ему актеров Южин обращал внимание культурой сценической речи, мастерством произнесения текста, яркостью речевого дения и блеском диалога, он поражал оригинальностью интерпретации, глубиной мысли, знанием эпохи, пониманием поэта, чувством стиля».

Южин был актером в самом истинном, возвышенном значении этого слова. Для него играть на сцене — значило жить. Театр завладел всей жизнью Южина.

наложил отпечаток на всю его деятельность, поэтому театральность, красочность стали одним из основных свойств его драматургии. Театральными были не только материал его пьес, их построение, само слово в них звучало ярко, декоративно.

По словам А. Кони, Южин в драматургии — это «увлечение, романтика, мелодрама, контраст, декорация»; на его творчество Кавказ «наложил неизгладимую, как кавказская природа, печать, Южин был великолепен, орнаментален... в нем было много, очень много Кавказа...»

Драматургическую деятельность Южин начал рано. Еще в гимназические годы он писал водевили, а затем, в 1878 г., в Петербурге он написал драмы «Право жизни» и «Дочь века», которые, впрочем, не отличались особыми художественными достоинствами.

Первый большой успех завоевала ему пьеса «Громоотвод» («Соколы и Вороны»), поставленная в московском театре Корша и обошедшая затем все провинциальные сцены.

Драма «Сергей Сатиров» (1883 г.) не была пропущена цензурой, так как автор выступал в ней против дикости и невежества современного общества.

До конца жизни Южин не прерывал драматургической деятельности. В разные годы им были написаны пьесы — «Листья шелестят» («Темные силы»), «Муж знаменитости», «Арказановы», «Царь Иоанн IV», «Цепи», «Старый закал», «Джентльмен», «Закат», «Иринина община», «Измена», «Невод», «Вожди», «Ночной туман», «Рафаэль».

Пьесы Южина завоевали себе признание, многие из них («Измена», «Цепи», «Листья шелестят», «Иринина община», «Старый закал») были очень популярны и с успехом ставились как на сцене петербургских и московских театров, так и в провинции.

В своих пьесах Южин критиковал чиновную бюрократию, господство сильных над слабыми, указывал на моральное разложение правящих классов. Как и многие из передовых людей его времени, Южин боролся за свободу личности, против общественного и семейного деспотизма, защищал стремление к духовной, творческой свободе человека.

Романтическая природа пьес Южина характеризуется яркостью красок, резкостью контрастов. Эти качества наиболее отчетливо сказались в драматических легендах из жизни Кавказа («Измена», «Старый закал»). «Измена», наиболее популярная из пьес Южина, вся проникнута глубоким чувством героини, любви к родине; герои ее наделены большой силой чувств, остротой человеческих переживаний. «Глубокий, гуманный либерализм и своеобразный

пафос», по словам А. В. Луначарского, лежат в основе этой драмы.

Главную задачу «Измены» Южин видел в том, что она должна была познакомить русского читателя, русского зрителя с героическим прошлым грузинского народа, показать его быт, нравы и культуру.

«Измена» принесла автору большую славу и, что самое главное, послужила на пользу тому народу, жизнь которого в ней изображена. Поэтому-то на юбилейном вечере в Москве в 1908 г. в день 25-летия сценической деятельности Сумбатово-Южина, грузинский актер Котэ Месхи, обращаясь к юбиляру, шутливо сказал: «Ты покинул родную Грузию, ты как актер «изменил» родной сцене, как писатель родному языку, но мы не осуждаем тебя за это, так как свою «измену» ты искупил своей же «Изменой».

Пьесы Южина неоднократно издавались, переведены они и на многие языки — немецкий, французский, польский, чешский, сербский, грузинский и др. Их ставили на сценах берлинского, венского, краковского, парижского и белградского театров. За драматургическую деятельность в 1916 г. А. И. Южин был избран почетным членом Академии наук по разряду изящной словесности.

Актерская и драматургическая деятельность была только частью общественной жизни Южина. Он выступал с докладами, лекциями, участвовал в диспутах, конференциях. Он был активным участником работы Всероссийского театрального общества, студенческого общества «Искусства и литературы» при Московском университете, многолетним председателем Московского литературно-художественного кружка, членом «Общества любителей русской словесности».

Южин выступал как чтец на всевозможных благотворительных вечерах, концертах, был режиссером, умным и вдумчивым другом театральной молодежи.

Огромна была заслуга Южина, как долголетнего руководителя московского Малого театра. После кончины одного из выдающихся деятелей русского театра — А. П. Ленского, в 1909 году А. И. Южин был назначен управляющим труппой Малого театра. На этом почетном посту он оставался и после революции, как председатель выборного совета, дирекции, затем единоличным и почетным директором этого театра.

Стоя во главе Малого театра, Южин показал себя как опытный руководитель. Он был последовательным защитником реалистических традиций Малого театра, активно боролся против мелко-травчатой, натуралистической драматургии драмоделов, особенно резко, беском-

промиссно выступал он против всех видов модернистских «измов».

Бесстрашно громя как яростно нападавших на него «апостолов модернизма», так и мистиков-символистов, отбивая удары мракобесов-черносотенцев, засевших в дирекции театров, Южин ни на шаг не отступал от своих позиций, отстаивая творческие заветы М. С. Щепкина.

В своих статьях о творчестве отдельных актеров (Мочалова, Ермоловой, Щепкина) Южин очень четко и ясно определял общественные задачи театра, указывал на роль актера в создании спектакля. Для Южина театр — «воплощение духа в жизни, в художественных образах всех глубин человеческого существования, человеческой мысли, страданий и радостей, а живой человек со всем неизмеримым богатством мечтаний, чувств и переживаний и со всем разнообразием его индивидуальных внешних форм — и также его действий — единственный объект театра и как искусства и как общественного дела».

Высоко ставя театр, отмечая его огромное общественное значение, Южин требовал от деятелей сцены профессиональной гордости, достоинства, он хотел, чтобы они стояли так же высоко, «как высока сама основная идея театра». Он всегда подчеркивал, что служение театру требует от актера большой внутренней чистоты, профессиональной подготовки, в его представлении актер должен был быть стоящим на уровне современной общественности художником, впитавшим в себя все современные духовные завоевания.

Мечтая о будущем русского театра, Южин верил в то, что «настанет время, когда настоящий театр завоюет в общественном сознании ту степень уважения и признания, при которой само общество сорвет с фронтонов разных притонов пошлости и грязи это почетное имя». Южин верил в силу «голоса взволнованного народа».

И это время пришло — театр в нашей стране занял именно то почетное место, о котором мечтал Южин.

Мечта Южина и многих его современников осуществилась — был создан подлинно народный театр. Полный энтузиазма, новых творческих устремлений, Южин писал: «Осуществилось то великое ожидание, которым был полон русский театр прошлого... его двери перестали быть закрытыми для широких народных масс... театр расширил до необозримых размеров горизонт своего влияния, встретился лицом к лицу в своих залах с теми, чьей свободе и правам на счастье, свет и красоту он служил лучшими своими силами неустанно более века».

20 сентября 1922 года А. И. Сумбаташвили-Южина — почетного члена всех ведущих театров Москвы и Ленинграда, почетного академика и замечательного мастера сцены — в день 45-летнего юбилея его творческой деятельности приветствовала вся театральная Россия, все его соратники по сцене, многочисленные рабочие и общественные делегации.

За многолетнюю плодотворную службу русскому искусству Советское правительство присвоило Южину почетное звание народного артиста республики.

Большую часть своей жизни Южин провел в России, там нашел он свое второе отечество. В большом человеческом сердце Южина тесно переплелась любовь к России и Грузии, столь необходимых его жизни, его таланту, и вся его деятельность, все его устремления были направлены к тому, чтобы еще более сблизить культуру двух братских народов.

Южин был тесно связан с Грузией. Представители передовой грузинской общественности, деятели театра часто встречались с ним, они знакомили его с культурной жизнью Грузии, судьбами грузинского театра.

Драматические произведения А. И. Сумбаташвили-Южина были переведены на грузинский язык и часто ставились на грузинской сцене, громадным успехом у грузинского зрителя пользовались выступления Южина во время гастролей в Грузии Малого театра.

На торжественном вечере, устроенном Грузинским драматическим обществом в 1916 году, Южин сказал: «Все виденное и пережитое мною в молодости, глубоко запечатлено в моем сердце и в моей памяти и никогда не сотрется. Природа моей красивой родины внедрила мне любовь к искусству и, даже тогда, когда на сцене олицетворяю Шекспира и других классиков, я дышу ароматом тех цветов моей родины, которые вы мне сегодня поднесли».

В последние годы своей жизни Сумбаташвили-Южин мечтал помочь вместе с К. Марджанишвили созданию грузинского советского театра.

Но принять участие в этом большом деле ему не удалось — смерть, оборвавшая жизнь А. И. Сумбаташвили-Южина 17 сентября 1927 года во Франции, навсегда остановила сердце человека, весь многолетний творческий путь которого был прекрасным примером благородного служения искусству.

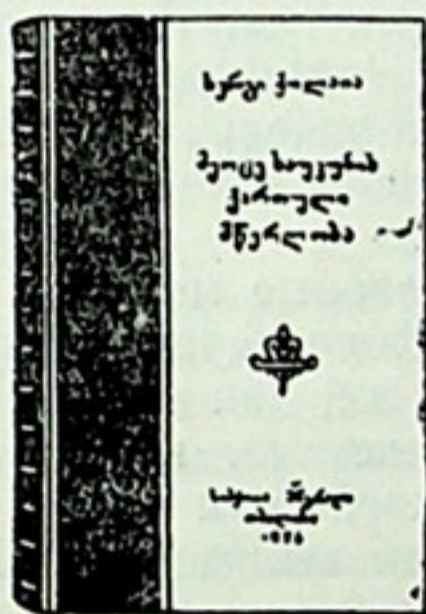
«Мудрый кормчий» московского Малого театра (по выражению А. Луначарского) оставил глубочайший след в истории театра Щепкина и Островского, в летописях всего русского сценического искусства.

სრული კნიგი

Новые работы грузинских литературоведов

НА ЗАРЕ НАШЕЙ ЭПОХИ

Издательство «Сабчота мцeralи» выпустило в свет книгу С. Чилая «Грузинская литература XX века». Это первая часть задуманного автором большого двухтомного труда, серьезная попытка систематического изложения истории грузинской ли-

тературы двадцатого столетия, развитие которой, как подчеркивает автор, было озарено светом трех русских революций.

Революционная эпоха поставила литературу на службу пролетариату. Под таким углом зрения и рассмотрен в книге тот великий перелом, который произошел в XX веке в многовековой грузинской литературе. В книге дана характеристика основных литературных групп, рассмотрено творчество крупнейших мастеров грузинской прозы, поэзии и драматургии двадцатого века. Автор подчеркивает, что грузинская литература той эпохи продолжает и развивает лучшие традиции грузинской классической литературы — гуманизм, демократизм, народность.

Анализируя рассказы Э. Ниношвили

С. Чилая. «Грузинская литература XX века». Редактор Ш. Дзилзигури. Издательство «Сабчота мцeralи», Тбилиси, 1956 г. На грузинском языке.

«Палеостомское озеро», «Симона», «Рыцарь нашей страны», исторический роман «Восстание в Гурии» и другие произведения, С. Чилая справедливо заключает: «Интересы трудящихся привели Ниношвили к истокам социал-демократических организаций. Он смело разорвал цепь народнических идей восьмидесятых годов, но не сумел ясно представить революционный путь пролетариата. Он остался у врат великого рассвета XX столетия».

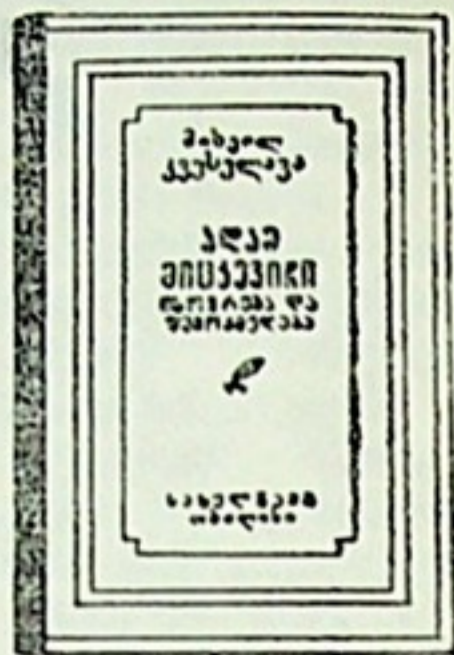
В книге рассмотрены боевые стихи родоначальника революционной поэзии XX века Ир. Эвдошвили, которые народ пел на баррикадах и на уличных демонстрациях в бурные дни 1905 года. И хотя, — замечает С. Чилая, — в годы реакции в творчестве поэта появляются печальные нотки (стихотворения «Последние слезы», «В ночной мгле», «У окна» и др.), Ир. Эвдошвили не изменяет революции и до конца остается ее поэтом.

В нашем литературоведении Ир. Эвдошвили был до сего времени представлен, в основном, как поэт-лирик. Достоинство книги С. Чилая в том, что в ней подробно рассматривается творчество Ир. Эвдошвили-прозаика — автора рассказов «Фонтан», посвященного жизни рабочих бакинских нефтепромыслов, «Свергнутый идол» и «Две сироты».

К исследованию творчества выдающегося грузинского новеллиста Шио Арагвиспирели автор подходит, предварительно проследив пути развития новеллы в грузинской литературе. В книге подробно проанализированы психологические и социальные новеллы писателя, дана характеристика его романа «Разбитое сердце».

КНИГА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ВЕЛИКОГО ПОЛЬСКОГО ПОЭТА

В труде С. Чилая большое место по праву занимает анализ творчества классика грузинской прозы Давида Клдиашвили. Автор показывает, с каким большим мастерством, талантом изобразил Д. Клдиашвили сметенное бурей истории имеретинское мелкопоместное дворянство. Перед нашими глазами встают образы ищущего себе мачеху Платона («Мачеха Саманишвили»), всеми обманутого сводника Соломона («Соломон Морбеладзе»), Дариспана, пытающегося выдать замуж хоть одну из своих дочерей (пьеса «Невзгоды Камушадзе»). В книге дана подробная характеристика образов представителей дворянства, рассмотрены как прозаические, так и драматические произведения Д. Клдиашвили.

Переходя к исследованию творчества выдающегося представителя грузинской литературы XX века, зачинателя лирической прозы Чола Ломтатидзе, автор рассматривает как ранние рассказы писателя, так и те, которые Ч. Ломтатидзе написал, находясь в царских застенках (рассказы «Перед виселицей», «Белая ночь» и др.). С. Чилая отмечает наличие мелко-буржуазных ноток в творчестве Ч. Ломтатидзе в период разгула реакции, когда писатель рисовал образы падших духом интеллигентов.

В книге подробно проанализировано также творчество выдающихся представителей грузинской литературы XX века — Василия Барнова («Потухший ореол», «Падение Армази» и др.), социальные рассказы и романы Анастасии Эристави-Хоштария («Земля», «Комиссия», роман «На скользком пути»), поэтические произведения Ноя Чхиквадзе. «Ной Чхиквадзе, — пишет С. Чилая, — стоял на рубеже до-революционной и советской литератур. Мы считаем естественным первую книгу о литературе двадцатого века, исследование важнейших вопросов литературы досоветского периода завершить рассмотрением творчества этого достойного внимания лирика».

Таково, кратко, содержание новой книги С. Чилая. Хочется высказать и несколько замечаний. Автор почему-то обошел молчанием творчество такого видного писателя XX века, как Лалиони (А. Мамулайшвили), одного из продолжателей школы Э. Ниношвили, прозаика, автора повести «Разбойник Давладзе», которому А. Цулукидзе посвятил специальную статью «Новый тип в нашей жизни». Местами, к сожалению, книга перегружена цитатами.

В следующем издании автор, надеемся, учтет эти замечания.

Однако и сейчас можно с уверенностью сказать, что книга С. Чилая поможет нашей молодежи в изучении истории грузинской литературы XX века. Читатель ждет от автора второй части его труда.

В. ЛАПЕРАШВИЛИ.

В связи со столетием со дня смерти Адама Мицкевича было обнаружено немало ценных, интересных исследований как советских литературоведов, так и прогрессивных зарубежных литературных критиков о жизненном и творческом пути великого польского поэта. Авторы этих исследований стремятся по-новому, глубоко, на основе марксистского метода оценить творческое наследие А. Мицкевича, правильно понять и осветить основные события его жизни.

Такую же цель ставит и книга грузинского литературоведа М. Квеселава «Адам Мицкевич. Жизнь и творчество». Жизненный путь великого певца борьбы и свободы описан красочно и увлекательно. Произведение М. Квеселава во многом напоминает художественно написанную биографию. Но вместе с тем ткань образного повествования искусно, внутренне закономерно объединена с исследованием эволюции творчества А. Мицкевича, с интересной, оригинальной оценкой «сверкающих жемчужин» его поэзии.

Узловые моменты жизни поэта показаны на фоне характерных черт его эпохи, точно так же, как творческая эволюция молодого Мицкевича, изображена в тесной связи с важнейшими литературными процессами, развивавшимися в Польше, а затем и в России тех лет.

В своем исследовании М. Квеселава приводит новые, или, обычно очень кратко упоминаемые, ценные сведения современников о А. Мицкевиче. Интересны страницы, рассказывающие, на основании записей поэта Одицца, о встречах Мицкевича и Одицца с престарелым Гёте в Веймаре. Веришь, что Гёте был так чуток и внимателен к Мицкевичу потому, что его пленил и очаровал глубоко народный, насыщенный духом дерзания и борьбы талант польского поэта. В книге приведены отрывки из писем Шопена, рассказывающие о сильном впечатлении, которое произвела на Мицкевича чудесная игра Шопена, чарующий мир звуков их родного края. Целый ряд интересных биографических фактов, приведенных со слов современников А. Мицкевича, помогают автору живее и полнее обрисовывать благородный облик великого поэта, человека и гражданина.

М. А. Квеселава. «Адам Мицкевич. Жизнь и творчество». Редактор О. Джинория. Издательство «Сахелгами», Тбилиси, 1956 г. На грузинском языке.

Поэтический гений Мицкевича не вмещается в рамки школьной градации литературных направлений. И нельзя не согласиться с автором исследования, который на материале конкретного литературного анализа доказывает, что в поэзии Мицкевича «большая реалистическая сила и революционная романтика находятся в тесной взаимосвязи». М. Квеселава приходит к выводу о реалистических устремлениях патристической, революционно-романтической поэмы «Гражина», о романтизации быта в реалистической, социально-обличительной поэме «Пан Тадеуш», о фантастической романтике «Дзядов», как романтической форме выражения передовых, демократически гуманных идей века.

Несокрушимый революционный дух поэзии Мицкевича — призыв к свержению старого и к построению нового мира, осуждение шляхетско-дворянского строя, требование предоставления земли и свободы крестьянству, — все передовое, что осветило творческий путь Мицкевича, хорошо раскрыто в книге М. Квеселава.

М. Квеселава подробно анализирует поэмы «Гражина» и «Конрад Валленрод», прославляющие самоотверженный подвиг во имя родины, дает интересную и правильную оценку поэмы «Дзяды», являющейся одним из самых замечательных и своеобразных произведений мировой поэзии. Герой «Дзядов» поэт Конрад — выразитель чувств и мыслей самого поэта. Он силен тем, что живет жизнью своей родины и страдает страданиями миллионов. Это единство героя с народом автор монографии справедливо считает качеством, возвышающим образ поэта Конрада над героическими образами, созданными передовыми поэтами-романтиками того времени.

Адам Мицкевич не мыслил борьбу польского народа в отрыве от задачи освобождения всех народов мира. В исследовании прослежено, как эта тема развивалась на протяжении всего творческого пути поэта, начиная с бессмертной «Оды к молодости» и кончая стихотворениями конца 30-х годов.

Любовная лирика занимает значительное место в поэзии Мицкевича.

В исследовании прослежено, как вместе с ростом творческих сил поэта изменялась и обогащалась его любовная поэзия.

В книге М. Квеселава показано, как образ возлюбленной Мицкевича постепенно окружается ореолом возвышенности, благородства, как интимные любовные страдания поэта, вбирая в себя всю скорбь его души, превращаются в океан печали о трагической судьбе его родины, проникаются духом титанического протеста и становятся призывом к борьбе за великую социально-освободительную идею.

В книге приводятся очень интересные сведения о польско-грузинских литературно-культурных отношениях, излагается история переводов творений Мицкевича на грузинский язык, имеющая традицию почти вековой давности. Было бы неплохо пополнить

эти ценные документальные данные очерком об освоении поэтического наследия Мицкевича в грузинской литературе.

Неравномерно освещены в книге отдельные вопросы художественного мастерства великого поэта. Если анализ композиции, языка и стиля всех частей поэмы «Дзяды» интересен и оригинален, то всем другим произведениям уделено явно недостаточное внимание. Оценка поэзии Мицкевича, богатой, красочной и разнообразной по своей поэтической форме, часто дана в кратких, требующих дальнейшего развития, формулировках.

Желательно было бы также восполнить исследование оценками темы природы и философской поэзии Мицкевича.

Все эти пробелы легко устранимы при повторном издании книги, и они никоим образом не умаляют ее исследовательской и художественной ценности. Грузинский читатель получил нужную и полезную книгу, а советское литературоведение обогатилось еще одним ценным исследованием о жизни и творчестве пламенного революционера, классика польской и мировой литературы Адама Мицкевича.

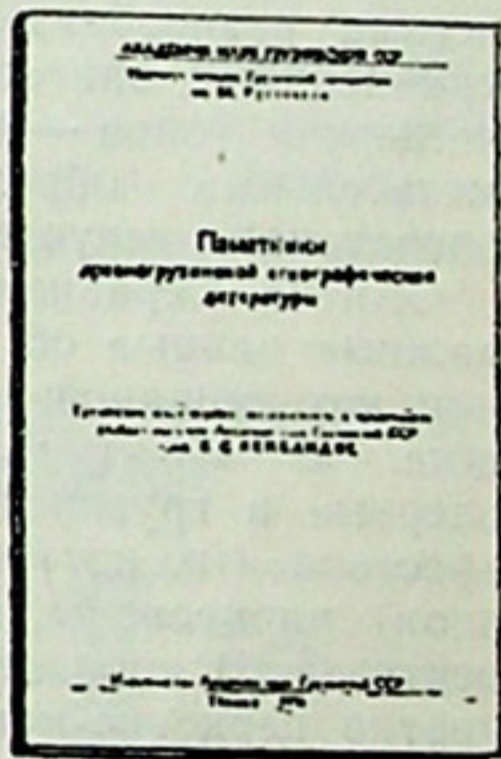
Ф. ГОКИЕЛИ,
кандидат филологических наук.

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Институт истории грузинской литературы им. Ш. Руставели Академии наук Грузинской ССР выпустил в свет книгу «Памятники древнегрузинской агиографической литературы», содержащую выполненные академиком К. С. Кекелидзе русские переводы трех произведений древнегрузинской литературы, а также его же исследования и примечания.

В книгу включены такие замечательные памятники периода раннего грузинского феодализма, как «Мученичество царицы Шушаники», описанное ее духовником Яковом Цуртавели между 476—483 гг. и являющееся самым древним оригинальным датированным литературным произведением

«Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Грузинский текст перевел, исследованием и примечаниями снабдил академик Академии наук Грузинской ССР проф. К. С. Кекелидзе». Редактор А. Барамидзе. Издательство Академии наук Грузинской ССР, Тбилиси, 1956 г.

грузинского народа: «Мученичество Або Тбилели» Иоанна Сабанисдзе (написано в 786—790 годах) и «Житие Серапиона Зарзмели» Василия Зарзмели (X в.).

Эти произведения теперь привлекают наше внимание, главным образом, как историографические памятники, освещающие многие стороны социально-политической, экономической и культурной жизни, а также быта, обычаев, нравов грузинского и других соприкасавшихся с ним народов той эпохи.

В «Мученичестве царицы Шушаники» автором-очевидцем на тогда уже высокоразвитом литературном грузинском языке правдиво, лаконично и красноречиво рассказывается о положении грузинского народа в период персидского засилья (V в.). В центре произведения конфликт между правителем Восточной Грузии Варскеном, изменившим своему народу и его вере, и его женой — царицей Шушаникой, которая, несмотря на почти семилетнее тюремное заключение и жесточайшие пытки, осталась верной своему народу.

В «Мученичестве Або Тбилели» дана яркая политическая характеристика состояния Грузии в VIII веке. Всем строем своего патристического произведения Иоанн Сабанисдзе стремился содействовать борьбе своего народа с поработителями, далеко выходя за пределы агнографической литературы. Необходимо особо отметить яркий образ араба Або, который добровольно переходит на сторону борющихся за свою независимость грузин. Язык памятника лексически весьма разнообразен, насыщен удачными сравнениями, эпитетами, метафорами, а его четвертая глава — «Похвала» является замечательным образцом древнегрузинского ораторского искусства.

«Житие Серапиона Зарзмели» содержит важные данные об экономическом состоянии юго-западной Грузии — Самцхе в IX веке. В «Житии Серапиона Зарзмели» впервые в грузинской литературе образы крестьян (из которых был и сам Серапион) нарисованы, как образы активных деятелей. В произведении выражен протест против церковно-монашеской литературы и приведены примеры классово-идеологической борьбы в Самцхе.

«Такое реалистическое произведение, — говорит К. Кекелидзе, — не часто встречается в древнейшей литературе не только грузинской, но и в всеобщей» (стр. 75).

Во всех трех памятниках с большой силой показан патриотизм трудового народа, приведены яркие примеры дружбы простых людей разных стран.

В исследованиях и примечаниях, поясняющих основной текст книги, приведено много полезных сведений не только по грузинской истории, но и по истории тех народов, с которыми соприкасался в древности грузинский народ, — армян, персов, арабов, греков, хазар и др.

Книга, заметим, однако, выиграла бы еще

больше, будь в нее включены переводы, или, хотя бы краткий обзор других оригинальных грузинских агнографических произведений V—X вв.

И. МЕГРЕЛИДЗЕ.

ПОЭЗИЯ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Произведения литературы и искусства требуют при анализе особенно бережного, чуткого отношения. Пушкинский Сальери, «поверяя алгеброй гармонию», лишил музыку музыкальности, убивал живую жизнь искусства. Но творческий, вдохновенный подход исследователя к проблемам литературы и искусства обогащает даже чисто научный, теоретический или критический материал чертами подлинной художественности.

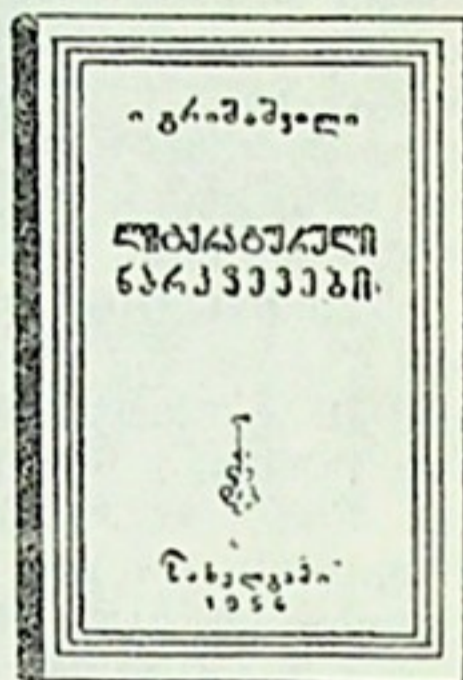
Такое сочетание поэтического таланта со знаниями крупного исследователя истории грузинской культуры и литературы и привлекло интерес читательской общности к недавно вышедшим «Литературным очеркам» поэта-академика И. Г. Гришашвили.

В этой книге впервые наиболее полно представлены историко-литературные и критические работы Иосифа Гришашвили, созданные им за последние тридцать лет. Правда, сюда не вошли его ранние исследования («Саят-Нова» и некоторые другие). Но и собранные в «Литературных очерках» работы позволяют судить о разносторонности интересов Гришашвили — историка грузинской литературы.

«Литературные очерки» открываются разделом «У истоков грузинского романтизма». В этот раздел входит объемистая статья «Жизнь Александра Чавчавадзе». Иосифу Гришашвили принадлежит заметная роль в научном изучении жизни и творчества родоначальника грузинского романтизма, причем именно благодаря трудам И. Гришашвили в творчестве А. Чавчавадзе, которого раньше считали исключительно певцом любви и наслаждений, стали обращать внимание и на социальные мотивы.

Значительное место в «Литературных очерках» (и по объему, и по значению) занимает раздел «Литературные взаимо-

И. Гришашвили. «Литературные очерки». Редактор А. Тевзадзе. Издательство «Сахелгами», Тбилиси, 1957 г. На грузинском языке.

отношения грузинского и братских народов». Статьи «Первые переводчики Пушкина», «Лермонтов в грузинской литературе», «Крылов и Акакий Церетели», «Ревизор» Гоголя на грузинской сцене», «А. Н. Островский в Грузии», «На дне» Максима Горького» содержат много новых фактов и наблюдений, которые обогащают такую важную область литературоведческих исследований, как история русско-грузинских культурно-литературных взаимоотношений. Интересны впервые сообщенные исследователем сведения о переводах на грузинский язык стихотворения А. И. Одоевского «Роза и соловей» и о дальнейшей судьбе перевода, сделанного А. Чавчавадзе.

И. Гришашвили — поэт, много сделавший в области литературного перевода, — уделяет особое внимание переводам на грузинский язык поэтических произведений Пушкина, Лермонтова, Крылова.

Писатель включает в круг своих исследовательских интересов и творчество представителей других братских литератур многонационального Советского Союза. Из своих трудов в этой области он отобрал для включения в последний сборник статьи «Шевченко и грузинская литература», «В память Саят-Нова», «Габриэл Сундукянц и грузинская общественность», «Мирза-Фатали Ахундов».

К историко-литературной части «Очерков» Гришашвили относятся статьи и заметки, составившие разделы «Забывшее и пропущенное» и «Документы и заметки». Как правило, автор имеет здесь дело с неисследованными материалами, подымает литературную «целину».

Найденная Иосифом Гришашвили и впервые опубликованная и прокомментированная им пьеса Ильи Чавчавадзе «Свах» обогащает наследие великого писателя новым замечательным произведением.

Знание библиографических и архивных документов позволяет автору познакомить читателя с творчеством малоизвестных, а то и вовсе забытых грузинских писателей — С. Гошадзе, Г. Дванадзе и других. Исследователям-литературоведам адресована та часть «Очерков», где автор вводит в обиход большое количество новых важных документов и фактов о Н. Бараташвили, А. Церетели, И. Чавчавадзе, А. Цагарели и других писателях, публикуя неизвестные архивные материалы. Целый ряд этих статей носит характер литературных комментариев, заметок о языке и т. п. Но и здесь автор убеждает, спорит, доказывает, его симпатии и антипатии выражены прямо и откровенно.

Живо и увлекательно, в форме художественных очерков, написаны разделы книги «В старом театре» и «Воспоминания». История грузинского театра близка И. Гришашвили, который еще в молодости связал свою судьбу со сценой, кулисами, суфлерской будкой.

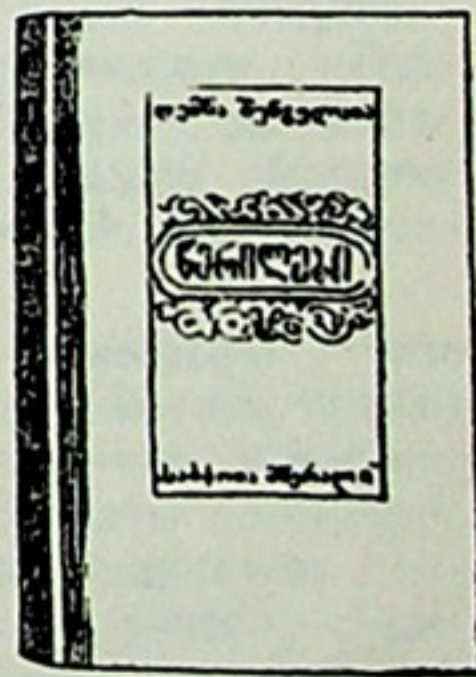
На первый взгляд, несколько необычно стоит в книге раздел «Из истории Тбилиси». Но достаточно вспомнить, что, наряду с поэзией и театром, любовь к родному городу всегда была страстью поэта, и станет ясно, почему автор включил этот раздел в книгу под названием «Литературные очерки». И. Гришашвили великолепно знает свой город. Он знает его, как историк, этнограф, но прежде всего — как поэт. Поэтому в очерках «Площадь Ленина», «Памятник Пушкину в Тбилиси», «Подъем Бараташвили» он не только касается исторических мест, связанных с именами грузинских и русских писателей, но и создает проникнутые поэтическим чувством произведения о красивейших местах родного города.

Теперь, когда литературные произведения Гришашвили собраны вместе, можно оценить значение его творческих и критических работ в целом. Книга, соединившая знания ученого с поэзией лирика, безусловно заслуживает переиздания, и не только на грузинском, но и на русском языке. Хочется лишь пожелать, чтобы в новом издании содержанию книги соответствовала и более высокая редакторская культура. Чувство досады вызывают мелкие ошибки и недочеты, недопустимы многочисленные опечатки в цитатах и названиях, приводимых на русском и иностранных языках. В книге необходим именно указатель, который не только создаст удобство для читателей, но и покажет, как широк круг имен, проблем и вопросов, затронутых И. Гришашвили в его «Литературных очерках», как значительна работа, проделанная им по исследованию грузинской культуры, литературы и театра.

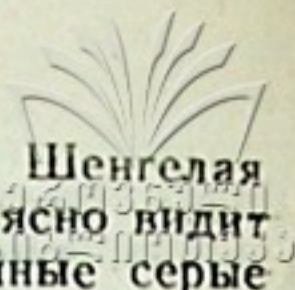
Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ.

СТАТЬИ О ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ

Советский читатель, который знает Демну Шенгелая, как одного из виднейших мастеров грузинской советской литературы, с большим интересом берет в руки недавно изданный сборник критических работ писателя. Этот сборник состоит из двух частей: в первую входят статьи о классиках XIX века — Л. Толстом, А. Островском, А. Чехове, Г. Церетели, Ал. Казбеги, а во

Демна Шенгелая. «Статьи». Редактор С. Чиковани. Издательство «Сабчота мцeralи», Тбилиси, 1956 г. На грузинском языке.

вторую часть — очерки о грузинском фольклоре. Здесь же опубликована статья о видном советском прозаике Н. Лордкипанидзе.

Эти очерки не случайны для Демны Шенгелая, они являются органическим продолжением его творческой работы. Вопросы творчества, духовной жизни писателя часто становились темой художественных произведений Д. Шенгелая. Народным творцам посвятил он один из своих ранних рассказов «Творец» — эту замечательную повесть о грузинском художнике средних веков. О тбилисских мастерах-чеканщиках написан его роман «Заря». Этих же творческих проблем касается и его роман «Вдохновение», в котором отображены новый социалистический Тбилиси и его люди.

С точки зрения поднятых проблем литературно-критические этюды писателя являются продолжением его рассказов и романов.

В очерке «Певец жизни», посвященном Александру Казбеги, автор мастерски показал особенности внутреннего мира замечательного грузинского писателя XIX века.

В начале своего очерка Д. Шенгелая дает портретную характеристику Ал. Казбеги. Скупыми мазками он рисует не только внешний образ Казбеги, но и его внутреннее горение. Читаешь эти строки и чувствуешь, что автор создавал портрет Казбеги не только и не столько фотоснимками, сколько по его рассказам. Очерк раскрывает значение творчества Ал. Казбеги для нашей современности.

С таким же увлечением написаны и очерки Д. Шенгелая о Важа Пшавела, Георгии Церетели и об одном из замечательных мастеров нашего времени — Нико Лордкипанидзе.

С неослабевающим интересом читается

очерк о Льве Толстом. Демна Шенгелая начинает с портрета, и читатель ясно видит исполина, его пронзительно-умные серые глаза. Демна Шенгелая, опираясь на гениальные статьи В. И. Ленина о Л. Толстом, в хронологической последовательности рассматривает толстовские произведения: «Детство, отрочество и юность», «Набег», «Рубка леса», «Севастопольские рассказы», «Утро помещика», «Поликушка», «Война и мир», «Анна Каренина».

Сборник статей Демны Шенгелая — это книга писателя, тонкого мастера слова, много размышлявшего о проблемах творчества. В своих статьях о классической литературе Д. Шенгелая рассказывает о родоначальниках и вдохновителях, предшественниках и учителях наших современных мастеров пера, ищет живую связь с лучшими литературными традициями, которые были выработаны классиками русской и грузинской литератур.

О ком бы ни говорилось в этих статьях, о Толстом или о Чехове, об Ал. Казбеги или о Важа Пшавела, в сборнике всюду подчеркиваются гуманизм, самоотверженное служение народу, демократизм, патриотизм, народность великих представителей литературы.

Вопросам фольклора в сборнике посвящены статьи «Об Амирани», «Народные истоки грузинского театра», «Млечный путь» и другие. Здесь автор предстает как несомненный знаток быта, истории и мифологии грузинского народа.

Сборник Демны Шенгелая безусловно является ценным приобретением для грузинской литературы, для всего нашего литературоведения.

Г. НАТРОШВИЛИ.

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО

ГАБРИЭЛА
СУНДУКЯНЦА

28 Декабря
1909 г.
Тифлис

Дорогая моя Аннета.

Спешу поделиться с тобою первыми моими чувствами относительно моей новой пьесы «Любовь и свобода». Я окончил все поправки и теперь я так доволен и рад, так, что мне ка-

жется, я на седьмом небе или в бреду.

Я хотел написать об этом в только что отправленной вчерашней открытке, но счел неудобным, хотя я понес ее лично на почту. Что другие скажут не знаю, но я пока доволен безконечно.

Грузинский перевод идет своим чередом.*)

Но как бы я не был рад, эта радость не может сравниться с тою радостью, которую я удостоюсь испытать при нашей встрече.

Тоню поцелуй и сообщи ей, для нея у меня это не секрет.

Габриэл.

*) Пока переведено 2½ действия, остается 1½.

Письмо великого армянского драматурга, помеченное декабрем 1909 года, обращено к его дочери Нине, находившейся в ту пору в Москве.

Пьеса «Любовь и свобода», о которой говорит Г. Сундукянц в своем письме — одно из последних его произведений. Она написана им в 1909 году, в пору увлечения Г. Сундукянца деятельностью благотворительных обществ.

Осуществленный им совместно с И. Имедашвили перевод этого произведения на грузинский язык убедительно показывает, как близки были Г. Сундукянцу интересы грузинской сцены с самого возникновения в Грузии профессионального театра.

В 1880 году, например, была напечатана на грузинском языке его комедия «Пепо», в переводе самого Сундукянца, с участием Р. Эристави и И. Бакрадзе. Поставленная сперва на кутаисской сцене, а затем и в Тбилиси, она была встречена зрителями с восторгом.

Тоня, упоминаемая Г. Сундукянцом в конце письма, — младшая дочь драматурга — Тинатина Сундукян, актриса.

Публикуемое письмо предоставлено нам поэтом-академиком И. Г. Гришашвили.

И. ЕНИКОЛОПОВ.

ПЕРЕД ДЕКАДОЙ

Что покажут театры Тбилиси в Москве

ЛУЧШИЕ ОПЕРНЫЕ
И БАЛЕТНЫЕ
СПЕКТАКЛИ

С московским зрителем мы познакомились двадцать лет назад, на первой декаде грузинского искусства и литературы в Москве, когда на столичной сцене с успехом прошли оперы З. Палиашвили, М. Баланчивадзе, В. Долидзе.

В этом году репертуар нашего театра будет намного шире. Кроме классической грузинской оперы — «Даиси» З. Палиашвили мы привезем в Москву новую постановку оперы «Орлеанская дева» П. Чайковского.

Композитор Д. Торадзе заканчивает работу над оперой «Невеста Севера», посвященной жизни А. С. Грибоедова и большой дружбе деятелей русской и грузинской культуры. Либретто оперы написано поэтом И. Нонешвили.

Театр ведет работу и над оперой «Арсен» композитора А. Букиа.

Грузинский балет на декаде будет представлен спектаклями «Горда», «За мир» Д. Торадзе, а также балетом «Отелло» А. Мачавариани.

Нам предстоит еще много поработать, может быть, кое-что пересмотреть, сделать по-новому. Но мы надеемся, что коллектив театра, сознавая свою большую ответственность, успешно подготовится к декаде.

Д. МЧЕДЛИДЗЕ,
народный артист Грузинской ССР, директор тбилисского театра оперы и балеты имени З. Палиашвили.

ПЕРЕД ДЕКАДОЙ

Что покажут театры Тбилиси в Москве

НАШ РЕПЕРТУАР

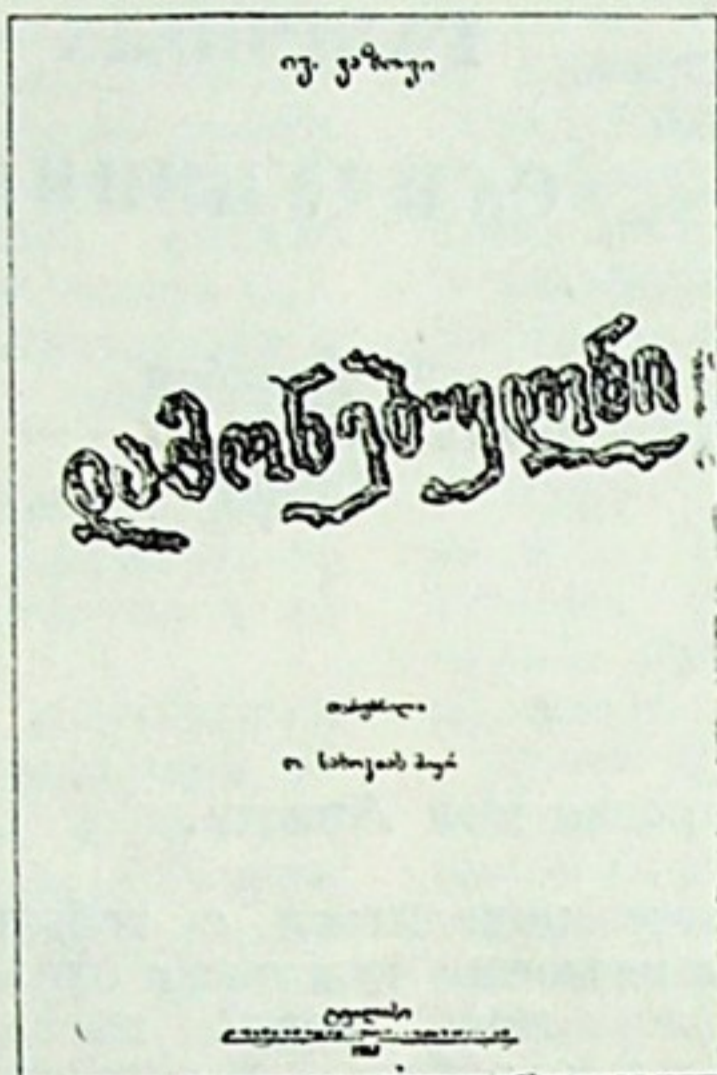
В эти дни весь наш коллектив — режиссеры, актеры, художники — занят подготовкой к декаде грузинского искусства и литературы в Москве. Отбирая спектакли для предстоящей декады, мы стремились разнообразить свой репертуар. Театр везет в Москву «Царя Эдипа» Софокла и «Бориса Годунова» А. Пушкина в постановке режиссера Д. Алексидзе. Известно, что эти спектакли получили высокую оценку тбилисского зрителя.

Сейчас режиссер М. Туманишвили и художник Д. Тавадзе заняты новой постановкой пьесы Л. Киачели «Таризел Голуа». О жизни сегодняшней грузинской деревни расскажет москвичам пьеса М. Мрелишвили «Лавина» (режиссер С. Челидзе, художник П. Лапиашвили). Кроме этого мы покажем в Москве трагедию Шекспира «Отелло», над которой работают в настоящее время режиссер Ш. Агсабадзе и художник Д. Тавадзе. В музыкальном оформлении спектаклей принимают участие ведущие композиторы республики — О. Тактакишвили, А. Балачивадзе, Л. Лагидзе и др.

Коллектив нашего театра приложит все усилия, чтобы грузинское сценическое искусство было достойно представлено в Москве.

П. КАНДЕЛАКИ,
заслуженный деятель искусств Грузинской ССР, директор театра имени Руставели.

ПЕРВЫЙ ПЕРЕВОД РОМАНА ИВАНА ВАЗОВА „ПОД ИГОМ“ НА ГРУЗИНСКИЙ ЯЗЫК

В эпоху национально-освободительного движения болгарского народа, стремившегося сбросить иго турецкого владычества, была написана одна из интереснейших страниц истории болгаро-грузинских литературных связей

Передовая грузинская общественность особенно внимательно следила за героической борьбой болгар во время вооруженного восстания 1876 года, ибо судьба далекой страны во многом напоминала тяжелое прошлое Грузии.

С большим сочувствием писала о борьбе болгарского народа грузинская пресса. И. Чавчавадзе на страницах «Иверии» систематически публиковал письма, корреспонден-

ции и сводки о положении в Болгарии. Газета «Дроеба» также писала о мужестве и самоотверженности болгар. Характер болгарского освободительного движения 60-х годов XIX столетия Н. Николадзе позднее подробно осветил в историко-политическом очерке, напечатанном в «Моамбе» (1894 г.).

В годы революционного подъема в Болгарии сформировался замечательный талант классика мировой литературы, глашатая идей национально-освободительной борьбы Ивана Вазова.

Стихотворения из революционной трилогии Вазова (сборник «Знамя и гусли», 1876 г., «Печали Болгарии», 1877 г., и «Избавление», 1878 г.) пользовались большой популярностью в Грузии, и некоторые из них распевались, как революционные гимны.

Революционная пьеса Вазова «Руска», пользовавшаяся огромным успехом в Болгарии, снятая с репертуара театров за то, что в ней восторженно говорилось о радостной братской встрече русских на Балканах в 1877 году, ставилась и в Грузии, в частности в Кутаиси.

В 1887—1889 гг. Вазов создает роман «Под игом» — монументальную эпопею социальной и политической жизни Болгарии, национально-освободительной борьбы болгарского народа. Роман был написан в России, когда писатель, преследуемый за демократические убеждения и взгляды, за братскую любовь к русскому народу, вынужден был покинуть родину.

Роман «Под игом» был переведен на грузинский язык Тедо Сахокия и печатался отдельными главами в журнале «Моамбе» (1898—1900 г.).

Революционный дух романа привлек многих читателей. Известный педагог и журналист А. Цагарейшвили — воспитанник кутаисской гимназии — отмечает огромный интерес кутаисской передовой общественности, молодежи города и учащихся, который они проявляли к творчеству болгарских писателей и к грузинскому переводу романа И. Вазова «Под игом» в 90-х годах прошлого столетия.

О большом значении историко-революционного романа И. Вазова читали доклады на ученических собраниях, его

распространением занимались многие передовые деятели тех лет. Инспектор кутаисской грузинской гимназии, писатель и общественный деятель Силован Хундадзе лично раздавал экземпляры романа И. Вазова революционно настроенной молодежи города, знакомя ее с выдающимся произведением славянского писателя.

По инициативе учащихся Кутаиси, при поддержке и содействии со стороны передовых педагогов, силами ученических кружков с большим увлечением ставились спектакли и инсценировки из болгарской жизни и по роману «Под игом».

В редакции журнала «Накадули», — вспоминает И. П. Вартагава, — в устраиваемых редакцией сборах выступали сотрудники со своими докладами о роли новой болгарской литературы в деле освобождения славянских народов, а также об огромном значении переводов произведений И. Вазова на грузинский язык.

Среди прогрессивной грузинской интеллигенции велись споры и диспуты о развитии славянской литературы и ее влиянии на литературу других народов, о мировоззрении Вазова, о его месте в истории мировой литературы.

Отдельной книгой роман «Под игом» на грузинском языке был издан в Тифлисе, в 1900 году.

В том же году, в Париже, Т. Сахокия познакомился и сблизился с Вазовым. В знак любви и дружбы он послал болгарскому писателю грузинский перевод его романа. Вазов ответил переводчику теплым письмом.

Иван Вазов живо интересовался драматургией Грузии. Он с большой любовью отозвался о драме Сумбаташвили-Южина «Измена», которая с успехом шла на болгарской сцене. Этой постановке Вазов посвятил прочувствованную статью, в которой говорилось: «...трагедия «Измена» развивается на грузинском народно-патриотическом сюжете. В ней со всей полнотой обрисована животрепещущая историческая картина угнетения грузинского народа персидскими поработителями... Несмотря на недостатки постановки и бедность декораций, необходимых для этой исторической драмы, спектакль был принят публикой горячо, радостно, он произвел на нее неизгладимо-большое впечатление».

Время пребывания Сахокия и Вазова во Франции совпало с открытием Всемирной парижской выставки. На выставочных стендах и витринах, среди многочисленных экспонатов и книг была и вышедшая в то время на французском языке книга профессора А. Хаханашвили «Грузия».

Вазов купил эту книгу и внимательно познакомился с ней. Грузия его заинтересовала, и у него зародилась мысль приехать на Кавказ и побывать в Тифлисе. Об этом он сам сообщил в письме к Т. Сахокия.

В 1901 году в болгарском ежемесячнике «Болгарский сборник» Вазов напечатал интересный очерк-обзор «Историческое прошлое грузинского народа». В очерке Вазов говорит о Грузии, о русско-грузинских связях. Писатель горячо отзывается о достижениях грузинской культуры. С увлечением рассказывает он об И. Чавчавадзе, Г. Эристави, Н. Бараташвили, А. Церетели, Р. Эристави, Е. Габашвили, проф. Д. Чубинашвили. Болгарский писатель с преклонением говорит о Руставели, о его бессмертном «Витязе в тигровой шкуре». Перевод этого очерка Тедо Сахокия опубликовал в «Цнобис пурцели», в апреле 1901 года.

Корреспонденции, письма и очерки, напечатанные в «Иверии», «Дроеба», «Моамбе», «Цнобис пурцели», а также грузинский перевод романа «Под игом» сыграли большую роль в деле взаимопознания двух народов, упрочения болгаро-грузинских культурных связей.

Л. ДЖУЛАБАШВИЛИ.

ПЕРЕД ДЕКАДОЙ

Что покажут театры Тбилиси в Москве

ТВОРЧЕСКОЕ ВДОХНОВЕНИЕ

Энергично, с творческим вдохновением готовимся к предстоящей декаде. Коллектив нашего театра заблаговременно обсудил спектакли, которые намечено показать в Москве. Одновременно велась серьезная работа с грузинскими драматургами, новые произведения которых были доработаны совместно с авторами.

Из постановок, готовящихся к декаде, мы назовем пьесу «Секретарь райкома» Р. Табукашвили, «Гибель эскадры» А. Корнейчука и пьесу Г. Бердзенишвили «Раненый орел». Пьеса «Раненый орел» посвящена восстанию гурийских крестьян против царизма летом 1905 года.

Уже подготовлены к декаде «Изгнанник» Важа Пшавела, «Ричард III» Шекспира, «Царь Ираклий» Л. Готуа и «На дне» М. Горького.

И. ГВИНЧИДЗЕ,
заслуженный деятель искусств Грузинской ССР, директор театра имени К. Марджанишвили.

СЕРЬЕЗНЫЙ ЭКЗАМЕН

Мы понимаем, каким серьезным экзаменом будут для нас выступления перед московским зрителем в дни декады. Поэтому коллектив театра прилагает все усилия к тому, чтобы хорошо подготовиться к поездке в Москву. В первую очередь, мы познакомим москвичей с лучшими пьесами грузинских драматургов, переведенными на

Что покажут театры Тбилиси в Москве

русский язык. Историко-революционная драма В. Дарасели «Киквидзе» (перевод А. Кузьмичева) рассказывает о подвигах начальника шестнадцатой дивизии Красной Армии, сражавшейся под Царицином, героя гражданской войны Василия Киквидзе. В декадный репертуар включены также пьеса «Закон гор», написанная С. Шаншишвили по мотивам повести А. Казбеги «Хевисбери Гоча» (перевод Г. Цагарели), и недавно законченная драматургом М. Мревлишвили пьеса «Пламенный мечтатель», посвященная жизни А. С. Грибоедова. Кроме этого мы покажем в Москве пьесу «Расточитель» Н. Лескова. Готовимся к постановке пьесы «Грозовой год» А. Каплера. В ней воссоздаются образ Ленина и незабываемые события 1918 года.

Сейчас — самая ответственная и трудная пора нашей работы. Мы будем рады, если наши спектакли понравятся москвичам.

Д. АНТАДЗЕ,
народный артист Грузинской ССР, директор театра имени А. Грибоедова.

ПОДАРОК СТЕФАНА ЦВЕЙГА

28 лет назад студент тбилисского медицинского института Григорий Пицхелаури послал Стефану Цвейгу скромный подарок: ноты хореографического эскиза по мотивам рассказа «Смятение чувств». Эта музыка была навеяна глубоким впечатлением, которое произвело на юношу поэтическое творение писателя. Вскоре Григорий Пицхелаури получил письмо от Стефана Цвейга.

Зальцбург, 20 ноября 1929 года.

Капуцинская гора 55

Многоуважаемый господин,

Присылкой Вашей музыки Вы доставили мне большую радость, а то, что она исходит от молодого человека и пришла из такой дали, повышает для меня ценность этого подарка.

Я все время мечтаю о том, чтобы попасть хоть раз в Тифлис, а идущее от души желание обыкновенно исполняется. Так, быть может, в один прекрасный день я буду иметь возможность неожиданно пожать Вашу руку и рассказать Вам, каким радостным подарком для меня была Ваша посылка.

Разрешите ответить Вам сегодня одной маленькой книгой.

Откровенно преданный

Ваш Стефан Цвейг.

Господину Григорию Пицхелаури.

Тифлис.

Вместе с письмом на имя Григория Пицхелаури пришла бандероль, в которой оказалась только что вышедшая книга Стефана Цвейга «Маленькая хроника». Писатель сделал на книге дарственную надпись: «Григорию Захаровичу Пицхелаури — от сердца. Стеф. Цвейг, 1929 г.»

Сейчас Г. З. Пицхелаури — доктор медицинских наук, директор Республиканского научно-исследовательского института гигиены труда и профзаболеваний. В память о Стефане Цвейге он собирает редкие книги и материалы, связанные с жизнью и творчеством известного немецкого писателя.

А. РОСТИШВИЛИ.

ЗАБОЛОЦКИЙ Русский поэт и переводчик. Родился в 1903 году. Окончил Педагогический институт имени А. И. Герцена в Ленинграде. Первая книга стихов была опубликована в 1929 году. После этого книги стихов Н. Заболоцкого издавались в 1937 и 1948 годах. В ближайшее время в Москве выходит новый сборник стихов и избранных переводов Н. Заболоцкого. Широко известен своими переводами классической грузинской поэзии.

ЧИКОВАНИ Грузинский поэт. Родился в 1903 году. Учился в Тбилисском государственном университете. Первая книга стихов вышла в 1930 году. За поэму «Давид Гурамишвили» и стихи «Картлийские вечера», «Гори», «Кто сказал?» и «Праздник победы» удостоен Сталинской премии.

С. Чиковани плодотворно работает в области литературоведения, литературной критики, перевел на грузинский язык «Слово о полку Игореве», многие стихи Пушкина, Шевченко, Франко и др. Стихи С. Чиковани переведены на русский язык, на языки народов братских республик и стран народной демократии.

ПАСТЕРНАК Русский поэт и переводчик. Родился в 1890 году. Учился на историко-филологическом факультете Московского университета и в Марбургском университете. Первая книга стихов «Близнец в тучах» вышла в 1914 году. После этого издается много поэтических книг Б. Пастернака («Поверх барьеров»—1917 г., «Сестра моя жизнь»—1922 г., поэмы «Лейтенант Шмидт»—1926 г., «Девятьсот пятый год»—1927 г., «Второе рождение»—1932 г. и многие другие). Перу Б. Пастернака принадлежат переводы на русский язык произведений В. Шекспира, В. Гёте, Ш. Петефи, а также Г. Табидзе, С. Чиковани и многих других грузинских поэтов.

АМИСУЛАШВИЛИ Грузинский поэт. Родился в 1915 году. Учился в Театральном институте им. Руставели. Первая книга стихов вышла в 1940 году. Участник Великой Отечественной войны. После войны издал вторую книгу стихов (1946), поэму «Бакурцихский кузнец», сборник стихотворений «От Дарьяла до Каракумов» (1953).

СМИРНОВ Родился в 1913 году в Астрахани. Учился в Московском техническом институте рыбного хозяйства. С 1953 года живет в Грузии. Первое стихотворение опубликовано в 1951 году в газете «Московский большевик». Стихи В. Смирнова публиковались в журналах «Смена», «Крокодил», альманахе «Молодая гвардия» и республиканских газетах. Издательство «Заря Востока» готовит к изданию сборник стихов В. Смирнова.

ГОТУА Грузинский драматург и прозаик. Родился в 1905 году. Учился в Тбилисском государственном университете. Первая пьеса «Царь Иракий» была поставлена в 1940 году. В те же годы начал печатать рассказы и очерки. Л. Готуа написал ряд пьес на исторические и современные темы.

В 1956 году отдельным изданием вышла книга его рассказов «Крцанисская печаль». Сейчас Л. Готуа работает над историческим романом о многовековой дружбе русского и грузинского народов.

БАБАЕВСКИЙ Русский писатель. Родился в 1909 году. Первая книга рассказов — «Гордость» вышла в 1936 году. Романы «Кавалер золотой звезды» и «Свет над землей» были удостоены Сталинских премий. Публикуемый в этом номере рассказ С. Бабаевского взят из новой книги о чабанах, над которой работает писатель.

Технический редактор К. Коринтelli.

Подписано к печати 3/X-57 г.

Формат бумаги 70×1081/16. 9 печ. натур. л.+1 вкл.

Заказ № 1060.

Тираж 5.000.

У905136

Цена 5 руб.

Типография «Заря Востока» имени А. Ф. Мясникова
Издательства ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, 42.

5 руб.

6-103/196

ՆԱԲԱՅՆՆԵՐԻ
ՆՈՑԷՆՈՒԹՅՈՒՆ